

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ТГЯиМКК
_____ О.В. Магировская
« ____ » _____ 2020 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ТАБУ В ПРОЦЕССЕ
МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

45.04.02 Лингвистика
45.04.02.01 Межкультурная коммуникация и перевод

Магистрант

Д.Д. Батарило

Научный руководитель

канд. филол. наук, доц.
Я.В. Попова

Красноярск 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТАБУ.....	8
1.1. Понятие табу и его интерпретация	8
1.2. Уровни табуирования.....	16
1.3. Культурная специфика табу	21
1.4. Табу в американской лингвокультуре.....	26
1.5. Табу в немецкой лингвокультуре	37
1.6. Перевод как инструмент межкультурного взаимодействия	43
1.7. Классификации переводческих трансформаций.....	47
1.8. Жанровая и переводческая специфика официальных текстов государственных ведомств.....	59
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	68
ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ТАБУ....	71
2.1. Переводческие трансформации и приемы, используемые при передаче табу с русского языка на английский язык	71
2.1.1. Лексико-семантические трансформации.....	71
2.1.2. Грамматико-синтаксические трансформации	80
2.1.3. Смешанные трансформации	86
2.2. Переводческие трансформации и приемы, используемые при передаче табуированной информации с немецкого языка на английский язык	98
2.2.1. Лексико-семантические трансформации.....	98
2.2.2. Грамматико-синтаксические трансформации	102
2.2.3. Смешанные трансформации	105
2.3. Специфика актуализации табуированной информации при переводе	110
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	118
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	120
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	123
СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ.....	138
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА... 	139
ПРИЛОЖЕНИЕ А.....	145

ВВЕДЕНИЕ

Магистерская диссертация посвящена описанию специфики переводческой обработки табу, функционирующих в процессе межкультурного взаимодействия.

В своей профессиональной деятельности переводчик выступает посредником в процессах конструирования и реконструирования смыслов, преодолевая ряд трудностей и в практике достижения адекватности перевода с одного языка на другой.

Одной из причин, требующих от переводчика особых усилий и компетенций, выступает табу.

Феномен табу широко освещался в рамках научных исследований. Теоретический анализ соответствующей литературы показал, что отечественными и зарубежными авторами изучались вопросы происхождения и разграничения социальной и религиозной природы табу (Ж.Ж. Варбот, А.М. Кацев, И.С. Кон, А.Р. Рэдклифф-Браун, В. Вундт, Б. Малиновский, Д. Фрезер, S. Freud, Н. Schröder,), особенности выделения слов - и тем-табу в разных культурах (Л.И. Гришаева, В.Б. Кашкин, О.А. Рутер, И.А. Садыкова, Е.М. Смоленцева, Л.В. Цурикова, С. Balle, К. Bölling, R. Dahrendorf, I. Leisi, K. Wingen, U. Sander); рассматривался аспект приравнивания или дифференциации табу и запрета (Н.Б. Мечковская, R. Browne, H. Eggert, R. Keller, A. Musolff).

Теоретическое осмысление переводческой деятельности (В.Н. Комиссаров, И.С. Алексеева, Г.Р. Гачечиладзе, С.Ф. Гончаренко, Ю. Найд, Т. Сэвори, Дж. Ферс, М. А. К. Хэллидей, Дж. Кэтфорд и др.); прикладные аспекты перевода и его особенности (Л.К. Латышев, В.С. Ефимов, Н.И. Дзенс, И.Р. Перевышина, В.А. Кошкарров и др.); переводческая деятельность в контексте межкультурной коммуникации (Ю.А. Бахнова, Л.И. Гришаева, Л.В. Савушкина и др.). также представлены широким спектром исследовательских наработок.

При этом описание конкретных стратегий и тактик, переводческих приёмов в контексте взаимодействия с табу, характеристика наиболее удачных или частотных переводческих трансформаций, используемых при передаче тем-табу в процессе межкультурного взаимодействия, на настоящий момент не представлены ни исследователями-теоретиками, изучающими процессы табуирования, ни практикующими переводчиками, ежедневно сталкивающимися с трудностями перевода, продиктованными в том числе наличием табу на разных уровнях коммуникативного взаимодействия.

Выявленные пробелы делают перевод и переводческую деятельность в целом одной из продуктивных сфер для изучения табу и объясняют **актуальность настоящего исследования.**

Объектом исследования является передача табуированной информации при переводе;

Предметом исследования выступает специфика переводческой обработки табу в переводах официальных текстов российских и немецких государственных ведомств на английский язык.

В качестве **гипотезы** исследования выдвинуто положение о том, что при переводе с ИЯ на ПЯ переводчик применяет определённые переводческие приёмы, необходимые для адаптации табуированной информации в определённом контексте взаимодействия. При переводе официальных текстов государственных ведомств переводчик вынужден следовать жёстким канонам, максимально точно и дословно передавать контент, не допуская вольностей и неоправданных искажений. При этом специфика этого контента, обусловленная функционированием табуированных номинаций или контекстов, требует от переводчика особых компетенций и применения приёмов и трансформаций, которые могут варьироваться от языка к языку, от одной лингвокультуры к другой.

Целью исследования является описание специфики переводческой обработки табу в переводах официальных текстов российских и немецких

государственных ведомств на английский язык.

Для реализации цели исследования предполагается решение следующих **задач**:

1) Рассмотреть и систематизировать основные подходы к пониманию табу как феномена языка и культуры;

2) определить особенности табу как культурно-детерминированного явления;

3) выделить актуальные темы-табу в американской и немецкой лингвокультурах, описать их уровневую специфику;

4) описать жанровую и переводческую специфику русскоязычных и англоязычных официальных текстов государственных ведомств;

5) рассмотреть имеющиеся классификации переводческих трансформаций и языковых приёмов;

6) проанализировать особенности переводческой обработки табуированной информации в рамках выделенных табуированных тематик в текстах российских и немецких государственных ведомств, с точки зрения применяемых переводческих трансформаций и приемов при переводе данных текстов на английский язык;

7) систематизировать полученные результаты исследования, сформулировать основные выводы относительно специфики переводческой обработки табу.

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных учёных в области табу и табуирования (Ж.Ж. Варбот, Л.И. Гришаева, А.М. Кацев, В.Б. Кашкин, М.Л. Ковшова, И.С. Кон, К. Малгожата, М.В. Томская, Д. Фрезер, Л.В. Цурикова, Я.В. Попова, С. Balle, R. Dahrendorf, R. Keller, A. Musolff, R. Rada, U. Sander, H. Schröder и др.), межкультурной коммуникации (С.Г. Агапова, Е.Е. Анисимова, С. Биби, Т.Г. Грушевицкая, Д.Б. Гудков, В.Б. Кашкин, М.Г. Котовская, О.В. Кохан, В.В. Красных, Л.В. Куликова, В.Н. Куницына, В.М. Погольша, U. Quasthoff и др.), теории перевода (В.Н. Комиссаров, И.С. Алексеева,

Л.С. Бархударов, Я.И. Рецкер, А.Д. Швейцер, Р.К. Миньяр-Белоручев, Г.Р. Гачечиладзе, С.Ф. Гончаренко, Ю. Найд, Т. Сэвори, Дж. Ферс, М.А.К. Хэллидей, Дж. Кэтфорд, Л.К. Латышев, В.С. Ефимов, Н.И. Дзенс, И.Р. Перевышина, В.А. Кошкарров), переводческой деятельности в контексте межкультурной коммуникации (Ю.А. Бахнова, Л.И. Гришаева, Л.В. Савушкина), медиатекстов в аспекте медиалингвистики (Т.Г. Добросклонская, М.Ю. Казак, Г.Я. Солганик, В.Г. Костомаров, Я.Н. Засурский, Ю.Д. Артамонова и др.).

Материал исследования: официальные тексты российских и немецких государственных ведомств (МИД России, *Auswärtiges Amt*) и их перевод на английский язык, представленные на официальных сайтах ведомств за 2018-2020 годы, общим объемом: 130 текстов брифингов и заявлений официального представителя МИД России и их переводов на английский язык, 75 текстов заявлений, комментариев министра иностранных дел Германии, официальных уполномоченных лиц и их переводов на английский язык.

Основными **методами исследования** в магистерской диссертации выступают (пред)переводческий анализ текста, прагмалингвистический анализ. Также используется метод соцопроса при анкетировании носителей американской и немецкой лингвокультур с помощью онлайн формы с целью выделения актуальных тем-табу в данных лингвокультурах; при обработке результатов анкетирования и практического материала применяются сопоставительный анализ и метод количественных подсчетов.

Структура и объём диссертации: работа состоит из введения, двух глав, выводов по главам, заключения, списка использованных теоретических литературных и практических источников, приложения.

Во введении обосновываются актуальность тематики, формулируются объект, предмет, цель и задачи работы; характеризуются материал и методологическая основа. В первой главе рассматриваются основные понятия исследования такие как табу, переводческая обработка,

переводческая трансформация. Описываются основные подходы к пониманию феномена табу, определяется специфика табу как культурно-детерминированного явления, описывается уровневая организация табуирования, выявляются основные тематики табуирования в американской и немецкой лингвокультурах, описывается специфика перевода в аспекте межкультурного взаимодействия, приводится типология переводческих трансформаций и выделяются переводческие трансформации, применяющиеся при передаче табу. Во второй главе приводятся фрагменты анализа собранного эмпирического материала, наиболее наглядно демонстрирующие основные выводы, сделанные в результате проведенного исследования относительно основных переводческих трансформаций и языковых приемов в рамках переводческой обработки табу в процессе межкультурного взаимодействия; относительно специфики актуализации табуированной информации при переводе. В выводах по главам и заключении резюмируются основные результаты, полученные в ходе исследования.

Апробация работы: положения работы обсуждалась в рамках международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» в 2019 году. По теме исследования опубликована статья: «Переводческая обработка табуированной информации в официальных текстах государственных ведомств» в сборнике ВАК «Казанская наука», серия «Теория языка», №7, 2019, «Актуальные темы-табу в американской и немецкой лингвокультурах» в сборнике ВАК «Казанская наука», серия «Теория языка», №5, 2020.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТАБУ

1.1. Понятие табу и его интерпретация

Табу в широком смысле является объектом исследования ряда наук, в число которых входят этнология, этнография, религиоведение, психология. Современная лингвистика также занимается исследованием данного феномена в аспекте коммуникации и существовании запретных или нежелательных в какой-либо культуре тем (Р.А. Газизов, Г.Н. Салимова), в аспекте изменений норм табуирования в разных культурах и типах дискурса (А.М. Кацев, В.Б. Кашкин, Е.М. Смоленцева, М.А. Тульнова, Т.И. Жаркова, Л.А. Кочетова, О.М. Куницына).

Возникновение феномена табу и его первоначальное упоминание восходит к наиболее ранним формам существования общества. В широком смысле табу может рассматриваться как этнографическое понятие, означающее запрет, возникающий на любом этапе жизни общества, распространяющейся, в том числе, на факты языка [Реформатский, 1996].

Определению табу в данном ключе посвящены работы Д. Фрезера, М.М. Маковского, З. Фрейда, С. Valle и других исследователей.

Слово «табу», попало в современный языковой и научный обиход из Полинезии как термин, заимствованный из религиозно-обрядовых установлений и было впервые обнаружено исследователем–путешественником Дж. Куком. По мнению Д. Фрезера, слово образовалось из глагола «ta» («отмечать») и наречия усиления «ри», что вместе буквально должно означать: «всецело выделенный, отмеченный» [Фрезер, 1983]. Ученые обратились к изучению данного явления в конце XIX века и с помощью применения сравнительно–исторического метода смогли доказать наличие эквивалентных «табу» слов в древних языках других народов. Закрепление данного термина в большинстве современных языков мира, в том числе, всех европейских в свою очередь, является редким

случаем заимствования из языков «примитивных» народов, связанным с отсутствием более подходящего слова для данного явления в большинстве «западных» языков [Вундт, 2002; Betz 1987].

Исследованием табу в разное время занимались ученые этнографы, историки (М. Дуглас, А.Р. Рэдклифф-Браун, Дж. Фрезер, С.А. Токарев), психологи (З. Фрейд, Ж. Де Кастро). Отечественными и зарубежными лингвистами изучались вопросы происхождения и разграничения социальной и религиозной природы табу (Ж.Ж. Варбот, А.М. Кацев, И.С. Кон, G.-K. Kaltebrunner, K. Seibel, H. Schröder), особенности выделения слов – и тем-табу в разных культурах (Л.И. Гришаева, О.А. Рутер, И.А. Садыкова, Е.М. Смоленцева, Л.В. Цурикова, Г.Н. Салимова, Р.А. Газизов, И.А. Стернин, C. Balle, K. Bölling, R. Dahrendorf, I. Leisi, K. Wingen, U. Sander, M. Hensoldt-Fyda, T. Jay); рассматривался аспект приравнивания или дифференциации табу и запрета (Н. Б. Мечковская, Л.И. Гришаева, R. Browne, H. Eggert, R. Keller, A. Musolff). Как правило, внимание лингвистов было сосредоточено на способе передачи табуированных понятий только с помощью эвфемизмов, что «явно высвечивает необходимость расширения палитры исследовательских подходов к пониманию и актуализации табуированных коммуникативных феноменов в современных контекстах коммуникации» [Попова, 2014: 5].

Изначально слово «табу» понималось только как «категорический запрет на религиозной основе» [Фрезер, 1983]. Путем анализа этнографических и лингвистических источников, можно заключить, что система табу в древнем обществе регулировала обширный пласт общественных отношений: от запретов на использование определенных вещей до запретов на использование имени человека, определенных слов, связанных с верой в сверхъестественные силы.

Так, Дж. Фрезер, одним из первых исследовав природу феномена, выделил следующую классификацию табу у первобытных народов:

–Табу на действия (на пищу, питье, обнажение лица, общение,

на выход из жилища).

– Табу на людей (на вождей и правителей, на носящих траур, на женщин во время менструации и родов, на воинов, убийц, на охотников и рыболовов).

– Табу на предметы (на железо, кровь, на стрижку волос и ногтей, на узы и кольца).

– Табу на слова (на имена богов, имена собственные) [Фрэзер, 1983].

Табу на использование определенных слов и выражений имело для архаичных народов большую силу, связанную с верой в магическую функцию языка, суевериями и предрассудками [Фрэзер, 1983], страхом перед объектами культа [Вундт, 2002], нежелательными последствиями, вызванными действиями человека [Freud, 1956] и чувством опасения от последствий таких поступков и последствий событий, которые человек не может контролировать [Рэдклифф-Браун, 1996]. Необходимо отметить неразрывную связь табу и религии, свойственную ранним стадиям развития культуры. В рамках религии были сформированы основные моральные нормы и установления, выступающие социальными регуляторами общества. Табу, как элементы моральных представлений, были сформулированы и отражены в рамках древнейших священных писаний [Золотухина-Аболина, 2000].

Распространение термина табу во многом связано с работой З. Фрейда «Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии», в которой автор рассматривает табу с позиций психоанализа. З. Фрейд определяет табу как «нечто одновременно священное и нечто запретное опасное»: «Tabu heißt endlich seinem Wortsinn nach etwas, was zugleich heilig über das gewöhnliche erhaben, wie auch «gefährlich», «unheimlich» umfasst» [Freud, 1956].

З. Фрейд выделяет следующие присущие табу характеристики:

– Немотивированность. Происхождение табу неизвестно; отсутствует его рациональное обоснование.

– Принудительность. Индивид следует табу в соответствии

с принятыми нормами, не по своей воле.

– Способность к сдвигу. Табуированные объекты могут передавать свои опасные свойства другим предметам.

– Ритуализм. Соблюдение и нарушение запрета может сопровождаться словесным магическим действием.

– Двойственность. Эмоциональная составляющая табу амбивалентна, поскольку вызывает одновременно как желание нарушить табу, так и его принятие [Freud, 1956].

На сегодняшний день существуют некоторые расхождения взглядов среди исследователей в определении феномена табу и его аспектов. Так, некоторые современные исследователи полагают, что сфера применения термина «табу» относится исключительно к примитивным языкам и означает религиозный, магический или ритуальный запрет, свойственный примитивным обществам [Куницына, 2013]. По мнению К. Джорданели, словесные табу остались только в фольклоре определенного народа и не применимы к современному языку [Джорданели, 2005]. Лингвистический энциклопедический словарь подчеркивает более широкий, чем исключительно языковой, характер явления табу, присущий народам с архаической культурой [Лингвистический энциклопедический словарь, 2002].

Однако, сегодня более распространено широкое трактование данного явления. Исследователи подчеркивают, что хотя употребление термина «табу» как религиозного запрета исторически первично, с течением времени сфера употребления слова «табу» в современных языках стала включать в себя запрет на употребление определенных слов, выражений, совершения тех или иных действий, обусловленный общественными факторами. То есть табу не является строго языковым явлением.

Так, Ж.Ж. Варбот определяет феномен табу в двух значениях: 1) религиозный запрет у первобытных народов, налагаемый на определённые действия во избежание вредных проявлений сверхъестественных сил;

2) запрет на употребление определённых слов, обусловленный социальнополитическими, историческими, культурными, этическими или эмоциональными факторами [Варбот, 1979].

Наряду с этим определением встречаются и другие, в которых не проводится четкая граница между религиозным и социальным. Например, Н.Б. Мечковская, не останавливаясь на причинах табу, определяет его как «запрет совершать определённые действия или запрет произносить те или иные слова, выражения» [Мечковская, 1998].

Необходимо также отметить, что определение табу во втором значении применимо ко всем современным культурам, и по мнению Д. Кристала «относится к определенным действиям, объектам или отношениям, которые общество старается избегать» [Crystal, 1987].

Современные толковые словари также дают двойственное определение понятия табу: 1) *verbot, bestimmte Handlungen auszuführen, besonders geheiligte Personen oder Gegenstände zu berühren, anzublicken, zu nennen, bestimmte Speisen zu genießen* (запрет совершать какие-либо действия, в основном, дотрагиваться до каких-либо священных предметов, и произносить их названия); 2) *ungeschriebenes Gesetz, das aufgrund bestimmter Anschauungen innerhalb einer Gesellschaft verbietet, bestimmte Dinge zu tun* (неписанный закон, который, опираясь на определенное мировоззрение, в каком-либо обществе запрещает произносить какие-либо слова или делать что-либо) (Tabu. DUDEN, 2018).

Итак, большинство определений приравнивает табу к запрету, подчеркивая, что соблюдение табу является обязательным для всех членов социума, а их нарушение влечет за собой общественное порицание. Ряд учёных разграничивает понятия табу и запрета, объясняя различие тем, что табу обусловлено внутренней мотивацией, привязанностью к моральным и этическим нормам общества; запрет обусловлен внешней мотивацией [Schröder, 1995; Musolff, 1987]. Х. Шредер разделяет понятия табу и запрета также по причине того, что запрет «возможно оспорить

и требовать его рационального объяснения», в свою очередь «табуированный феномен запрещает себя как таковой» [Schröder, 1995: 37]. Иными словами, табу – не запрет извне, а внутренняя потребность избежать чего-либо по каким-либо причинам [Keller, 1987].

Л.И. Гришаева выделяет перечень критериев отделения понятия «табу» от «запрета», поскольку приравнивание данных понятий ведет к неоправданному расширению понятия «табу» [Гришаева, 2005]. Среди критериев автор выделяет следующие:

– *Дискурсивный релятивизм*, проявляющийся в том, что в некоторых условиях реализации интеракции существует либо не существует вариация организации взаимодействия между коммуникантами. При отсутствии дискурсивного релятивизма феномен следует считать табу, а при его наличии – запретом с той или иной степенью обязательности выполнения членами социума.

– *Степень категоричности/обязательности следования социальным образцам взаимодействия*. В случае, если при коммуникации категоричность/обязательность не подлежит сомнению коммуникантов, то данное явление может считаться табу. Напротив, если необходимость следования социальным образцам взаимодействия возможно оспорить, то явление можно считать запретом, предписанием, нормой и пр., отличающихся степенью проявления категоричности/обязательности.

– *Культурная детерминированность*. Табу специфичны для определенной культуры; запреты, предписания, нормы, инструкции, в свою очередь, могут быть универсальными для большинства культур.

– *Социальная кодификация*. При формальной кодификации можно говорить о действии запрета; так законы, инструкции, нормативные акты, предписания будут зафиксированы в определенных источниках. В случае функционирования табу формальная кодификация отсутствует, а социальная кодификация зафиксирована в языке в силу сложившихся в социуме традиций.

– *Личная значимость.* Табу склонны следовать все члены социума, запреты в этом смысле скорее амбивалентны: следование им во многом зависит от особенностей личностной идентичности [Гришаева, 2005].

Причины современных табу отличаются от упомянутых причин появления табу в первобытных обществах, связанных, в первую очередь, с непониманием мироустройства и причин происходящих природных явлений. Изученный материал позволяет прийти к общепризнанному выводу, о том, что на сегодняшний день причинами табуирования выступают нормы этикета, чувства такта и приличия, мотивированные боязнью грубых, неприличных выражений, вульгарности, а также чувствами стыда, неудобства, желанием скрасить неприятное и отталкивающее [Zöllner, 1997; Balle, 1990; Реформатский, 1996]. Еще одной причиной табуирования в современном обществе является чувство деликатности, находящее выражение в вежливости, нежелании обидеть кого-либо [Zöllner, 1997; Balle, 1990].

На основе изученного материала, табу можно условно разделить на вербальные и невербальные.

Невербальные табу – это часть социального кодекса какого-либо общества, которое определяет, какие действия и поступки в нём неприемлемы [Schröder, 1995]. Невербальные табу предписывают запреты на использование тех или иных компонентов невербального поведения во время общения [Салимова, 2015]. А.В. Пашкова выделяет следующие компоненты невербальной коммуникации:

- Ведущие системы отражения невербального поведения (акустическая, оптическая, тактико-кинестическая, ольфакторная);
- Структуры (экстралингвистика, просодика, кинесика, такесика, система запахов); подструктуры (экспрессия, контакт глаз, статическое прикосновение, динамическое прикосновение);
- Компоненты (выразительные средства, физиогномика, стук, направление движения, рукопожатие);

– Элементы (поза, жест, мимика, походка, строение лица, черепа, скрип, скрежет, грохот, длина паузы, частота контакта, поцелуй, поглаживания, косметика и т. д.) [Пашкова, 2008].

К невербальным табу, в свою очередь, относятся многие акты, жесты, позы, элементы тактильной коммуникации, в том числе коммуникативно–значимое молчание [Попова, 2018].

К вербальным табу можно отнести языковые табу, которые распространены во всех языках, поскольку язык выступает носителем этнокультурных норм определенного народа. Некоторые исследователи рассматривают языковое табу как явление, представляющее собой запрет на употребление определенных слов, которые ассоциируются с опасностью, вызывают отвращение или стыд, звучат провокационно для членов языкового сообщества [Bussmann, 1990; Lenkowa, 1970]. О.А. Рутер, напротив, рассматривает языковое табу как любой запрет, существующий в языке, но тем не менее, часто всего выражаемый словесно [Рутер, 2007]. Таким образом, языковое табу не запрещает какое-либо действие, но ограничивает или запрещает прямую номинацию такого явления, его публичное упоминание.

Табу как коммуникативное явление объединяет в себе вербальные и невербальные табу. Табу возможно определить как ограничения, связанные «с необходимостью сохранения лица адресата, с запретом на причинение, прежде всего, морального ущерба другому (не обязательно участнику данной ситуации общения), с предписанием сдерживать негативные эмоции, смягчать или вуалировать негативную информацию, не допускать унижения или оскорбления человеческого достоинства, исключать грубость и насилие» [Колтунова, 2005: 79].

Следуя классификации Р.А. Газизова возможно выделить среди коммуникативных табу также табу речевые и тематические. Речевые табу подразумевают запрет на употребление грубых и неприличных выражений, а также использование в какой-либо коммуникативной ситуации речевых

формул, при использовании которых не учитываются статусно-ролевые отношения между участниками коммуникации. Тематические табу представляют запрет на использование конкретных тем при общении, которые являются «потенциально конфликтными и этически неуместными» [Газизов, 2011].

Вслед за Я.В. Поповой, в настоящей работе табу относится к явлениям коммуникативного порядка и интерпретируется не только как запрет на определенные коммуникативные действия и употребление отдельных лексем, но и как необходимость избегать в конкретной дискурсивной ситуации определённых высказываний и тем, языковых номинаций и невербальных знаков, что обусловлено прагматической мотивированностью коммуниканта с учётом общепринятых в его лингвокультурном сообществе языковых и конвенциональных запретов, норм, традиций, ценностей и предписаний [Попова, 2014].

Таким образом, несмотря на активные исследования данного феномена, в лингвистической литературе нет единого определения понятия «табу». Табу является сложным и многоаспектным явлением, берущем свое начало на архаических этапах развития общества. Эволюционируя с течением времени, явление табу прошло путь становления от запрета на религиозной основе до своего современного понимания как коммуникативного феномена, обладающего ярко выраженной культурной спецификой, влияющего на различные стороны общественной жизни и обусловленного нормами и ценностями общества.

1.2. Уровни табуирования

Функционирование табу определяется принятыми в обществе морально-этическими, культурными, эмоциональными и другими факторами, это «и культурный, и общественный, и лингвистический феномен, с точки зрения возникновения и мотивации – психологический, и всегда

ограниченный временными и пространственными рамками» [Попова, 2014: 15]. С одной стороны, «табу возникает под воздействием внутренней необходимости, с другой – как запрет извне» [Panasiuk, 1998]. Данный факт имеет определяющее значение при рассмотрении феномена табу в контексте коммуникации, поскольку подчеркивает роль индивидуальных ценностных установок личности говорящего. То, что является табу для одного человека, может не являться таковым для других и напрямую зависит от социокультурного контекста и дискурсивной ситуации общения. Принятые в определенной культуре ценности и нормы также влияют на процесс табуирования и составляют его «ведущий мотив», как на монокультурном уровне, так и на мультикультурном при общении представителей разных культур [Куницына, 2013].

В нашем исследовании мы будем опираться на дифференциацию уровней дискурсивного табуирования, предложенную Я.В. Поповой. Так, выделяется три уровня дискурсивного табуирования: приватный (личностный), интракультурный и интеркультурный. С ними соотносятся, соответственно, личностно-тезаурусные, культурно-узуальные и межкультурно-обусловленные табу [Попова, 2014].

Исследование лингвистических особенностей табу подразумевает обязательный учет экстралингвистических факторов табуирования. При выделении уровней дискурсивного табуирования в качестве основных критериев выступают экстралингвистические факторы, характеризующие ценностное измерение дискурса, а также дискурсивные маркеры, которые можно определить как «необязательные элементы, функционирующие в качестве сигналов для слушателя, облегчающие интерпретацию высказывания...», выражающие «отношение говорящего к адресату или к ситуации, о которой идёт речь, его намерения, предположения и эмоции» [Массалина, 2009]. Б. Фрейзер определяет дискурсивные маркеры как класс лексических выражений, сигнализирующих о связи между интерпретацией сегмента, которые вводятся с их помощью и предыдущего

сегмента дискурса [Fraser, 1999].

Личностный уровень представляет собой индивидуально-личностную мировоззренческую картину мира говорящего и охватывает понятия и сведения из его личной сферы деятельности и области знаний о действительности [Землянский, 2010].

Совокупность знаний, которыми обладает индивид, как представитель определенного социума и носитель культуры, обуславливают то, как он себя ведет, что делает и как интерпретирует свой опыт [Цурикова, 2001]. Эти знания составляют основу «субъективной реальности» индивида [Fawcett; цит. по Цурикова, 2001: 18] и «тезаурус индивидуального носителя информации» [Попова, 2014: 17].

Так, на данном уровне функционируют личностно-тезаурусные табу, определяющие внутреннюю личностную потребность избегать нежелательных номинаций, тем и действий. Для выделения особенностей функционирования личностно-тезаурусных табу необходимо ввести понятие табуированного речесмысла – эксплицированного в коммуникации фрагмента действительности, интерпретируемого субъектом взаимодействия как табу в конкретной дискурсивной ситуации с учетом определенного пресуппозиционного фона его участников [Попова, Куликова 2018]. Табуированные речесмыслы могут выражаться различными речевыми единицами, лингвокоммуникативными способами, они обусловлены конкретной ситуацией и контекстом общения. Личностно–тезаурусные табу, выраженные табуированными речесмыслами, могут не являться табу ни в определенной культуре, ни на межкультурном уровне, но обладать определенным смыслом для коммуниканта в конкретной ситуации общения и являться для него табу. Такие табу могут быть вызваны упоминанием конкретных номинаций, понятий, событий, имеющих значение для индивида и связанным с его личным негативным опытом. Такие табу определяют коммуникативное поведение, использование вербальных и невербальных знаков, но ввиду глубинной личностной мотивации являются сложными

для выявления, поскольку их речевое выражение является нежелательным для коммуниканта, а их упоминание может вызвать отказ от коммуникации.

Второй уровень дискурсивного табуирования – интракультурный [Попова, Куликова 2018]. Данный уровень представляет собой уровень общения представителей одной лингвокультуры, разделяющих национально-специфичные ценности, традиции и представления о разрешенном и запрещенном. Лингвокультуру мы понимаем как часть культуры народа, представляющая собой совокупность взаимосвязанных явлений культуры и явлений языка, отраженных в сознании отдельной личности [Городецкая, 2007]. На данном уровне функционируют культурно-узуальные табу, принадлежащие широкому кругу лиц. Культурно-узуальные табу возможно определить как то, о чем неприято говорить в обществе, либо самые «неудобные» темы для разговора [Schröder, 1995]. Культурно-узуальные табу выделяются в исследованиях, посвященным проблематике табу в различных лингвокультурах и могут не совпадать с принятыми в других. Такие табу не являются однородными и проявляются в разной степени в зависимости от коммуникативной ситуации и контекста, времени, меняются от поколения к поколению.

Например, в американской лингвокультуре табуированным является вопрос о личных доходах. В последние годы происходит все более активное табуирование тем и сфер, связанных с политической корректностью, неравенством по признаку пола, вероисповедания, расовой принадлежности, сексуальной ориентации, гендерной идентичности. В то же время, по сравнению с русской, в американской лингвокультуре значительно менее табуированы темы, касающиеся сексуальных отношений, в том числе вопросы полового просвещения подростков, включая обсуждения в школах профилактики СПИДа и других заболеваний, передающихся половым путем, средств контрацепции, нежелательной подростковой беременности [Huffstutter, 2007].

Необходимо отметить, что темы, явления, лексемы, являющиеся

табуированными в рамках определенной лингвокультуры, могут пересекаться с личностно-тезаурусными табу её отдельных представителей.

Сфера межкультурного взаимодействия предполагает наличие коммуникативных ограничений, связанных с различными ценностными установками и социальными нормами представителей разных лингвокультур, в связи с чем возможно предполагать функционирование большого количества табу, связанных с принадлежностью коммуникантов к различным языковым культурам – межкультурно-обусловленных табу [Попова, Куликова 2018]. При интеркультурном взаимодействии, некоторые темы, номинации, невербальные знаки, не являющиеся табу ни на приватном, ни на интракультурном уровне могут «наполниться табуированными речесмыслами в условиях межкультурной коммуникации» [Там же]. Подобные расхождения обусловлены одновременным действием нормативно-ценностных систем обоих коммуникантов, при чем собственное коммуникативное поведение и его последствия могут не оцениваться в контексте конкретной ситуации [Куликова, 2004].

Так, в условиях межкультурного общения нежелательным будет являться критика традиций, религиозных взглядов, трансляция негативных этностереотипов об участниках лингвокультуры, некоторых аспектов политической системы государства.

Итак, в рамках данного исследования мы выделяем три уровня дискурсивного табуирования: приватный (личный), интракультурный и интеркультурный. Табу, с одной стороны, выражают индивидуальные знания, связанные с личным опытом индивида, с другой стороны, могут представлять собой социально разделяемые долгосрочные знания. Коммуникативное поведение индивида, считается, базируется на культурно-релевантных знаниях [Цурикова, 2001]. В случае табу, индивидуальные, личностно-тезаурусные табу могут определять коммуникативное поведение индивида, не являясь культурно-узуальными. Культурно-узуальные табу являются национально специфичными и функционируют по принципу

коммуникативной уместности или неуместности в рамках одной лингвокультуры. Межкультурно-обусловленные табу, в свою очередь, требуют учета социально-культурных, ценностных норм и установок каждого из коммуникантов, принадлежащих разным лингвокультурам, что делает данную сферу продуктивной для исследования особенностей функционирования табу и их перевода.

Таким образом, коммуникативный контекст в рамках монокультурной или мультикультурной коммуникации имеет определяющее значение при выявлении и исследовании табу, которые зависят от ситуации общения и могут динамично изменяться с течением времени.

1.3. Культурная специфика табу

Коммуникативное поведение индивида зависит как от индивидуальных, так и от социально-разделяемых языковых и неязыковых знаний, что «составляют фундамент коммуникативного поведения человека и являются необходимым условием осуществления речевой деятельности» [Цурикова, 2001]. Табу, будучи сложным коммуникативным явлением, объединяющим личностный опыт индивида с устойчивыми социальными нормами общества, в котором происходила его инкультурация, тесно связан с воздействием на индивида общепринятых норм, традиций, ценностей, принятых в культурном сообществе и его речемыслительной потребностью [Попова, 2012].

В данном случае можно говорить о табу, как о культурно-детерминированном феномене. Исследователи табу утверждают, что табу являются сильнейшей из всех конвенциональных норм [Wagner, 1991]. Л.И. Гришаева трактует табу как «сугубо культурный феномен» и определяет культурное табу как социальный образец взаимодействия между коммуникантами в тех или иных условиях [Гришаева, 2005].

Специфика табу как культурно-детерминированного явления

заключается в «неписаном» характере социально-разделяемых всеми носителями определенной культуры запретов и ограничений на определенные формы поведения, в том числе коммуникативного. Такие табу произвольны и иплицитны, они являются «жесткими и абсолютными для всех членов культурного сообщества» [Гришаева, Цурикова, 2005]. Представители лингвокультуры, как правило, склонны соблюдать их автоматически, не анализируя причины своего коммуникативного поведения, а следуя поведенческим паттернам и стереотипам, принятым в рамках языкового сообщества и приобретенными в ходе инкультурации в рамках определенной культуры. Данный характер функционирования табу обеспечивает их закрепление и дальнейшее воспроизведение в культуре [Гришаева, Цурикова 2005].

Свойственные определенной культуре (культурно-узуальные) табу являются элементом коллективной идентичности [Гришаева, Цурикова 2005]. Знание и следование таким табу служит показателем «своего» и «чужого» для представителей культурного сообщества, позволяет избежать коммуникативной неудачи либо провала.

Некоторые исследователи отмечают лакуарность проблематики изучения культурно-узуальных табу [Кострова, 2005]. Так, выделение основных сфер табуирования происходит путем социологических опросов представителей лингвокультуры.

Анализ изученных теоретических источников по данной проблематике позволил выявить пересечения сфер табуирования в разных лингвокультурах. Например, табуируются:

- темы и номинации, относящиеся к сфере физиологии, физиологических процессов организма;
- темы и номинации, относящиеся к сексуальной сфере;
- номинации, относящиеся к теме смерти;
- наименование понятий и обсуждение тем, относящихся к сфере социального статуса, заработка, бедности;

- упоминание умственных и физических недостатков человека;
- обсуждение тем, относящихся к сфере состояния физического и психического здоровья;
- темы и номинации, относящиеся к сфере этнических, религиозных, возрастных, половых различий;
- темы и номинации, относящиеся к военной сфере;
- темы и номинации, относящиеся к сфере пагубных привычек (алкоголизм, наркомания);
- обсуждение негативных явлений действительности (кризис, голод, тюремное заключение);
- обсуждение тем инцеста, насилия над детьми, семейного насилия, педофилии, сексуальных домогательств;
- грубые ругательства [Holder, 1995; Куницына, 2013; Салимова, 2015].

Мотивация табуирования данных сфер может быть следующая:

- табу из-за боязни, страха [Кацев, 1988]
- табу из деликатности [Попова, 2010];
- табу из соблюдения приличия [Ullmann, 1962];
- табу из чувства социального такта [Zöllner, 1997].

Наряду с наличием пересечений в сферах табуирования, наблюдаются явные различия между табу в разных европейских лингвокультурах, различия в степени открытости тем-табу, отличаются обстоятельства и коммуникативный контекст, при котором может быть затронута данная проблематика. Так, для представителя русской лингвокультуры вопрос о заработной плате будет являться менее табуированным, чем для представителей американской и немецкой лингвокультур.

Состав тем и сфер культурно-узуальных табу также зависит от социокультурного контекста. В 90-е годы XX века в России вместе с коренными изменениями общественной жизни, подверглась детабуированию сфера сексуальных отношений, в СМИ появилось большое количество материалов, упоминающих различные аспекты интимных

отношений между полами.

Изменения в системе табу реализуются как в нарушении запретительных норм – детабуирования, так и в процессе табуирования – создания новых запретов и могут проявляться как в вербальной, так и в невербальной форме [Тульнова, 2010].

Соотношение вербальных и невербальных табу можно выразить следующим образом:

– Табуирование действий и выражения действий, находящихся под абсолютным запретом («Об этом не говорят и этого не делают»). Например: инцест;

– Выражение табуированных действий путём использования этикетных средств («Об этом не говорят открыто, но совершают»). Например: функции тела вместо физиологические выделения;

– Вуалирование при выражении табуированных действий с помощью замены одних выражений – другими («Вообще этого не делают, но, если всё же это делают, то говорят об этом, подменяя понятия»). Например: «Операция» вместо «Война» [Schröder, 1995].

Несмотря на то, что современной культуре свойственно детабуирование тем и сфер, бывших в прошлом табуированными (секс, прямая номинация в масс медиальном дискурсе заболеваний, связанных с интимной сферой – запор, простатит, месячные и т.д., употребления ненормативной лексики в интернет-коммуникации), с другой стороны происходит табуирование сфер, бывших ранее не табуированными. Так, в связи с изменениями в морально-этической сфере и распространением политкорректности и толерантности в коммуникации, во многих языковых культурах появляются запреты либо ограничения на использование прямых номинаций, относящихся к определению расы, этноса, гендерной и половой принадлежности, сексуальной ориентации индивида [Тульнова, 2010; Куницына, 2013].

В языке табуированные речесмыслы, детерминированные разными

видами табу, эксплицируются различными языковыми средствами. Под экспликацией табуированных речесмыслов понимаются коммуникативные способы выражения содержания какого-либо понятия, интерпретируемого субъектом в конкретной коммуникативной ситуации как личностное, национальное или межнациональное (межкультурное) табу [Попова, 2010].

Культурно-узуальные табу, являясь социально разделяемыми всеми членами культурного сообщества, предсказуемы и легко определяются коммуникантами. Они могут выражаться посредством общеязыковых эвфемизмов, известных всем членам языкового коллектива, а также общеязыковых конструкций-клише, сравнений и метафор, интонационного выделения, долгого произношения определённых слов, непродолжительной паузации, использованием лексических единиц в их прямом денотативном значении, негативноконнотированных номинаций, языковой игры и иронии, а также невербальными знаками – пожатием плечами, гримасами, жестами рук [Попова, 2014].

Несмотря на выраженную национальную специфику культурно-узуальных табу, необходимо подчеркнуть, что содержание таких табу необязательно будет относиться к «ядерной части личностной идентичности», поскольку индивидуальное отношение к табуированному явлению может различаться между конкретными представителями одной лингвокультуры [Гришаева, Цурикова, 2005: 288]. Факторами различий в степени табуированности одного и того же явления в одном культурном сообществе могут выступать, например, деление общества на социальные слои.

Так, в американской лингвокультуре представители более высоких социальных слоев стараются избегать использования табуированных номинаций, которые на их взгляд кажутся резкими и неудобными. В то же время более низкие слои общества предпочитают не использовать слова и выражения, недостаточно ярко иллюстрирующие их эмоциональное

состояние.

Степень табуированности тем и номинаций в рамках монокультурного общения может различаться в зависимости от степени знакомства коммуникантов. Так, представители большинства лингвокультур при общении с людьми, расцениваемых как близкий круг общения, могут использовать прямые номинации табуированных в национальной культуре явлений. Например, американские молодые люди могут использовать обращения *bud*, *bro*, *dude* по отношению друг к другу, либо используя инвективы *fuck*, *bullshit*, *motherfucker*, но эти же лексемы будут являться табуированными при общении со старшими членами семьи либо малознакомыми людьми.

Таким образом, табу, присущие национальной культуре, свидетельствуют о сложившихся культурных связях между членами языкового коллектива. Несмотря на наличие общих черт в сферах табуирования в некоторых европейских лингвокультурах, каждой из них присуща определенная специфика отношения представителей к табуированным явлениям, степень открытости при обсуждении табуированных тем и номинации табуированных понятий и явлений.

1.4. Табу в американской лингвокультуре

Исследование табуированных феноменов и их языкового выражения в рамках определенной лингвокультуры предполагает учет основных национально-специфичных черт данной культуры. Так, для американской лингвокультуры определяющим фактором является этническое разнообразие нации. На июль 2016 года белые американцы составляют расовое большинство – 76.9% от общего населения. Афроамериканцы, являясь наиболее крупным расовым меньшинством, составляют 12,7 % населения. Латиноамериканцы как наибольшее этническое меньшинство составляют 17,8 % от населения (County planning. 11.08.2019). Помимо этого,

существуют отдельные этнические сообщества.

Такое многообразие исторически связано с потоком иммигрантов, населивших территорию США. На развитие американской культуры оказали влияние культурные и языковые «вливания» из стран Европы, Ближнего и Среднего Востока, Юго-восточной Азии [Туганова, 1991]. Тем не менее, благодаря территориальной изолированности культура Соединенных Штатов приобрела отдельные специфичные черты [Леонтович, 2005].

Американский вариант английского языка также претерпел изменения, связанные с влиянием как языков коренного американского населения, так и языков испанских, голландских и французских колонистов, а также языков иммигрантов из стран Европы, Азии и Африки. Необходимо отметить, что изменения коснулись только лексической системы языка, с чем связано большое количество заимствований для обозначения реалий американского общества [Abu Fares, 2019].

Американская культура является индивидуалистской; основными чертами культуры такого типа являются индивидуальная автономия, невмешательство в личные дела других, коммуникативная неприкосновенность [Щиплецова, 2011]. Также американскую культуру относят к низко-контекстным культурам, где коммуникация должна быть как можно более непротиворечивой; передаваемое сообщение должно быть ясным, однозначным и точным [Hall 1987; Hensoldt-Fyda, 2018]. Такие особенности опосредуют основные ценности американской культуры [Hofstede, 2010; Ma, Schoeneman, 1997].

В.И. Карасик определяет ценности определенной культуры как наиболее фундаментальные характеристики культуры, высшие ориентиры поведения. В ценностной картине мира «существуют наиболее значимые для данной культуры смыслы, культурные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [Карасик, 2002: 169].

Так, исследователи выделяют среди основных ценностей американской

культуры чувство независимости и самодостаточности (independence and self-sufficiency). Равенство (equality) подразумевается, как равенство возможностей, независимо от принадлежности к определенному социальному классу и полу. Выделяется также неформальность в отношениях (informality); индивидуализм (individualism); свобода (freedom); принцип соревнования (challenge); уважение частной жизни (privacy); демократия (democracy); вера и устремленность в будущее, изменения, прогресс (future, change, progress); гуманность (humanity); возможность достичь всего своими усилиями (achievement, action, work, materialism); прямота и уверенность (directness, assertiveness); патриотизм (patriotism) [Яковлева, 2009; Осипов, 2010].

Данные культурные особенности влияют на функционирование табу в американском обществе. Индивидуалистский характер американской культуры затрудняет выделение культурно-узуальных табу, разделяемых всеми членами общества, поскольку американцы не склонны обобщать отдельных членов своей культуры [Стернин, 2001].

Тем не менее, несмотря на разнообразие этнических сообществ среди населения, исследователи отмечают стремление иммигрантов следовать основным ценностям американской культуры [Яковлева, 2009].

Большое количество табу религиозного характера существовало в американском обществе в среде пуритан Новой Англии, что связано со строгими моральными нормами сообщества, в частности в сексуальной сфере, такими как супружеская измена, добрачный секс, аборт, богохульство и жестокими наказаниями за нарушение данных табу [Onishi, 1999].

Среди современных табу американской лингвокультуры исследователи выделяют, в первую очередь, табу на дискриминацию по расовому, половому, гендерному и другим признакам [Стернин, 2001; Hensoldt-Fyda, 2018]. Американский культурный плюрализм формирует общество, члены которого стараются достичь толерантности и создает уникальный неформальный стиль общения [Hensoldt-Fyda, 2018]. Тем не менее, ввиду

строгого табу, связанного с политкорректностью, американцы склонны с осторожностью выбирать подходящие слова и использовать большее количество слов, необходимых для передачи табу. Борьба с дискриминацией и стереотипизацией в США находит отражение в лексической системе языка.

В языке появляются специальные слова для обозначения отдельных видов дискриминации, такие как: «lookism» (1978) – «prejudice or discrimination based on physical appearance and especially physical appearance believed to fall short of societal notions of beauty» [Merriam-Webster dictionary, 2019], «ageism» (1969) – «prejudice or discrimination against a particular age-group and especially the elderly» [Merriam-Webster dictionary, 2019], «ableism» (1981) – «discrimination or prejudice against individuals with disabilities» [Merriam-Webster dictionary, 2019], «sexism» (1963) – «prejudice or discrimination based on sex; especially: discrimination against women» [Merriam-Webster dictionary, 2019].

Так, в современной американской коммуникации недопустимо использование слова «nigger», вместо него употребляется «Afro-American» [Стернин 2001]. По такому же принципу образуются номинации для других этнических групп: Asian Americans, Arab Americans, Hispanic Americans и Latino Americans. Необходимо отметить, что негативно коннотированные номинации, касающиеся расовой или этнической принадлежности, могут встречаться в современной американской поп-культуре, текстах хип-хоп исполнителей: *Thinkin' every nigga is sellin' narcotics* (N.W.A. Fuck Tha Police. 1988). Тем не менее, такие номинации являются табуированными в межличностном общении. В американской лингвокультуре существует расхожее мнение, что афроамериканцы могут использовать слово «nigger», в то время как использование его белыми американцами будет считаться грубейшим оскорблением [King et. al., 2018]. Примером может послужить инцидент, произошедший на концерте популярного хип-хоп исполнителя Кендрика Ламара в мае 2018 года, когда приглашенная им на сцену белая американская зрительница, исполняя совместно с артистом песню «M.A.A.D

City» произнесла в одном из куплетов слово *nigga*, повторяющееся в тексте песни несколько раз. Артист прервал исполнение песни, и зрительница была вынуждена извиниться, объясняя, что случайно произнесла слово, поскольку оно присутствует в тексте песни. Аудитория также отреагировала свистом и выкриками, выражая недовольство прозвучавшей расистской номинацией (BBC News. 23.08.2019).

Ряд табу связан с массовой стрельбой, а также действиями полиции, при задержании подозреваемых. Так, несмотря на случаи стрельбы, нежелательным считается обсуждение вопроса запрета на владение оружием (*gun control*): *In other words, the language people use when talking about guns is often designed to appeal to Americans' deepest sense of cultural identity, an image that has been crafted and reinforced by gun imagery and mythology for centuries* (The Atlantic. 28.08.2019). Действия полиции, в свою очередь, вызывают неодобрение в обществе, в связи с чем обсуждение данной тематики становится более табуированным, в частности высказывания одобрения данным действиям: *Criticism of police officers is widely accepted – justifiably for the most part – but any appreciation of them is often given little attention and can even be considered taboo* (The Diamondback. 27.09.2019).

Выделяются табу, связанные с упоминанием психических заболеваний, зависимостей, инвалидности, также обусловленные политической корректностью. В США некоторыми общественными организациями, такими как National Youth Leadership Network (NYLN) и Kids As Self Advocates (KASA) разработан «уважительный язык» (*respectful language*) предлагающий нейтрально коннотированные замены обозначениям заболеваний и физических недостатков. Например, по отношению к человеку, имеющему биполярное расстройство, используется более нейтральное выражение *she has a bipolar disorder* вместо *she is bipolar*. Для обозначения специальных парковочных мест для инвалидов используется прилагательное с нейтральной семантикой «*accessible*» *parking space* (вместо «*disabled*» или «*handicapped*» *parking space*). По отношению

к людям с проблемами зрения и слуха используется *visually impaired* (вместо *blind*), *with a hearing disability* (вместо *deaf*).

К табу относится также тема запаха тела человека, которая имеет большее значение в Америке, чем в некоторых странах Европы. «The self-consciousness about our own and others' body odor is fed constantly today by television, newspaper, and magazine advertisements» [MacPhee, 1992: 95].

Ряд табу связан с процессом естественного старения человека и распространением ценности молодости. Несмотря на недопустимость дискриминации по возрастному признаку, трансляция ценности вечной молодости вызывает неоднозначное отношение к теме старения. Так, появляются табу, связанные с темами социальных проблем, с которыми сталкиваются пожилые люди, темой сексуальной жизни людей старшего поколения, старения женского тела: *Now when you see someone who looks like a raisin or a prune, it seems so unusual that you are almost repulsed* [The New York Times. 28.09.2019].

С женским телом также связаны табу на открытое упоминание менструации, поскольку данный процесс считается дискомфортным и доставляющим чувство неловкости, а также такие процессы женского тела как выкидыш, менопауза, роды, кормление грудью и гинекологические заболевания [Webster, 2017]. Помимо данных физиологических процессов, связанным с женским телом табу остается оволосение тела. Присутствие волос на женском теле считается неприятным, грязным и связано с недостатком гигиены [Lesnik-Oberstein, 2011]. Кормление грудью до сих пор остается табуированным, несмотря на принятые законы во всех пятидесяти штатах США, разрешающие кормление грудью в любых местах: *However, nursing women are regularly scolded, shamed, given the side-eye, harassed, embarrassed, and made to leave public and private spaces by those who find the practice inappropriate or incorrectly believe it to be illegal* (The Guardian. 30.09. 2019).

Тем не менее, стоит отметить, что в последние три года происходит

постепенный сдвиг в сторону дестабурирования данных тем. Распространение феминизма, получившего новый виток развития после появления движения «#MeToo» в 2017 году, обусловило появление большего упоминания особенностей женского тела в масс-медийном дискурсе, что постепенно снимает стигму с данных тем, но отношение к ним до сих пор остается неоднозначным: *When I was working for [now defunct women's website] The Pool, I always found that when we ran pieces about bodies – whether straightforward stories such as getting a smear test or more emotional stories about infertility, miscarriage or abortion – we would always get a really strong response, and I do feel that there is an increased awareness of and desire to talk about these issues illegal* (The Guardian. 30.09. 2019).

Некоторые универсальные табу, функционирующие в большинстве лингвокультур, существуют и в американской лингвокультуре. Так, строгими табу являются инцест, педофилия и полигамия (Classroom. 05.10.2019).

В свою очередь, некоторые табу, бывшие ранее строго табуированными, дестабурируются в американской лингвокультуре. Так, упоминание своей гомосексуальности, гендерной небинарности становится допустимым в коммуникации; темы секса обсуждаются более свободно как в американском масс-медиа дискурсе, так и в межличностном общении. При этом табуированным становится понятие гомофобии и сексизма, вошедшие в разряд проявлений дискриминации наряду с расизмом.

Движение «#MeToo» также привлекло широкое внимание к теме сексуальных домогательств. Ранее глубоко табуированная тема в американском обществе попала в центр внимания средств массовой информации, обусловив культурные изменения, связанные с ее широким обсуждением, рядом судебных процессов по обвинению в домогательствах высокопоставленных лиц и постепенным дестабурированием тематики: *sexual harassment is not a new phenomenon and to anyone who's researched the topic the level of response to the #MeToo campaign is not surprising. But we are*

witnessing a cultural shift in the way we think and talk about issues that were once considered taboo or inevitable (BBC WORKLIFE. 06.10.2019). Данный сдвиг коснулся, прежде всего, домогательств по отношению к женщинам. Женщины получили возможность свободнее говорить о пережитых домогательствах, вина за сексуальные домогательства стала реже накладываться на них: *I think it [sexual harassment] just became from a taboo subject, now it's more in the open. I was maybe raised in a culture where the explanation like, 'Oh your skirt is too short, that's why' has definitely been a prevalent argument brought up. Like you brought it on yourself* (PubMed Central® (PMC). 11.10. 2019).

Вместе с тем, дестабуирование данной тематики наложило табу на проявления интереса мужчин к женщинам, поскольку неверно истолкованные знаки внимания, например, на рабочем месте, могут привести к обвинениям в сексизме и серьезным правовым последствиям.

Табуированным в американской лингвокультуре является употребление лексемы *poverty* (*бедность*) в политическом дискурсе [Замерченко, 2015]. Так, Барак Обама в своей речи, посвященной проблемам среднего класса в США, употребляет *those fighting to join it [middle class]* вместо *poor* (The Atlantic. 13.11. 2019).

В американской культуре приветствуется бесконфликтное общение, в связи с чем, темы, которые могут нарушить бесконфликтное течение коммуникации, табуируются. Так, табуированным является вопрос о достатке, адресованный даже близким знакомым и родственникам. С незнакомыми людьми в американской лингвокультуре не принято обсуждать секс, личную жизнь и семейное положение, вопросы религии и вероисповедания, возраст, привлечение к уголовной ответственности [Стернин, 2001].

В любом языке табуированной признается инвективная лексика. Инвективы представляют «устойчивый языковой оборот, воспринимающийся в той или иной культурной традиции в качестве

оскорбительного для своего адресата», «Гневное выступление против кого либо, оскорбительное выражение, брань, выпад» [Новейший философский словарь, 2003; Толковый словарь русского языка, 2012]. В американском варианте английского языка существуют перечень из десяти наиболее часто употребляющихся слов, составляющих 80 % процентов из всех относящихся к табуированной лексике, используемых представителями американской лингвокультуры: *fuck, shit, hell, damn, goddamn, Jesus Christ, ass, oh my god, bitch, suck*. Данный перечень остается неизменным на протяжении более 20 лет. Реже используются слова: *cunt, cocksucker, nigger* [Jay, 2015]. Использование данных слов связано с желанием усилить эмоциональность высказывания, влиянием сильных эмоций, таких как злость, вина, страх или состояние аффекта [Watson, Clark, & Tellegen, 1988]. Чем сильнее испытываемая эмоция, тем более «сильная» лексическая единица, относящаяся к табуированной лексике, будет выбрана [Andersson, 1985].

С целью выявления актуальных для американской лингвокультуры разноуровневых табу в рамках настоящего исследования, был проведен опрос представителей данной лингвокультуры методом анкетирования с использованием сервиса Google Формы. В опросе приняли участие 75 американцев в возрасте от 14 до 62 лет. Респондентам было предложено оценить список тем-табу по шкале от 0 до 3, где 0 – свободно обсуждаемая тема, не являющаяся (больше) табу, 3 – абсолютно табуированная тематика. Классификация тем-табу базировалась на уровневом подходе дискурсивного табуирования, приведённом во втором параграфе настоящей работы.

Проведённое исследование показало, что на интракультурном уровне для американской лингвокультуры наиболее табуированными являются темы сексуальной девиации, сексуальные извращения, инцест, педофилия (63% ответов маркированы оценками «2» и «3»); эвтаназия (53,4% ответов «2» и «3»). Нежелательным является обсуждение человеческого тела, его запахов и выделений (73,9% ответов «1» и «2»); религиозные взгляды (58,9% ответов «1» и «2»); тема абортов (75,4% ответов «1» и «2»); серьезные и смертельные

заболевания (49,3% ответов «1» и «2»). Приблизительно половина респондентов находит тему финансового положения довольно табуированной, в то время как другая половина считает тему в целом свободной (по 50% ответов), что, вероятно, можно было бы объяснить принадлежностью респондентов к определённому социальному статусу, однако данное заключение требует практического подтверждения аналитическими данными. Практически не табуированы темы сексуальной ориентации (94,5% ответов «0» и «1»), враждебности по отношению к иммигрантам (78,1% ответов «0» и «1»), милитаризма и военного вмешательства на территорию иностранных государств (79,3% ответов «0» и «1»), смерти (76,7% ответов «0» и «1»), сексуальных домогательств (78,1% ответов «0» и «1»), девиантного поведения (проституция, правонарушения, уголовные преступления (69,8% ответов «0» и «1»), контроля за продажей и применением оружия (87,7% ответов «0» и «1»). Не являются табуированными темы нарушения прав человека (71,2% ответов «0»), критики властей и политического строя (78,1% ответов «0»), демократии (83,6% ответов «0»), семейных отношений (77,8% ответов «0»). Свободно обсуждается проблема дискриминации (94,5 % ответов «0»), однако уточняется, что сама дискриминация по какому-либо признаку является недопустимой, т.е. «об этом говорят, но этого не делают».

На приватном уровне наиболее табуированы темы супружеской измены (57,6% ответов «2» и «3»), судимости и проблем с законом (60,2% ответов «2» и «3»); травмы, изнасилования, детские психологические расстройства (57,5% ответов «2» и «3»), сексуальная девиация (55,5% ответов «2» и «3»). В целом, на приватном уровне респонденты отмечали более низкий уровень табуирования тематик, чем на интракультурном. Так, для аборта оценку «2» на интракультурном уровне выбрали 37% респондентов, на приватном – только 18,1%. Для эвтаназии на интракультурном уровне оценку «2» выбрали 41,1% респондентов, «3» – 12,3%, на приватном уровне – 18,1% и 6,9% соответственно.

На интеркультурном уровне табуированию подвергается критика культурных различий, инаковости, чужеродности, традиций, языка и особенностей произношения, национальной одежды (59,1% ответов маркированы оценками «2» и «3»), высказывание стереотипных представлений о представителях другой страны (60,5% ответов «2» и «3»). Нежелательно обсуждение нарушения прав человека (62% оценок «1» и «2») и военного вмешательства на территорию иностранных государств (55% оценок «1» и «2», 12,7% оценок «3»).

Респондентам также было предложено дополнить перечень табуированных тематик, не перечисленных в анкете. Так, в единичных случаях респонденты отметили, что внутри своей лингвокультуры нежелательно обсуждать вопросы, связанные с критикой действий военных сил (США), заработком, жестокостью, физическими недостатками (лишний вес), психическими заболеваниями, гендерным неравноправием, сексуальными предпочтениями, количеством половых партнеров, менструацией, наркотиками, жестокому отношению к детям, богохульством, социализмом, привилегиями белой расы, бедностью, гендерной идентичностью, секс-индустрией, рабством, каннибализмом. Респонденты отмечали противоречивость таких тематик, как контроль за продажей оружия, нарушение прав человека, демократия и военное вмешательство, поскольку данные темы не принято обсуждать на работе либо в семейном кругу. Среди лично-тезаурусных табу отмечались темы, связанные с академическими успехами и оценками, политическими взглядами, долгами, разницей доходов, психическим здоровьем, проблемами переходного возраста, выражением поддержки определенных спортивных команд. В качестве межкультурно-обусловленных табу были упомянуты исторические конфликты, влияние США на окружающую среду, коррупция, иммиграция, высадка на Луну, критика политических решений правительства США, вторжение на Ближний Восток, расизм и уверенность в превосходстве белой расы над другими расами.

Таким образом, в американской лингвокультуре табу зачастую обусловлены этническим разнообразием населения, пропагандой идей политической корректности, недопустимости дискриминации.

1.5. Табу в немецкой лингвокультуре

Немецкая культура, также, как и американская, относится к низкоконтекстным культурам [Hall, 1987]. Сообщение, передаваемое в коммуникации, должно быть выражено эксплицитно и легко считываться коммуникантами. В соответствии с параметрической моделью Г. Хофстеде, немецкая культура является индивидуалистской, с малой дистанцией власти и относительно невысокой терпимостью к неопределённости [Hofstede, 2010]. В немецкой культуре принято уважать личную автономию собеседника, его коммуникативную неприкосновенность. Несмотря на то, что традиционно данные характеристики применяются и к американской культуре, между двумя данными культурами существует ряд различий.

Так, существуют различия в функционировании культурно-узуальных тематических табу, свойственных немецкой лингвокультуре. Несоблюдение тематических табу может вызвать непредсказуемую эмоциональную реакцию у коммуникантов, поскольку они «задевают коммуникантов «за живое» [Леонтович, 2005].

Так, исследователи отмечают, что в немецкой лингвокультуре широкий перечень табуированных тем как в общении с малознакомыми, так и в общении со знакомыми людьми и близким кругом общения. Р.А. Газизов выделяет в качестве табу, свойственных представителям немецкой лингвокультуры при общении с малознакомыми, обсуждение своей личной жизни (Privates), к чему в свою очередь относится обсуждение следующих тем:

– интимная сфера, любовные связи (Intimes (Sex), Beziehungen);

- семья (Familie);
- свои чувства (внутреннее состояние) (Eigene Gefühle (innerer Zustand))

[Газизов, 2011].

Табуированным также является обсуждение финансового положения собеседника, его зарплаты (Lohn). С малознакомыми людьми запретным будет являться обсуждение политических и религиозных вопросов, а также родственников и друзей (Verwandte und Freunde), проблем со здоровьем (Krankheiten), места работы (Beruf), личных проблем и трудностей (persönliche Probleme und Schwierigkeiten), планов на будущее (Zukunftspläne), странных запахов в непосредственной близости (seltsame Gerüche in unmittelbarer Umgebung), плохие воспоминания о детстве (schlechte Kindheitserfahrungen) [Газизов, 2011].

К табуированным темам при общении со знакомыми и близкими людьми относится меньшее количество тем, что связано с характером отношений между коммуникантами. Тем не менее, выделяются темы, связанные с обсуждением интимной жизни, личного дохода, семейных проблем, заболеваний. Менее распространены табу на такие темы как: общие знакомые (andere gemeinsame Bekannte), неинтересные темы (uninteressante Themen), собственные страхи, опасения (eigene Ängste), свои мысли (eigene Gedanken), конфиденциальную информацию о третьих лицах (vertrauliche Infos von Dritten), церковь (Kirche) [Газизов, 2011].

Возможно выделение таких табу как обсуждение национальной или этнической принадлежности собеседника, что связано с изменением национального состава немецкого общества, а также стремлением избежать проявлений дискриминации, что противоречит политкорректности и моральным ценностям современного общества [Замерченко, 2015].

К табу, связанным с проявлениями политкорректности возможно также отнести указание на половую принадлежность. Так, в Германии из анкеты соискателя, которую необходимо заполнить при приеме на работу были исключены вопросы, связанные с половой принадлежностью.

На развитие данного процесса повлияло активно развивающееся в Германии движение за права женщин. В Германии, как и в США, существует тенденция к созданию «толерантного языка», связанная с началом действия гендерной реформы языка в 1980-х годах XX века, когда на законодательном уровне было закреплено гендерно-нейтральное употребление языка. Для создания таких слов в немецком языке может использоваться слово Person не указывающее на половую принадлежность.

Темы, относящиеся к сексуальной сфере, в том числе, упоминание индивидом собственной нетрадиционной сексуальной ориентации, в современном немецком обществе табуированы меньше, чем в прошлом, что также связано со стремлением избежать дискриминации. Гомофобия и нетерпимость в Германии является недопустимой.

Тем не менее, степень табуированности данных тем зависит от конкретного контекста общения и невозможно заключить, что абсолютное большинство немцев поддерживают сексуальные меньшинства: *Händchen haltende Männer, sich küssende Frauen: In Großstädten gehört das zum Alltag, auf dem Land sind Schwule und Lesben weniger sichtbar. Was in den Köpfen der Menschen vor sich geht, bleibt dennoch unklar* (DBNA Magazin. 25.11. 2019).

Еще одной тематикой, подвергшейся детабуированию на законодательном уровне является закрепление возможности указания иного пола, кроме мужского и женского в записях актов гражданского состояния (*ein "drittes Geschlecht"*). Интерсексуальность долгое время была табу в Германии: *Intersexualität oder Varianten der Geschlechtsentwicklung wurde lange Zeit tabuisiert* (SRF. 04.11.2019). Признание существования третьего пола позволяет говорить о сдвиге в сторону детабуирования данной тематики в немецком обществе.

Табуированными, в свою очередь, остаются универсальные для большинства культур темы инцеста, сексуальных домогательств, педофилии и проституции.

Исследователи также выделяют в качестве табуированной в немецкой

лингвокультуре тематику смерти. Обращение к данной теме ограничено ритуализованными фразами соболезнований, не принято расспрашивать родственников покойного о причинах смерти.

Табуированным аспектом в немецкой лингвокультуре является тема аборта и бесплодия. Данная тема фигурирует в качестве «табу» в средствах массовой информации: *Die wenigsten sprechen darüber, kaum ein Arzt bekennt sich dazu, denn Abtreibung ist strafbewehrt. Hinter dem Tabu hat sich gefährliches Unwissen angestaut* (Deutschlandfunk. 05.11. 2019). Отмечается, что женщины, сделавшие аборт, как правило не говорят об этом: *Ein weiteres Problem ist, dass nach dem Abbruch die Frauen und Männer meist allein mit ihrer Entscheidung sind. Abtreibungen sind legal, und doch spricht fast niemand öffentlich darüber* (Zeit Online. 12.11.2019).

Такая ситуация связана с тем, что искусственное прерывание беременности в Германии регулируется Уголовным Кодексом, в связи с чем с правовой точки зрения оценивается как преступление и не подлежит наказанию только при определенных обстоятельствах [Strafgesetzbuch, §218, 2019]. Параграф 219а Уголовного Кодекса Германии запрещает публичное информирование о собственных или чужих услугах по прекращению беременности и предусматривает наказание за это до двух лет лишения свободы [Strafgesetzbuch, §219а, 2019].

Табуируется широкий перечень тематик, связанных с иммигрантами и беженцами, попавшими в Германию с Востока; в частности в аспекте политики и власти. Среди данных тематик выделяют преступность и домашнее насилие в среде иммигрантов, вероисповедание, их традиции и обычаи, национальная одежда, сексуальные привычки, терроризм. Табуирование данной тематики связано с ценностью толерантности в немецком обществе. Несмотря на это, в средствах массовой информации появляется информация, затрагивающая данные табу и отношение немцев к данным проблемам.

Табуированной тематикой для немецкой лингвокультуры является

фашизм. Табуируются тематики холокоста, оккупации и национализма, по отношению к данным историческим событиям используется термин «Kollektivschuld». Тем не менее, в последнее время тенденции восприятия второй мировой войны в немецком обществе меняются. События, произошедшие во время войны, рассматриваются более объективно, в том числе в средствах массовой информации. Так, например, поднимается тема, касающаяся жертв с немецкой стороны, например события Брюннского марша смерти при выселении немецкого населения из Чехословакии в 1945 году: *...normalerweise fanden in Brünn immer Gedenkveranstaltungen für die tschechischen und jüdischen Opfer statt. Aber 2015 wurde zum ersten Mal auch an die deutschen Opfer erinnert. Und ganz besonders an die Opfer des Todesmarsches. Das ist eine große Veränderung, das gab es vor 2015 nie. Außerdem haben sich in dem Jahr der Bürgermeister der Stadt und ein Bischof bei den Opfern, die während des Todesmarsches ermordet wurden oder starben, offiziell entschuldigt* (DW. 20.11. 2019).

Проведённый в рамках исследования опрос методом посредством сервиса Google Формы, в котором приняли участие 83 представителя немецкой лингвокультуры в возрасте от 18 до 51 года, выявил следующие особенности табуирования.

Для немецкой лингвокультуры на интракультурном уровне наиболее табуированной является тема сексуальной девиации (64,8% ответов «2» и «3»). Нежелательными считаются темы эвтаназии (78,3% ответов «1», «2», «3»), человеческого тела (78,5% ответов «1» и «2»), абортов (68,9% ответов «1» и «2»), милитаризма (52,7% ответов «1» и «2»). Противоречивыми оказались темы финансового положения и проблем миграции; ответы респондентов разделились практически пополам (по 50% ответов «0», «1» и ответов «2» и «3»). Напротив, почти не табуированы темы смерти и похоронных обрядов (79,7% ответов «0» и «1»), религиозных взглядов (83,8% ответов «0» и «1»), критики власти (95,9% ответов «0» и «1»). В целом не считаются табуированными темы семьи и детей (79,5% ответов

«0»), демократии (86,5% ответов «0»).

На приватном уровне наиболее табуированными считаются темы судимости и проблем с законом (59,4% ответов «2» и «3»), травмы, изнасилования, детские психологические расстройства (65,8% ответов «2» и «3»). Нежелательно обсуждение сексуальной девиации (66,2% ответов «1» и «2»), супружеской измены (73,9% ответов «1» и «2»). Мнения респондентов разделились по поводу свободы обсуждения личных психологических проблем, финансового положения, личной жизни, внешнего вида других людей (по 45-50% ответов «0», «1» и «2», «3»). Довольно свободны темы развода (91,8% ответов «0» и «1»), вредных привычек (79,7% ответов «0» и «1»). В целом на приватном уровне отмечается меньшее табуирование тематик, чем на интракультурном. Однако, в отличие от американцев, представители немецкой лингвокультуры продемонстрировали более напряженное отношение к своей культурной идентичности, часть респондентов указывала на нежелательность обсуждения данной темы (41,9% ответов «1» и «2»).

На интеркультурном уровне респонденты также продемонстрировали противоречивость при оценке предложенных тематик. Нежелательным является высказывание стереотипных убеждений (47,3% ответов «2» и «3») и обобщений о представителях другой культуры (41,9% ответов «2» и «3»), критики национальных особенностей (48,7% ответов «2» и «3»), но в то же время существенное количество респондентов низко оценило запретность данных тем (более 50% ответов «0» и «1» в каждой).

В единичных случаях немцами-респондентами в качестве культурно-узуальных табу отмечались тематики безработицы, бездомных, бедности, алкоголизма, неудачной беременности, возраста, секса, веса и внешнего вида, критики незнакомых родителей и их детей. Отдельно выделялись тема участия Германии во Второй мировой войне: участники опроса отметили, что крайне нежелательно упоминать имя Адольфа Гитлера.

В качестве лично-тезаурусных табу отмечалось членство в сектах

и культурах, секс, мастурбация, полигамия и полиамория, наркозависимость, семейные проблемы. Среди межкультурно–обусловленных табу были упомянуты темы нацизма, фашизма (и отношения к данной идеологии), Второй мировой войны, нетерпимости и ненависти к мигрантам, происхождения и цвета кожи.

Таким образом, в немецкой лингвокультуре, помимо универсальных для большинства культур тем-табу, актуальны проблемы нетолерантности, противоборствующего отношения в рамках одной страны к идеям национализма, антисемитизма и фашизма, к восприятию исторического прошлого государства.

1.6. Перевод как инструмент межкультурного взаимодействия

Взаимодействие представителей различных культур в современном мире становится все более распространенным явлением, что обеспечивается глобализацией и углублением интеграционных мировых процессов. И.А. Купцова выделяет среди основных характеристик современного межкультурного взаимодействия такие черты как динамичность, подвижность, спонтанность и низкую предсказуемость их результатов даже в краткосрочной перспективе [Купцова, 2017].

В данных условиях приобретает значение вопрос качества общения, происходящего между представителями различных лингвокультур, поскольку именно от качества общения зависит взаимопонимание коммуникантов. Межкультурное взаимодействие предполагает как учет культурных особенностей участников общения, так и преодоление культурных барьеров, находящих свое отражение в языке участников коммуникации.

Данные особенности определяют необходимость осуществления перевода в условиях межкультурного взаимодействия, как одного из основных средств осуществления межкультурной коммуникации.

Анализ теоретических источников показал, что в рамках теории

перевода понятие «перевод» трактуется по-разному. В.Н. Комиссаров определяет перевод как вид языкового посредничества, при котором на переводимом языке создается текст, коммуникативно равноценный оригиналу. Коммуникативная равноценность перевода заключается в «отождествлении рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, содержательном и структурном отношении» [Комиссаров, 1990].

Л.С. Бархударов отмечает, что перевод – это межъязыковое преобразование или трансформация текста на одном языке в текст на другом языке, при сохранении неизменного плана содержания [Бархударов, 1975].

И.С. Алексеева обращает внимание на фигуру переводчика в процессе перевода, определяя перевод как деятельность, заключающуюся в вариативном перевыражении, перекодировании текста, порожденного на одном языке, в текст на другом языке, осуществляемую переводчиком [Алексеева, 2004].

Некоторые исследователи определяют перевод как акт коммуникации. Так, Л.К. Латышев говорит о переводе как о центральном звене двуязычной опосредованной коммуникации, при этом отмечая, что при использовании перевода, двуязычная коммуникация стремится приблизиться по эффективности к одноязычной [Латышев, 1981]. Необходимо отметить, что ученый также выделяет важность реакции адресата перевода в качестве результата коммуникации, к которому стремится отправитель. Достижение ожидаемой реакции адресата может зависеть от верной оценки адреса и правильного выбора языковых и не языковых средств. Вслед за Л.К. Латышевым, возможно предположить, что даже в одноязычной коммуникации реакции коммуникантов на один и тот же текст могут отличаться, ввиду их личностных различий. В межкультурной коммуникации реакции коммуникантов могут различаться в этнолингвистическом аспекте, поскольку каждый из них является носителем различного языка и культуры.

Данный факт отмечает также А. Д. Швейцер в своем определении перевода как однонаправленного и двухфазного процесса межъязыковой

и межкультурной коммуникации, при котором на основе переводческого анализа первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде [Швейцер, 2009].

Таким образом, определяется роль переводчика как посредника между двумя языками и культурами, учитывающего и преодолевающего данные межкультурно-обусловленные различия.

В процессе перевода переводчик стремится привести переводимый текст к максимальному соответствию с текстом на языке оригинала. В данном случае возможно говорить об адекватности перевода, к основным чертам которого относится:

- эквивалентность – высокая степень смысловой близости перевода оригиналу;

- жанрово–стилистическое соответствие текстов оригинала и перевода;

- прагматическая ценность перевода – способность текста производить коммуникативный эффект, который достигается при учете условий порождения исходного текста, условий восприятия переводного текста, социального статуса коммуникантов, речевой ситуации, различных сопутствующих явлений [Белик, 2013; Комиссаров, 1990].

Данные характеристики перевода применимы в рамках лингвистической и коммуникативной теорий, определяющих перевод как акт межъязыковой коммуникации.

При рассмотрении перевода в рамках межкультурной коммуникации, сопоставляются не только языки коммуникантов, но и их культуры в широком понимании, а «ситуативный контекст коммуникации воспринимается как часть культурного мира» [Белик, 2013].

Л.К. Латышев отмечает: «в процессе эффективной двуязычной коммуникации имеет место не только межъязыковая, но и межкультурная коммуникация, под которой принято подразумевать адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих

к разным национальным культурам» [Латышев, 2003: 152].

При общении представителей двух различных лингвокультур, каждый из участников коммуникации создает текст на своем языке, бессознательно ориентируясь на систему ценностей своей культуры. Так, получатель информации может декодировать полученное сообщение исходя из принятых в его культуре норм, которые могут не совпадать с заложенными в сообщении культурными смыслами отправителя, поскольку язык коммуникантов отражает картину мира, свойственную их культуре. В данном случае термин «картина мира» можно определить как упорядоченную совокупность знаний об окружающей действительности в общественном создании [Попова, Стернин, 2007].

И.И. Чиронова выделяет следующие культурно детерминированные факторы, влияющие на процесс одноязычной и двуязычной коммуникации:

- Национально-культурные семантические признаки лексических единиц в двух языках;
- Различия в реальной действительности, отражающие специфику жизни, традиций, политического устройства общества;
- Особенности наивной языковой картины мира, отражающие обыденные представления и заблуждения носителей языка о мире;
- Культурные знания в широком смысле, включающие в себя фоновые знания о культурных ценностях данного народа, правилах поведения и общения [Чиронова, 2013].

Г.Д. Томахин определяет перевод в аспекте межкультурной коммуникации как «контактирование двух систем со своими национально-культурными особенностями, и контакт представителей лингвокультурных общностей, каждый со своим мировоззрением и определенным фондом культурного наледия, морально-этическими нормами, речевым этикетом» [Томахин, 1997].

Данные особенности межкультурного взаимодействия требуют от переводчика помимо владения иностранным языком обязательного учета

системы культурных ценностей коммуникантов, поскольку перевод, являясь одной из форм взаимодействия культур, дает возможность получить представление о «чужой» культуре [Сорокин, 1984; Белик, 2013].

Таким образом, в своей профессиональной деятельности переводчик выступает посредником в процессах конструирования и реконструирования смыслов, преодолевая ряд трудностей в практике достижения адекватности перевода с одного языка на другой. Поскольку в процесс перевода вступают не просто носители разных языков, но и носители различных культур, перевод — это инструмент межкультурного взаимодействия, с помощью которого происходит не только замена текста на одном языке текстом на другом языке, но и преодоление межкультурных барьеров.

1.7. Классификации переводческих трансформаций

Передача информации с одного языка на другой сопряжена, как правило, с некоторыми трудностями ввиду несовпадения семантических систем различных языков и лингвокультур. Основными требованиями к переводу, в свою очередь, являются максимально возможная степень эквивалентности оригиналу и прагматическая адаптация текста. Прагматический аспект перевода возможно определить как «установку» на получателя перевода, требующую учитывать тождественность эффекта, производимого оригиналом и переводом [Нелюбин, 2008]. Ю. Найда и Ч. Табер, говоря о прагматическом критерии адекватности перевода, отмечают, что реакция на текст перевода должна соответствовать реакции на текст оригинала, но при этом полного совпадения достичь невозможно [Nida, Taber, 1982]. Рассуждая об отличии перевода от других лингвистических подходов к тексту, Ю. Найда отмечает, что перевод имеет дело с коммуникацией, направленной к аудитории, имеющей иные культурные ценности, поэтому переводчиком должны учитываться культурные различия при учете ответной реакции получателя информации. В связи с этим,

не всегда возможна автоматическая замена единиц исходного языка единицами переводящего языка при одновременной реализации цели перевода [Найда, 1970].

Данные условия, в которых протекает перевод, определяют необходимость использования переводчиком специальных приемов и трансформаций для достижения максимально возможной эквивалентности переводимого текста. Переводческий выбор также всегда детерминирован факторами как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Различие языковых систем, функционально-стилистические особенности текста оригинала, особенности языковой и речевой норм, характерные для исходного языка и не встречающиеся в языке перевода, индивидуальный авторский стиль – таков далеко не полный перечень причин, обуславливающих необходимость переводческих преобразований [Дзенс, 2007].

К термину «переводческая трансформация» обращается большинство ученых-переводоведов, среди которых Л.С. Бархударов, Л.К. Латышев, В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер, Р.К. Миньяр-Белоручев, Я.И. Рецкер, И.С. Алексеева, Н.И. Дзенс. Однако, несмотря на широкое употребление термина и наличие научной литературы, посвященной данному вопросу, единое определение понятия переводческой трансформации отсутствует. Классификации переводческих трансформаций также различаются в зависимости от подходов ученых. Такие расхождения во взглядах на один из основных переводческих приемов обуславливают продуктивность изучения данного вопроса.

При переводе происходит трансформация текста на одном языке в текст на другом языке с целью передачи подтекста, включающего иплицитную информацию исходного текста, его эмоционально-эстетических характеристик и коммуникативно-прагматических элементов, обусловленных лингвокультурными различиями коммуникантов [Дзенс, 2007].

Определяя понятие «переводческая трансформация» ученые

рассматривают его в различных аспектах.

Так, Л.С. Бархударов понимает под переводческой трансформацией многочисленные и качественно разнообразные преобразования, осуществляемые для достижения переводческой эквивалентности («адекватности») перевода несмотря на расхождения в формальных и семантических системах языков [Бархударов, 1975].

В.Н. Комиссаров определяет переводческие трансформации как формально–семантические межъязыковые преобразования, с помощью которых осуществляется переход от единиц оригинала к единицам перевода [Комиссаров, 1990].

А.Д. Швейцер говорит о переводческих трансформациях в метафорическом ключе, называя их «операциями перевыражения» [Швейцер, 2009].

Р.К. Миньяр-Белоручев считает, что трансформации являются основой большинства переводческих приемов и заключаются в изменении формальных и семантических компонентов текста при сохранении информации, необходимой для передачи [Миньяр-Белоручев, 1999].

Я.И. Рецкер при определении переводческой трансформации делает акцент на важности контекста, в котором может находиться иноязычная информация и заключает, что трансформации являются «приемами логического мышления», при помощи которых возможно найти соответствующую единицу перевода [Рецкер, 2007].

И.С. Алексеева отмечает условный характер трансформаций, справедливо замечая, что неверно считать возможным использование трансформаций только в том случае, когда переводчик не может подобрать «готовый» однозначный эквивалент либо устойчивое вариативное соответствие. Автор понимает под переводческими трансформациями межъязыковые преобразования, требующие изменений на лексическом, грамматическом или текстовом уровнях [Алексеева, 2004].

Л.К. Латышев, внесший большой вклад в разработку классификации

переводческих трансформаций, определяет их как приемы перевода, для которых характерен отход от семантико-структурного параллелизма оригинала и перевода [Латышев, 1981]. Автор также подчеркивает комплексность таких преобразований и учитывает смешанный характер большинства трансформаций.

Исходя из приведенных определений, возможно заключить, что несмотря на отсутствие единства формулировок, большинство ученых-переводоведов сходятся во мнении, что переводческими трансформациями являются комплексные межъязыковые преобразования, осуществляемые для достижения переводческой эквивалентности при несовпадении семантических систем сопоставляемых языков; подчеркивают их условный характер.

Причины применения переводческих трансформаций также по-разному определяются в работах по теории перевода. Так, Г.М. Стрелковский выделяет следующие факторы, влияющие на выбор того или иного преобразования:

- Несовпадение объемов понятий в сопоставляемых языках;
- Соблюдение нормы языка перевода, в том числе стилистической;
- Невозможность словосочетаемости в языке перевода по образцу исходного языка;
- Несовпадение узусов [Стрелковский, 1979].

Л.К. Латышев в качестве основных мотивов переводческих трансформаций выделяет:

- Расхождение языковых систем;
- Необходимость соблюдения языковых норм;
- Стремление придать речи естественность, ситуативную и жанровую адекватность [Латышев, 1981];
- Расхождения в коммуникативных компетенциях носителей исходного языка и языка перевода [Латышев, 2005].

Последний фактор отражает сочетание творческого подхода

переводчика к переводу с необходимостью верной передачи содержания исходного текста.

Н.И. Дзенс, разделяя подход Л.К. Латышева, среди основных причин применения трансформаций, помимо расхождения систем, норм, а также узусов исходного языка и языка перевода, также выделяет такой фактор как расхождение коммуникативно-релевантных, информационных запасов носителей сопоставляемых языков [Дзенс, 2007]. Данный фактор подтверждает важность роли личности переводчика в процессе перевода, совокупности его экстралингвистических знаний, установки на получателя перевода для достижения адекватности перевода.

Существует ряд классификаций переводческих трансформаций, применяемых при переводе различных типов текста. Следует отметить, что вопрос критериев, позволяющих классифицировать переводческие трансформации, является открытым и классификации, предложенные в переводоведении, у авторов различаются. В свою очередь в западном переводоведении данному вопросу уделяется меньше внимания, чем в российском.

Так, В.Н. Комиссаров выделяет лексические трансформации, включающие в себя транскрибирование и транслитерацию, калькирование; лексико-семантические замены, к которым относятся такие приемы как конкретизация, генерализация и модуляция; грамматические трансформации, в группу которых входят синтаксическое уподобление, членение предложения, объединение предложений, грамматические замены; и лексико-грамматические трансформации, к которым относят антонимический перевод, экспликацию и компенсацию [Комиссаров, 1990].

Согласно Л.С. Бархударову, переводческие трансформации подразделяются на четыре группы: перестановки, замены, опущения и добавления. Перестановки включают в себя такие приемы как изменение порядка слов и словосочетаний в предложении, изменение порядка следования частей в сложном предложении, перестановка предложений

в тексте. К заменам автор относит грамматические замены (формы слова, частей речи, членов предложения), лексические замены (конкретизация, генерализация, причинно-следственные замены), антонимический перевод и компенсацию. К опущениям относится прием компрессии текста [Бархударов, 1975].

Я.И. Рецкер выделяет лексические (дифференциация значений, конкретизация, генерализация, смысловое развитие (модуляция), антонимический перевод, целостное преобразование, компенсация потерь в процессе перевода, добавление слов по лексическим причинам) и грамматические (полные и частичные) переводческие трансформации. К грамматическим трансформациям автор относит изменения структуры предложения, изменение порядка слов, замены частей речи и членов предложения, добавление и опущение слов, обусловленные грамматическими причинами [Рецкер, 2007]. Следует заметить, что в основе данной классификации лежит утверждение о подчинении в процессе перевода контекстуальных значений тем или иным логико-семантическим закономерностям. Учёный выделяет в качестве критериев разграничения переводческих трансформаций формально-логические категории, к которым относятся отношения подчиненности, контрадикторности, переименования и внеположенности [Там же]. Такое понимание критериев переводческих трансформаций может представляться рационализирующим для процесса перевода, опирающегося на категории языка и речи. Подобное понимание разделяет Т.Р. Левицкая. Исследователь выделяет три типа переводческих трансформаций, к которым относятся грамматические, включающие в себя такие приемы как: перестановки, опущения и добавления, перестройки и замены предложений; стилистические (синонимические замены и описательный перевод, компенсация) и лексические (замены, добавления, конкретизация и генерализация; опущение) трансформации [Левицкая, 1998].

Согласно классификации И.С. Алексеевой существуют трансформации четырех типов: перестановки; замены, включающие замены форм слова,

частей речи, членов предложения и лексические замены; добавления и опущения [Алексеева, 2004].

Л.К. Латышев, опираясь на уровни языка выделяет категориально-морфологические, синтаксические, лексические, глубинные трансформации [Латышев, 2005]. В основе данной классификации лежит понятие языковой асимметрии, затрагивающей все уровни языка. Автор при этом подчеркивает, что асимметрия может затрагивать несколько уровней языка одновременно и вводит понятие «специфических» переводческих трансформаций, учитывающее данное положение. К специфическим трансформациям относятся такие приемы как антонимический перевод, конверсная трансформация, деметафоризация и метафоризация, экспликация и импликация.

Таким образом, ученые-переводоведы различным образом выделяют критерии классификации переводческих трансформаций. Тем не менее, несмотря на использование авторами различной терминологии, некоторые понятия являются аналогичными. На практике, трансформации довольно редко встречаются в «чистом» виде, что усложняет создание их полной и исчерпывающей классификации. Чаще переводческие трансформации являются комплексными преобразованиями, затрагивающими несколько уровней языка.

Некоторые специфические типы лексики требуют обязательного использования тех или иных переводческих трансформаций и приемов для достижения адекватности перевода. Так, необходимо применение переводческих трансформаций при переводе безэквивалентной лексики.

К термину «безэквивалентная лексика», ввиду его лингвокультурологической значимости, обращаются многие ученые-переводоведы (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Л.С. Бархударов, С. Флорин, Я.И. Рецкер, В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер, Л.К. Латышев), однако трактуют его также по-разному.

В.Н. Комиссаров определяет безэквивалентную лексику

как обозначения специфических для определенной культуры явлений, являющихся продуктом кумулятивной функции языка, которые возможно рассматривать как «вместилища» фоновых знаний говорящих. В качестве безэквивалентной ученый называет единицу исходного языка, не имеющую регулярных соответствий в языке перевода [Комиссаров, 1990]. А.Д. Швейцер относит к категории безэквивалентных лексические единицы, обозначающие культурные реалии, не имеющие точных соответствий в другой культуре [Швейцер, 2009]. Л.С. Бархударов и Л.К. Латышев понимают в качестве безэквивалентной лексики слова и устойчивые сочетания исходного языка, не имеющие соответствий (ни полных, ни частичных) в виде лексических единиц языка перевода [Латышев, 2005; Бархударов, 1975]. Л.К. Латышев также предлагает классификацию безэквивалентной лексики в зависимости от причин, обуславливающих отсутствие эквивалентов в языке перевода. Так, выделяются слова-реалии, причиной безэквивалентности которых служит отсутствие в практическом опыте носителей языка предметов и явлений, обозначаемых соответствующими понятиями исходного языка, например *primaries* – предварительные выборы, определяющих кандидатов в президенты США от двух основных политических партий; временно-безэквивалентные термины, обусловленные неравномерностью достижений в научной, технической и социальных сферах, в связи с чем соответствующие термины могут присутствовать в опыте носителей исходного языка, но еще не быть известными носителям языка перевода; случайные безэквиваленты, обозначающие предметы и явления, присутствующие в опыте носителей обоих языков, но не получившие наименования в языке перевода по неопределенным причинам и структурные экзотизмы, отличие которых от случайных безэквивалентов заключается в отсутствии в языке перевода необходимых средств, аналогичных средствам исходного языка и позволяющих создать эквивалентное компактное наименование, примером чему служит немецкое словосложение [Латышев, 2005].

Ученый приводит исчерпывающую классификацию приемов, необходимых для передачи безэквивалентной лексики, не относящихся к переводческим трансформациям:

- Транслитерация;
- Калькирование;
- Приближенный перевод;
- Элиминация национально-культурной специфики;
- Перераспределение значения безэквивалентной лексической единицы

[Латышев, 2005].

Еще одной причиной, требующих от переводчика особых усилий и компетенций, выступает табу. Некоторые темы, языковые номинации, не являющиеся табуированными в одной культуре, могут являться таковыми в другой либо быть табуированными в рамках межкультурного общения. Данный факт продолжает требовать от перевода максимальной адекватности, при этом усложняя процесс коммуникации в процессе межкультурного взаимодействия. Встречаясь с табу в ходе перевода, переводчик вынужден применять специфические переводческие приёмы, необходимые для адаптации табуированной информации в определённом контексте взаимодействия. Данный процесс мы понимаем, как переводческую обработку – передачу тем-табу при переводе с исходного языка на язык перевода, с использованием адекватных переводческих приемов и трансформаций, позволяющих достичь коммуникативных целей и задач.

Систематизировав классификации переводческих трансформаций, предложенные исследователями, мы предлагаем следующую классификацию переводческих трансформаций и приемов, используемых при переводческой обработке табу:

1) Лексико-семантические трансформации:

- конкретизация – замена слова или словосочетания исходного языка с более широким предметно-логическим значением на слово или словосочетание языка перевода с более узким значением

[Комиссаров, 1990];

– генерализация – прием, обратный конкретизации, при котором происходит замена единицы исходного языка, имеющей более узкое значение, единицей языка перевода с более широким значением [Комиссаров, 1990];

– модуляция – замена слова или словосочетания исходного языка единицей языка перевода, значение которой логически выводится

из значения исходной единицы, при этом значения слов в исходном языке и языке перевода связаны причинно-следственными отношениями. Прием модуляции также может называться смысловым развитием [Комиссаров, 1990].

2) Грамматико-синтаксические трансформации:

– синтаксическое уподобление – преобразование синтаксической структуры на языке оригинала в аналогичную синтаксическую структуру языка перевода. Данный прием возможен только

при наличии параллельных синтаксических структур в сопоставляемых языках [Комиссаров, 1990];

– членение предложения – разделение одного сложного (реже – простого) предложения на два или более самостоятельных простых предложения [Бархударов, 1975; Комиссаров, 1990];

– объединение предложения – преобразование синтаксической структуры оригинала путем соединения двух простых предложений в одно сложное [Комиссаров, 1990];

– грамматические замены – преобразование грамматической единицы исходного языка любого уровня в единицу перевода с иным грамматическим значением [Комиссаров, 1990].

3) Смешанные трансформации

– антонимический перевод – замена средства выражения на

языке оригинала противоположным средством выражения языка перевода, применяемый в случае, если прямой перевод невозможен или нежелателен [Латышев, 2005; Алексеева, 2004];

– конверсная трансформация – прием, близкий по содержанию к антонимическому переводу и заключающийся в описании отношения между объектом и субъектом языка оригинала на языке перевода, но с обратной стороны [Латышев, 2005];

– адекватная замена – замена высказывания либо его части на языке оригинала высказыванием или частью высказывания с другим значением на языке перевода, но с той же смысловой или эмоциональной функцией, как и в языке оригинала [Латышев, 2005];

– деметафоризация – выражение иносказаний, метафор, «нечто не сказанного напрямик» на языке оригинала с помощью прямых значений слов и словосочетаний на языке перевода [Латышев, 2005];

– метафоризация – прием, обратный деметафоризации, выражение прямых значений слов и словосочетаний в качестве метафор, иносказаний [Латышев, 2005];

– экспликация – придание содержанию на языке перевода более конкретной формы выражения по сравнению с оригиналом [Латышев, 2005];

– импликация – обратный экспликации прием, придающий содержанию на языке переводе более общий характер выражения [Латышев, 2005];

– компенсация – восполнение смысла, утраченного при переводе, другим средством на языке перевода, зачастую в отличном от оригинала месте текста. Выделяется позиционная и разноуровневая (качественная) компенсация [Комиссаров, 1990; Алексеева, 2004];

– контекстуальная замена – нерегулярный, исключительный способ перевода единицы оригинала, возможный в условиях конкретного контекста и заключающийся в выборе одного из нескольких частичных (оказиональных) соответствий [Комиссаров, 1990];

– добавление – расширение текста оригинала при его переводе, связанное с необходимостью полноты передачи содержания, а также различиями в грамматическом строе языков оригинала и перевода. Добавления применяются при необходимости выразить имплицитно заложенные, подразумеваемые в тексте оригинала элементы смысла [Комиссаров, 1990; Алексеева, 2004];

– опущение – отказ от передачи при переводе семантически избыточных лексических единиц, значения которых оказываются нерелевантными или легко восстанавливаются в контексте [Комиссаров, 1990].

Таким образом, процесс перевода сопряжен в определенными трудностями, связанными как с несовпадением семантических систем языков, так и с культурными различиями. Для преодоления таких расхождений и для достижения максимальной адекватности перевода, переводчиками применяются те или иные переводческие трансформации и приемы, которые, в свою очередь, представляют собой комплексное межъязыковое преобразование, зачастую имеющее смешанный характер. Существует, однако, пласт лексики, перевод которой требует от переводчика применения специфичных приемов. К такой лексике возможно отнести безэквивалентную лексику, представляющую собой те лексические единицы, которые ввиду различий языковых систем и различного культурного опыта носителей языка не имеют соответствий в языке перевода. Также особую сложность для переводчика представляет переводческая обработка табу, связанная с необходимостью адекватно передавать табуированную информацию с учетом прагматической мотивированности реципиентов

перевода, для чего переводчику необходимо использовать переводческие приемы и трансформации, в максимально полной мере позволяющие достичь коммуникативных целей и задач.

1.8. Жанровая и переводческая специфика официальных текстов государственных ведомств

В современных условиях происходит усиленный рост массовой коммуникации и использования информационных технологий. Благодаря развитию как традиционных форм средств массовой информации, так и новейших, среди которых возможно выделить средства, относящиеся к глобализированной интернет-среде, происходит постоянное увеличение количества текстов, опосредованных масс-медиа.

Государственная политика также является объектом пристального внимания общественности на международной арене. Наблюдается «медиатизация» политической коммуникации, поскольку общение в политической сфере, в первую очередь ориентировано на массовую, в том числе международную аудиторию [Добросклонская, 2012]. Как отмечает Е.И. Шейгал «политическая коммуникация не просто опосредована СМИ, но СМИ фактически являются основной средой ее существования» [Шейгал, 2004: 36]. В данной связи возможно говорить о взаимодействии политического и масс-медиа дискурсов, поскольку медиа дискурс является основным каналом политической коммуникации [Шейгал, 2000]. Действия государственных лиц широко освещаются средствами массовой информации, комментируются официальными лицами других государств, в следствие чего информация становится доступной мировому сообществу. Первоисточником такой информации, в свою очередь, часто являются тексты брифингов, официальные заявления и комментарии представителей государственных ведомств, размещенные на их официальных сайтах для использования как журналистами, так и широкой аудиторией. Тексты государственных

ведомств, в частности в области внешней политики, переводятся на английский и другие мировые языки, в связи с чем их реципиентами являются также представители иностранных государств, в том числе журналисты зарубежных изданий. С точки зрения перевода, данные тексты обладают определенной спецификой, поскольку неизменно связаны с такими темами-табу, как военная агрессия государств, нарушение прав и свобод человека, иммиграция, критика государственных деятелей и политических систем и т.д.

Можно отнести выбранный материал исследования к общественно-политическим текстам, которые создаются пресс-службой ведомства, транслируются посредством масс-медиа на широкую аудиторию, то есть являются медиа-опосредованным продуктом, что объясняет их сходство с политическими медиатекстами и наличие характерных для этого жанра особенностей.

Обратимся к понятию медиатекста. Медиатексты являются одной из наиболее распространенных форм бытования современного языка в большинстве лингвокультур и часто используются в качестве материала для исследования состояния современного языка, поскольку в медиатекстах наиболее быстро фиксируются изменения современного речеупотребления [Добросклонская, 2005]. Исследователи рассматривают медиатексты как особую сферу функционирования языка, обладающую своими особенностями и признаками (Т.Г. Добросклонская, Г.Я. Солганик, В.Г. Костомаров); изучаются вопросы типологии медиатекстов (А. Белл, Т. ван Дейк, М. Монтгомери, Н. Фейерклаф, Р. Фаулер), текстопорождения и языка СМИ (А.А. Леонтьев, А.Н. Васильева, Д.Н. Шмелёв, Я.Н. Засурский, Н.Н. Кохтев).

В медиалингвистике понятие медиатекста – текста средств массовой информации – рассматривается комплексно с позиции когнитивного и прагмалингвистического подходов, а также с точки зрения типологии медиатекстов, функциональной стилистики, медиа формата,

синтагматических особенностей [Добросклонская, 2005]. М.Ю. Казак определяет медиатекст как интегративный многоуровневый знак, объединяющий в единое коммуникативное целое разные семиотические коды (вербальные, невербальные, медийные) и демонстрирующий принципиальную открытость текста на содержательно-смысловом, композиционно-структурном и знаковом уровнях [Казак, 2012]. Медиатекст также можно определить как динамически сложную единицу высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций [Кузьмина, 2011]. Термин медиатекст объединяет в себе несколько взаимосвязанных феноменов – журналистский текст, PR-текст, публицистический текст, газетный текст, теле – и радиотекст, рекламный текст, текст Интернет СМИ [Кузьмина, 2011]. Необходимо отметить, что в современных условиях, в частности в интернет-пространстве, происходит постепенная диффузия и конвергенция сфер функционирования и функциональных жанров медиатекстов [Засурский, 2007]. С функционально-жанровой точки зрения возможно выделить такие жанры медиатекстов как информационные, аналитические, художественно-публицистические, рекламные и PR жанры.

Л.М. Майданова выделяет жанры медиатекстов, объединяя их в зависимости от цели их создания:

– Жанры с целью констатации факта (заметка, информационная корреспонденция, информационный репортаж);

– Жанры с целью анализа факта (статья, аналитическая корреспонденция, аналитический репортаж, комментарий, версия, расследование);

– Жанры с целью создания текста о тексте (рецензия, «просветительский пересказ», радиOVERсия журнала и т.д.);

– Жанры с целью создания диалогического текста (разные типы интервью, ток-шоу, пресс-конференция);

– Жанры с целью создания образа предмета речи (очерк, зарисовка,

фельетон, эссе) [Майданова, 2006].

Специфические признаки медиатекста, в том числе, определяются экстралингвистическими факторами, среди которых исследователи текстов массовой информации выделяют особый тип и характер информации, передаваемый СМИ; вторичность текста – в медиатекстах «перерабатываются другие виды «первичных» текстов [Рождественский, 2006]; одноразовость и невозпроизводимость текстов [Волков, 2008]; интертекстуальность и открытость медиатекстов для дальнейшей интерпретацией массовой аудиторией [Казак, 2012; Артамонова 2008]; коллективное производство медиатекстов [Кузьмина, 2011]; особый характер обратной связи – ограниченный или отсутствующий [Костомаров, 2005].

С собственно лингвистической точки зрения медиатексты также обладают выраженной спецификой. Несмотря на то, что главной целью медиатекста является передача информации массовой аудитории, такая передача связана с определенным воздействием на аудиторию, что сопровождается использованием соответствующих языковых средств. Так, А.С. Микоян отмечает стандартизированный характер используемых языков средств: устойчивых и клишированных выражений, лексикализованных метафор; экспрессивность языка с использованием оценочных конструкций, что также включает в себя использование разговорной, сниженной, ненормативной лексики, выражающей авторскую оценку; наличие большого числа реалий, аллюзий и цитат, образных фразеологизмов, игры слов, идиоматической лексики, а также таких стилистических средств как гиперболы, литоты, образные сравнения, метафоры, метонимия, эвфемизмы [Микоян, 2008]. И.С. Алексеева, помимо указанных особенностей, выделяет использование числовых данных, имен собственных, названий учреждений и организаций, передающих скрытую авторскую оценку. Автор также указывает на высокую аллюзивность медиатекстов с использованием скрытых цитат, использование иронии

как средства расставления акцентов в выражении оценки. Кроме этого, выделяется использование синтаксических средств, среди которых инверсия, парцелляция, а также контраст длины и сложности предложений как для динамичности повествования, так и для выражения оценки [Алексеева, 2001].

Данные особенности универсальны для медиатекстов различных лингвокультур. Тем не менее, медиатексты обладают выраженной культурной значимостью. Несмотря на процессы глобализации, охватывающие медиасферу и формирующие единое информационное пространство, культурная специфика медиатекстов остается важным критерием при их интерпретации.

Так, немецкие медиатексты отличаются преобладанием более литературного, академичного языка: *Der Anlass für diesen Wutprotest ist eine Bezirksversammlung, die im Rathaus über den Verbleib einer Statue abstimmt* [Алексеева 2001], (Welt. 25.11.2019). Тем не менее, языковые средства, используемые в немецких медиатекстах также выполняют помимо функции информирования, функцию воздействия. В связи с чем, в немецких медиатекстах также присутствует экспрессивная и оценочная лексика: *Einige tragen das Sankt-Georgs-Band an der Brust: Beides ist seit der völkerrechtswidrigen Annexion der Halbinsel Krim durch Russland 2014 ein Symbol der Unterstützung für die aggressive Außenpolitik des Kreml* (Welt. 25.11.2019). Вместе с тем преобладает тенденция к разделению фактов и оценки, использованию нейтральной лексики, преобладанием номинализации и залоговых конструкций.

Говоря об американских медиатекстах, в первую очередь необходимо отметить влияние английского языка и американской культуры на мировую медиасферу, что обуславливает наличие заимствований в медиатекстах иных лингвокультур, а также использование имен собственных, названий организаций, учреждений, фирм, терминов на английском языке: CNN, NATO, PR. Американские медиатексты характеризуются использованием

разговорной, нелитературной речи: *Impeachment. It's getting very, very real*, а также неологизмов и жаргонизмов: *The fighting was hot at the time, and he and his fellow soldiers were stuck with mostly crappy, old gear* (National Interest. 20.11.2019). Часто используется эмоционально-экспрессивная лексика, оценочные конструкции: *Today, much of the region is a battle-scarred wasteland*, встречаются полисемичные глаголы, используется номинализация (National Interest. 20.11.2019). На грамматическом уровне существует тенденция к компрессии грамматических структур, например опущение служебных слов, глагола «to be» в заголовках, упрощении временных форм. На синтаксическом уровне преобладают предложения средней длины.

Темы, освещаемые в медиатекстах разнообразны и достаточно часто содержат табуированную информацию, благодаря своей ярко-выраженной функциональной специфике убеждения и воздействия на массовую аудиторию. Табу, встречающиеся в текстах массмедиа, могут быть представлены на всех уровнях табуирования. Так, в качестве личностно-тезаурусных табу могут выступать темы, связанные с заболеваниями, смертью, безработицей, разводом или изменой супругов. Как культурно-узуальные табу представители определенной лингвокультуры могут интерпретировать темы секса, девиантного поведения, преступности, дискриминации, внутривнутриполитических и исторических событий государства.

Политический медиатекст, в свою очередь, связан с тематикой актуальных политических проблем, направлен на поддержание или изменение текущей политической обстановки и опосредован средствами массовой информации. А.П. Чудинов приводит такой критерий классификации политических текстов (продуктов политической коммуникации) как характер субъекта (автора, говорящего) и выделяет следующие виды политической коммуникации:

- собственно политическая коммуникация (автор – политик);
- медийная политическая коммуникация (автор – журналист);
- непрофессиональная политическая коммуникация (автор – человек

иной профессии) [Чудинов, 2012].

Среди жанровых форм политических текстов исследователи выделяют следующие основные жанры: реклама, лозунг, листовки, политическая речь, политическая статья, политическая публицистика, информационная статья, политические новости [Алтунян, 2006]. Вслед за Е.И. Шейгал возможно интерпретировать данные жанровые формы как результат взаимодействия дискурсов – политического и медийного, отмечая неоднородность такого взаимодействия в зависимости от жанра текста [Шейгал, 2004].

В современных условиях тексты выступлений, статей, комментариев политических лидеров, официальных представителей создаются или обрабатываются специалистами в области PR, в частности пресс-службой государственного ведомства. Благодаря трансляции такой коммуникации на массовую аудиторию и СМИ, политической повестке данных текстов, реализации функций информирования и воздействия, восприятие текстов происходит в контексте общего медиапотока, что позволяет говорить о данных текстах как о политических медиатекстах.

Ввиду указанной жанровой специфики, задачей официальных текстов государственных ведомств является не только объективная подача актуальной информации, но и формирование социальной оценки, определённого общественного мнения. С другой стороны, к точности и политкорректности подобных текстов предъявляются более жёсткие требования. Их перевод также должен отвечать принципам политкорректности. Поэтому специалист сталкивается со сложной задачей переводческой обработки информации, зачастую наполненной игрой слов и скрытых смыслов.

Ввиду своего общественно-политического характера данные тексты, как англоязычные, так и немецкоязычные, обладают рядом особенностей. Так, частотным является использование принятых аббревиатур, юридической и политической терминологии (JCPOA, WHO, friedliche Versammlung, freie Meinungsäußerung), названий общественно-политических органов власти

(executive Committee, Resolutionen des Sicherheitsrates der Vereinten Nationen), реалий (den 30. Januar 1933), употребление характерных речевых клише (executive action, international solidarity and cooperation, Eskalationsspirale) и штампов (to garner the courage, sine qua non), неологизмов (lop-sided picture). Встречается использование метафор (with the dawning of this day, den Preis mit diesem Tag zahlten) и идиоматических конструкций (to have nothing to write home about, nehmen wir nicht auf die leichte Schulter), часто используется номинализация (zum Sieg über das Unrecht), пассивный залог (a day when injustice was vanquished).

Адекватность перевода данного типа текстов подразумевает не только передачу фактического содержания, но и его коммуникативной и функциональной составляющей. И. С. Алексеева указывает некоторые особенности перевода медиа-опосредованных текстов. Так, числовые данные, имена собственные и названия автор предлагает переводить, используя однозначные эквиваленты. Определенную трудность для перевода представляют клише и фразеологизмы, поскольку представляют собой единое семантическое целое, прямой эквивалент которому может не существовать в языке перевода. В данном случае предпочтительным является замена вариантным соответствием, так, идиома может быть заменена фразеологическим единством, а клише – соответствующим устойчивым выражением, учитывающим контекст, в котором функционирует оригинал. Для перевода таких конструкций необходимо использование вариантных соответствий и переводческих трансформаций, а также при необходимости вынос переводческого комментария в сноски. Вариантные соответствия используются также при переводе иронии, суть которой заключается в сопоставлении несопоставимого на семантическом, стилистическом и других уровнях. В случае перевода синтаксических средств, переводчик выбирает функционально подобные средства языка перевода при использовании необходимых переводческих трансформаций [Алексеева, 2001].

Необходимо отметить, что для современных медиатекстов характерен отказ от чрезмерного использования клише и отход в сторону использования экспрессивных оценочных средств. Ряд ученых, тем не менее отмечает, что методы выражения прямой оценки встречаются реже, чем завуалированной и скрытой [Прядильникова, 2007; Валгина, 2007].

Табу в текстах государственных ведомств, переводимых на другие языки, как правило, являются межкультурно-обусловленными, что мотивировано направленностью текстов на международную аудиторию. Особенности переводческой обработки содержащейся в данных текстах табуированной информации будут связаны с функциональной направленностью текста, степенью табуирования тематики текста.

Таким образом, медиатекст, являясь базовой категорией медиалингвистики, обладает выраженной спецификой. Медиатексты передают информацию массовой аудитории и несут в себе функции воздействия на аудиторию и ее информирования в зависимости от жанровой направленности медиатекста. Язык медиатекстов характеризуется определенными набором лингвостилистических признаков: высокой степенью аллюзивности, использованием скрытой, завуалированной авторской оценки, иронии, клише, фразеологизмов и различных стилистических средств. Данные характеристики присущи и медиаопосредованным текстам государственных ведомств, вместе с тем, они обладают рядом особенностей в связи со своей общественно-политической направленностью.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В первой главе были рассмотрены основные подходы к пониманию феномена табу. Табу является многоаспектным явлением, берущем свое начало на архаических этапах развития общества и, в широком смысле, понимаемом как запрет на определенные действия, употребление определенных лексем и упоминание определенных табуированных тем. В работе табу понимается не только как запрет на определенные коммуникативные действия и употребление отдельных лексем, но и необходимость избегать в конкретной дискурсивной ситуации определённых высказываний и тем, языковых номинаций и невербальных знаков, что обусловлено прагматической мотивированностью коммуниканта с учётом общепринятых в его лингвокультурном сообществе языковых и конвенциональных запретов, норм, традиций, ценностей и предписаний.

В исследовании описывается уровневая организация табуирования. Опираясь на данную концепцию, в рамках работы для выделения актуальных табуированных тем общения в американской и немецкой лингвокультурах было проведено анкетирование носителей данных лингвокультур при помощи использования сервиса Google Формы, в котором приняли участие 158 респондентов в возрасте от 14 до 62 лет. Респонденты оценили список тем-табу, выделенных авторами исследования в результате анализа теоретических источников.

Несмотря на наличие общих черт в сферах табуирования во многих лингвокультурах, каждая культура обладает определенной спецификой отношения ее представителей к табуированным явлениям и степень открытости обсуждения табуированных тем, номинации табуированных объектов и явлений. Так, в американской культуре табу, прежде всего, детерминированы таким факторами, как этническое разнообразие населения, следование идеям политической корректности, недопустимость дискриминации по какому-либо признаку. Следствием данного процесса

является табуированными являются явления разного порядка, связанные с проявлением расовой, этнической, половой, гендерной дискриминацией в обществе, упоминание физических недостатков и психических проблем индивида, обсуждение его сексуальной ориентации и предпочтений. Изменяются тенденции табуирования тем, связанных с женским телом, (включая менструацию, оволосенение тела), сексуальными домогательствами по отношению к женщине. Вместе с тем табуируются темы, связанные с оборотом оружия в стране.

В немецкой лингвокультуре, помимо универсальных для большинства культур тем-табу, актуальны проблемы нетолерантности, противоборствующего отношения в рамках одной страны к идеям национализма, антисемитизма и фашизма, к восприятию исторического прошлого государства.

Также необходимо отметить тенденцию к детабуированию тематик, бывших ранее табуированным в обеих культурах: секса, интерсексуальности, сексуальных домогательств.

В процессе межкультурного взаимодействия, табу подвергаются определенной переводческой обработке. В данном аспекте представляют интерес для исследования официальные тексты государственных ведомств и их переводы на английский язык, поскольку данные тексты, с одной стороны, являясь медиа-опосредованными и будучи динамически сложной, культурно-специфичной единицей высшего порядка, посредством которой осуществляется межкультурное общение в сфере массовых коммуникаций, функционально направлены на массовую аудиторию путем использования специфических лингвостилистических средств, выражением скрытой оценки, вуалированием информации либо прямой ее подачей с целью усиления воздействия на аудиторию и нарушения принятых моральных норм, что сопряжено с упоминанием различных табуированных тематик. С другой стороны, требования к переводу подобных текстов, а также их жёсткое цензурирование и соблюдение правил политкорректности, требуют

от переводчика поиска непростых решений.

Передача табуированной информации при переводе диктует необходимость глубинного понимания различных видов информации, содержащейся в тексте оригинала, умения учитывать риски, вырабатывать и применять адекватные переводческие приемы и трансформации, позволяющие достичь коммуникативных целей и задач.

Следующая глава посвящена описанию специфики переводческой обработки табу, анализу эмпирического материала – текстов российских и немецких государственных ведомств, и их переводов на английский язык, с целью выделения в них наиболее актуальных тем-табу, описания контекстов их функционирования и выявлению особенно часто применяемых переводчиками приёмов и трансформаций для адекватной передачи обозначенных контекстов.

ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ТАБУ

2.1. Переводческие трансформации и приемы, используемые при передаче табу с русского языка на английский язык

Официальные тексты государственных ведомств, являясь продуктом институционального взаимодействия, должны оставаться максимально объективными и нейтральными, не содержать личной оценки. С другой стороны, это медиа-опосредованное явление межкультурного формата, которое наряду с темой доклада, заявления, комментария предполагает наличие тем-табу и необходимость их переводческой обработки.

Следует отметить, что в большинстве случаев в таких текстах встречаются межкультурно-обусловленные табу, поскольку тексты, переводимые на иностранные языки, как правило, касаются взаимоотношений с другими государствами и их официальными представителями, могут содержать оценку и критику в адрес «чужих». Кроме того, тексты могут содержать культурно-узуальные табу, как для стороны, продуцирующей текст, так и для реципиента его перевода. Личностно-тезаурусные табу, в свою очередь, не являются характерными для данного типа текста, что обусловлено его институциональным характером.

2.1.1. Лексико-семантические трансформации

В ходе проведенного исследования анализ эмпирического материала показал, что переводческая обработка табу обладает определенной спецификой с точки зрения использования переводческих трансформаций при переводе текстов государственных ведомств с русского языка на английский язык, а также различной частотностью их использования. Так, при переводе текстов Министерства иностранных дел РФ на английский

язык переводчиками наиболее часто используются лексико-семантические трансформации, реализуемые преимущественно с помощью приемов генерализации для редуцирования негативной смысловой нагрузки.

Обратимся к некоторым примерам, иллюстрирующим данный вывод. Так, ниже представлен фрагмент брифинга официального представителя МИД России Марии Захаровой:

«Характерной чертой нового этапа стала открытая демонстрация Западом наплевательского отношения к международному праву, к тем самым нормам, которые они вырабатывали – гуманитарная составляющая, права человека» (*A major feature of this new era is an open demonstration of the West's disregard for international law and the very norms that were developed in the West, such as the humanitarian aspects and human rights*) (Брифинг официального представителя МИД России. 15.03.2020).

При переводе негативно – коннотированное словосочетание с разговорным прилагательным *наплевательское отношение* передаётся с помощью нейтрально-окрашенного литературного термина *disregard*. Личное местоимение множественного числа *они* заменяется лексемой *the West*.

В следующих фрагментах брифингов официального представителя МИД России перевод табуированной информации осуществляется при помощи использования аналогичных приемов:

«США вновь приняли решение «навести порядок» в Латинской Америке, начав с Венесуэлы. Сожалеем, что усилению колониаторских замашек Вашингтона недальновидно помогает руководство Организации американских государств, будто не отдавая себе отчета, что следом под давление США может попасть любая из стран региона» (*The US has again decided to “put things in order” in Latin America, starting with Venezuela. We regret that the leaders of the Organisation of American States (OAS) are myopically helping Washington consolidate its colonialist ways, as if not realising that any other country in the region could fall under US pressure later*)

(Брифинг официального представителя МИД России. 2020).

В переводе данного фрагмента комментария МИД РФ по поводу политического кризиса в Венесуэле существительное «замашки» разговорного стиля в словосочетании *колонизаторские замашки* заменяется на более литературное выражение без экспрессивной коннотации *colonialist ways*. В переводе также используется ряд грамматических трансформаций, таких как синтаксическое уподобление.

«Мы специально обращались в Госдепартамент с требованием представить фактические подтверждения таких заявлений, учитывая, что они были сделаны в том числе и официальными лицами. Никаких вразумительных объяснений подобных утверждений не получили, не говоря уже о доказательствах. Получается, что американцы сами распространяют фейк» (*We addressed the US Department of State specifically to demand factual evidence that could prove such claims, given the fact that they were made by officials as well. We received neither reasonable explanations nor facts on this issue. It turns out that the Americans are spreading false information themselves*) (Брифинг официального представителя МИД России. 2020).

В последнем предложении следующего фрагмента брифинга официального представителя МИД РФ, негативно-коннотированное разговорное существительное *фейк* при переводе заменяется на более нейтральное, генерализирующее литературное выражение *false information*, редуцируя экспрессивность русскоязычного текста.

«На днях пресс-секретарь Госдепартамента США Хизер Науэр заявила в «Твиттере», будто в Донбассе российские «марионетки» обстреливают своими ракетами беспилотники ОБСЕ и запугивают безоружных наблюдателей СММ, которые, «рискуя жизнью, защищают гражданское население» (*The other day, the State Department's Heather Nauert tweeted that "Russia's proxies" in Donbass allegedly fired surface to air missiles at OSCE civilian UAVs and harassed unarmed OSCE monitors, who risked their lives defending civilians*) (Ответ официального представителя МИД России. 2018).

В данном фрагменте, несмотря на приведенный на русском языке перевод цитаты пресс-секретаря Государственного департамента США при переводе на английский язык выражение *российские марионетки*, имеющее в данном контексте уничижительную семантику, заменяется на *Russia's proxies*, имеющее более широкое значение.

«Еще одна фантастическая новость. Понимаю, что времена непростые, но хочется вас порадовать и рассказать о том, что появился очередной шедевр расследований «Си-Эн-Эн» о якобы имеющем место вмешательстве России в американские выборные процессы» (*There is yet another bit of unbelievable news. I totally understand that we are going through tough times at the moment – and I am eager to amuse you by sharing yet another “gem” of research by CNN about Russia’s alleged interference in the US election process*) (Брифинг официального представителя МИД России. 2020).

В переводе данного фрагмента саркастически окрашенное выражение «фантастическая новость», указывающее на скрытую критику новостной статьи CNN, заменяется на более словосочетание *unbelievable news*. Переводчик сохраняет сарказм выражения путем компенсации: добавления избыточной конструкции *yet another bit*.

«Зачем нужно заниматься противопоставлением реальных, глобальных проблем с какими-то эфемерными угрозами, все это перемешивать? Вот это не понятно. Для отвлечения внимания людей от насущных проблем? Найдите тогда сюжеты пооптимистичнее. Можно задаться и более глобальными вопросами. Я сейчас «Си-Эн-Эн» могу порекомендовать пару тем. Например, можно было бы подготовить неплохой репортаж относительно того, как демократические и либеральные ценности работают в США в нынешних условиях борьбы с коронавирусом. Отличный может быть репортаж. Коллеги, если нужны *материалы* – обращайтесь» (*Why should one engage in inventing ludicrous threats and set them against real and global threats, and mix them all up together? This is what I just cannot understand. If this is being done to distract public attention from urgent problems,*

then you would better find topics that are more optimistic. I can recommend a couple of them to CNN right now – for instance, a story could be made on how good democratic and liberal values are in the US today amid the current efforts to battle COVID-19. This could be an excellent report. Colleagues, you can approach me for ideas anytime) (Брифинг официального представителя МИД России. 2020).

В переводе существительное *материалы* заменяется номинацией с более широкой семантикой *ideas*, которое размывает имплицитно заложенный в оригинале намек на наличие у представителя МИД РФ необходимых материалов и доказательств несостоятельности демократических ценностей США в условиях борьбы с коронавирусом. В переводе фрагмента также опущено предложение *Можно задаться и более глобальными вопросами*, а также произведена контекстуальная замена словосочетания *неплохой репортаж* на существительное с семантикой вымысла *story*. Данная замена, однако компенсируется дословным переводом предложения *Отличный может быть репортаж – This could be an excellent report*. Также широко используются приемы членения и объединения предложений. Отсутствие в переводе предложения с криптолалической конструкцией *Можно задаться и более глобальными вопросами*, может быть связано с намерением избежать прямых намеков.

Достаточно часто при переводе табу также используются лексические трансформации, реализуемые приемами конкретизации и модуляции:

«Эта тема была хорошо разогрета, по понятным причинам. Безусловно, эти *внутриполитические игры* касаются нашей страны» (*Properly speaking, the “Russian theme” is the pivot of the entire domestic political stand-off in the US. These domestic political games certainly relate to our country*) (Брифинг официального представителя МИД России. 2019).

Первое предложение приведённого фрагмента существенно расширено. Выражение *по понятным причинам*, имеющее криптолалический характер в русском варианте, заменено конструкцией в формальном стиле *properly*

speaking, не несущим заложенной в исходном языке смысловой нагрузки, метафора *разогреть* опущена при переводе. Данные опущения компенсируются приёмом конкретизации, *эта тема* заменяется на *the Russian theme*, и приёмом модуляции, описательной конструкцией *the pivot of the entire domestic political stand-off in the US*, для развития смысла высказывания.

«Мы видим, что санкционная политика — это *конёк* целой отрасли политических лоббистов в Вашингтоне. Дело про «Новичок» и т.н. «дело Скрипалей» подверстывается в эту санкционную машину» (*We can see that the sanctions policy is the focal point of an entire group of political lobbyists in Washington. Novichok and the “Skripal case” are simply fed into that sanctions machine*) (Брифинг официального представителя МИД России. 2018).

В примере метафора *конёк* расширяется до словосочетания *focal point*. Личное местоимение *мы* – *we* противопоставлено топониму *Washington*, метонимично олицетворяющему представителей политической элиты США. Сложная негативно – коннотированная метафора *санкционная машина* передается посредством калькирования. Глагол в переносном значении *подверстываться* переводится пассивной залоговой конструкцией с эквивалентным глаголом *feed* (*подкармливать*).

«Это не единственный вираж, который был сделан американской Администрацией в последнее время. ... Такое ощущение, что часть политической элиты в США «пошла в разнос» (*This is not the only u-turn that the US administration has made lately. ... It looks like part of the political elite in the US has completely lost their senses*) (Брифинг официального представителя МИД России. 2018).

Лексема *вираж* передается при переводе эквивалентом *u-turn*. Фразеологическое выражение с негативной семантикой *пойти в разнос* переводится с помощью сравнительно более нейтрально-окрашенного оборота *has completely lost their senses*.

«Выступление премьер-министра Великобритании Т. Мэй в британском парламенте 5 сентября по так называемому «делу Скрипалей» и инциденту с отравлением двух британских подданных в Эймсбери выдержано в абсолютно неприемлемой тональности. ... Обратили, в частности, внимание на заявление, будто «только Россия имеет технические возможности и опыт применения так называемого «Новичка», а также мотивы для его применения в Солсбери». Данный «заход» сделан сразу после выпуска днем ранее в Гааге доклада Технического секретариата Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) об итогах работы специалистов этой организации по запросу Лондона в связи с инцидентом в Эймсбери» (*British Prime Minister Theresa May's remarks at the British Parliament on September 5 regarding the Skripal case and the poisoning of two British nationals in Amesbury were delivered in an absolutely unacceptable tone. ...In particular, we took note of her saying that "only Russia had the technical means, operational experience and motive to carry out the attack." This statement was made immediately after the release in The Hague on the previous day of a report by the Technical Secretariat of the Organisation for the Prohibition of Chemical Weapons (OPCW) on the results of the work of this organisation's experts at London's request in connection with the Amesbury incident*) (Заявление МИД России. 2018).

В данном фрагменте идет речь о заявлении Терезы Мей после инцидента с отравлением Скрипалей в Солсбери, что отрицалось официальными российскими заявлениями.

Так, несмотря на то что в оригинале используется выражение *так называемое «дело Скрипалей»*, что часто встречалось в текстах российских СМИ, в переводе фрагмента выражение приобретает нейтральную окраску *the Skripal case*. В переводе также конкретизируется кем было сделано заявление *обратили, в частности, внимание на заявление...* – *in particular, we took note of her saying*, что указывает на бывшего премьер-министра Великобритании Терезу Мэй. Выражение

с негативно-коннотированной метафоричной номинацией, подчеркивающее отрицательное отношение российской стороны к заявлению Мэй *данный «заход»*, при переводе заменено нейтрально-окрашенной лексемой с указательным местоимением *This statement*.

«На днях Пентагон опубликовал пост по истории Второй мировой войны под названием «День Победы в Европе: время празднования, размышления». Так вот, согласно этой новой версии истории от Министерства обороны США, «конфликт» начался, когда «Германия и Советский Союз вторглись в Польшу». То есть, по мнению американской стороны, СССР так же виноват в развязывании Второй мировой войны, как и Третий рейх. При этом в упомянутом тексте не говорится о том, что именно наша страна сломала хребет фашистской военной машине и о том, что наибольшее количество гитлеровцев полегло именно на Восточном фронте» (*The other day, the Pentagon published a post on the history of World War II, entitled “Victory in Europe Day: Time of Celebration, Reflection”. According to this new version of history from the US Department of Defense, the “conflict” began when “Germany and the Soviet Union invaded Poland.” That is, according to the American side, the USSR is just as guilty of unleashing the Second World War as the Third Reich. At the same time, it says nothing about how it was our country that broke the back of the fascist military machine and that the largest number of Nazis were killed on the Eastern Front*) (Брифинг официального представителя МИД России. 2020).

В данном фрагменте брифинга официального представителя МИД РФ, табуированная тематика фашизма передаётся практически дословно. Так, экспрессивное разговорное выражение *сломала хребет фашистской военной машине* передаётся дословным английским эквивалентом *broke the back of the fascist military machine*. В последнем предложении отрывка прилагательное *гитлеровцы* при переводе заменено на *Nazis*, что является более устойчивой номинацией для гитлеровской Германии в английском языке, разговорный глагол *полегло* заменяется на залоговую конструкцию

were killed.

«Замалчивая неприятные для себя страницы и трактуя «подретушированную» версию событий по своему усмотрению, в Европарламенте окончательно теряют связь с реальностью. А она такова, что в ряде стран Европы реабилитируют нацистских преступников, проходят массовые шествия ветеранов «Ваффен-СС» и их сторонников, вольготно себя чувствуют неонацистские организации. Вот истинная угроза фундаментальным принципам обеспечения демократии и прав человека. Попытки выстраивания внутренней повестки дня ЕС на фундаменте искажения исторической правды не приведут к победе над нетерпимостью на европейском континенте. «Жонглирование» фактами в конъюнктурных целях не может быть моральным и политическим ориентиром» (*While sidestepping historical facts that are unpleasant to them and interpreting a revised version of events at their own discretion, the European Parliament is severing the last connection to reality. The reality is that the memory of Nazi criminals is being rehabilitated, marches of Waffen SS veterans and their supporters are held, and neo-Nazi organisations feel free to do as they please in some European countries. This is a source of a very real threat to fundamental democratic principles and human rights. Any attempts to formulate an EU domestic agenda by distorting historical truth will not help defeat intolerance in Europe. The manipulation of facts for self-serving purposes cannot be either a moral or a political guideline*) (Ответ официального представителя МИД России. 2019).

В данном фрагменте глагол *замалчивать*, выраженный деепричастием, при переводе заменяется семантически близким эквивалентом *sidestepping*, но имеющим несколько иную коннотацию. Эпитет *подретушированная* заменен на нейтрально-окрашенное прилагательное *revised*. Метафоричное выражение *на фундаменте искажения исторической правды* путем применения приема деметафоризации сокращается до более компактного *by distorting historical truth*. Избыточное словосочетание *Европейский континент* конкретизируется как *Europe*. В последнем предложении фрагмента

также происходит демегафоризация выражения «*жонглирование*» фактами в конъюнктурных целях, имеющего в данном контексте обвинительную нагрузку. Так, выражение заменяется на *the manipulation of facts for self-serving purposes*, однако смысловая потеря существительного *жонглирование* компенсируется модуляцией – *self-serving purposes*.

В ходе анализа практически не были выявлены примеры использования калькирования. Можно сделать вывод о том, что данный прием не вполне подходит для переводческой обработки табу, так как табу выражаются различными языковыми средствами, для перевода которых необходимо применение комплексных лексических замен. Данный прием также не был включен в предложенную классификацию переводческих трансформаций, применяющихся при переводческой обработке табу.

2.1.2. Грамматико-синтаксические трансформации

В ходе анализа эмпирического материала было отмечено использование ряда грамматико-синтаксических трансформаций при переводческой обработке табу, реализуемых чаще всего приемами членения предложения и синтаксического уподобления. Необходимо, однако, отметить, что при переводческой обработке табу, применение грамматико-синтаксических трансформаций всегда сопряжено с использованием лексико-семантических, а также смешанных переводческих трансформаций, объединяющих в себе преобразования на нескольких языковых уровнях. Рассмотрим применение данного вида переводческих трансформаций на следующих примерах:

«Призываем наших американских партнеров более ответственно и профессионально подходить к публичным заявлениям, даже если они делаются в «Твиттере». Пора перестать искажать факты и выгораживать Киев, а вместо этого побудить его начать выполнять Минские соглашения,

а именно прекратить обстрелы Донбасса, снять блокаду этого региона и предоставить ему особый конституционный статус в составе украинского государства. Уверены, что возможности влияния на Киев у Вашингтона имеются» (*We call on our US partners to be more responsible and professional with regard to their public statements, even on Twitter. It is high time they stopped distorting facts and covering up for Kiev. Instead they should encourage Kiev to implement the Minsk Agreements and, more precisely, to stop shelling Donbass, lift the blockade of the region and grant it a special status within the Ukrainian state. We are confident that Washington is capable of influencing Kiev*) (Ответ официального представителя МИД России. 2018).

В данном фрагменте брифинга официального представителя МИД РФ речь идет о политической связи Вашингтона и Киева, не одобряемой российской стороной. В переводе сложное предложение *Пора перестать искажать факты и выгораживать Киев, а вместо этого побудить его начать выполнять Минские соглашения, а именно прекратить обстрелы Донбасса, снять блокаду этого региона и предоставить ему особый конституционный статус в составе украинского государства* разделяется на два новых предложения. При этом опускается прилагательное *конституционный* – *a special status within the Ukrainian state*.

«В условиях, когда весь мир борется с пандемией, поразившей около 1,5 млн человек, в том числе почти 400 тыс. американцев, обвинения в адрес России не просто беспочвенны, но и бессовестны. Да, многие жители США напуганы, пишут в Интернете разные вещи, но спекулировать и играть на страхах людей в политических целях недопустимо. Это опасно» (*Amidst the current global efforts to tackle the pandemic, with 1.5 million confirmed cases including 400,000 in the United States, these accusations against Russia are not only groundless but they are also unscrupulous. It is true that many Americans are scared and they write different things online – yet, fuelling speculations and playing on people's fears for political ends is unacceptable and dangerous*) (Брифинг официального представителя МИД России. 2020).

В данном фрагменте акцент сделан на дезинформации в адрес России со стороны США в связи с ситуацией распространения коронавируса. Помимо использования грамматико-синтаксических трансформаций, в данном примере реализуемых при помощи приема объединения сложного и простого предложения, что придает предложению стилистически литературный стиль, при переводе также используется ряд лексико-семантических трансформаций. Так, прилагательное *американцев*, используемое в тексте оригинала для указания на количество заразившихся в США, заменяется на генерализующее выражение *in the United States*, что лишает высказывание имплицитного указания на национальность заболевших жителей. Российская сторона также оценивает такие обвинения в свой адрес как *не просто беспочвенны, но и бессовестны*, что заменяется на практически дословную конструкцию *not only groundless but they are also unscrupulous*.

Также часто встречаются грамматико-синтаксические трансформации, реализованные приемами синтаксического уподобления и объединения предложений:

«Такой подход нас уже и не удивляет. Мне кажется, вас тоже уже не должен удивлять. Цинизм стал нормой. В Вашингтоне готовы эксплуатировать даже трагедию, с которой сегодня столкнулись многие страны мира (я сегодня привела несколько фактов), попирая не только базовые принципы международного сотрудничества, но и чувства солидарности со своими младшими союзниками по евроатлантическому блоку» (*We are not surprised by this approach and believe that you should not be surprised either. Cynicism has become the norm. Washington is ready to take advantage of the tragedy that many world countries are facing now (I provided you with some facts today), while defying the basic principles of international cooperation, as well as the feeling of solidarity with their smaller allies in the North Atlantic Alliance*) (Брифинг официального представителя МИД России. 2020).

В данном фрагменте идет речь об агрессивном лоббировании США производства своей фармацевтической продукции в ряде стран Европы. В переводе фрагмента преобладает использование грамматико-синтаксических трансформаций, реализующихся использованием приемов объединения двух простых предложений в начале фрагмента, а также приемом синтаксического уподобления остальной его части. В выражении *в Вашингтоне готовы эксплуатировать даже трагедию* – *Washington is ready to take advantage of the tragedy* опускается предлог *в*, а глагол *эксплуатировать* заменяется на семантически близкий *to take advantage of*.

«Данная резолюция не что иное, как набор ревизионистских утверждений. Европарламент отметился еще одной возмутительной попыткой поставить знак равенства между нацистской Германией - страной-агрессором - и СССР, народы которого ценой огромных жертв освободили Европу от фашизма» (*This resolution is nothing less than a package of revisionist claims. The European Parliament has made yet another outrageous attempt to place an equal sign between Nazi Germany, an aggressor country, and the Soviet Union, whose peoples paid an excessively high price for the liberation of Europe from fascism*) (Ответ официального представителя МИД России. 2019).

В переводе данного фрагмента с точки зрения грамматико-синтаксических трансформаций используется прием синтаксического уподобления. Однако применение данного приема сопряжено с использованием лексико-семантических трансформаций, так, глагол *отметился*, несущий негативно коннотированный в данном контексте, заменяется на нейтральный перфектный глагол *has made*. Выражение *ценой огромных жертв*, намекающее на большое количество погибших в ходе Великой отечественной войны со стороны СССР, изменяется путем использования *метафоры* *paid an excessively high price*, опускающей упоминание количества жертв.

«В канун священного праздника у американских чиновников

не нашлось храбрости и желания хоть полусловом воздать должное неоспоримой роли и колоссальным несоизмеримым жертвам, которые понесли тогда Красная Армия и советский народ во имя всего человечества» (*On the eve of this sacred holiday US officials could not garner the courage and will to even in passing pay tribute to the indisputable role and incomparable colossal losses suffered back then by the Red Army and the Soviet people for the sake of the humankind*) (Заявление МИД России. 2020).

В данном фрагменте официального заявления МИД РФ идет речь о публикации поста в официальном аккаунте Белого дома в социальной сети Инстаграм по случаю дня Победы, где победа во Второй мировой войне приписывалась США и Великобритании без упоминания СССР. С точки зрения использования переводческих трансформаций, применяется прием синтаксического уподобления. Словосочетание из прилагательного-этнонима и обобщающего существительного в форме множественного числа *американские чиновники* заменяется англоязычным словосочетанием *US officials*.

«Впервые в истории одно из государств-основателей ООН бросило открытый вызов Совету Безопасности, отказавшись выполнять его решения. Безусловно, такие действия не должны сходить с рук, как и те шаги, которые были предприняты США на законодательном и исполнительном уровне в развитие упомянутого меморандума в нарушение СВПД и резолюции СБ ООН 2231. Уверены, что государства-члены ООН сумеют найти адекватный ответ на тот правовой беспредел, который учинил Вашингтон» (*For the first time in history, a founding member of the United Nations openly challenged the Security Council by refusing to abide by its resolutions. There is no question about it. They should not get away with this, or with the legislative and executive action by the United States, undertaken as a follow-up to the memorandum I just mentioned and in violation of the JCPOA and UNSC Resolution 2231. We strongly believe that UN member states will come up with a reasonable response to this outrageous handling of the law by Washington*) (Брифинг официального

представителя МИД России. 2020).

Тема ядерного оружия и прямые обвинения государства в нарушении им норм международного права являются межкультурно-обусловленным табу, в частности выход США из соглашения по обеспечению мирного характера иранской ядерной программы содержит в себе различную табуированную информацию. Так, в данном фрагменте используется прием членения сложного предложения, вводное слово *безусловно* при переводе выносится в качестве отдельного предложения *There is no question about it*, делая акцент на недопустимости действий США. В последнем предложении фрагмента выражение *тот правовой беспредел, который учинил Вашингтон* заменяется на *this outrageous handling of the law by Washington* путем использования приема адекватной замены.

«Только венесуэльцы имеют право определять свое будущее. Деструктивное внешнее вмешательство, особенно в нынешней крайне накаленной обстановке, недопустимо. Подстрекательство не имеет ничего общего с демократическим процессом. Это прямой путь к беззаконию и кровопролитию» (*Venezuelans alone have the right to determine their future. Any destructive foreign interference, especially amid the current tensions, is completely unacceptable. Incitement has nothing in common with a democratic process; it is a direct path towards lawlessness and violence*) (Заявление МИД России. 2019).

В данном фрагменте брифинга официальный представитель МИД России имплицитно указывает на вмешательство США в политические процессы Венесуэлы, что, безусловно, можно рассматривать как табу на интеркультурном уровне. Так, при переводе эмоционально окрашенное выражение *в нынешней крайне накаленной обстановке* заменяется более нейтральным эквивалентом *amid the current tensions*. Помимо этого, последнее простое предложение объединяется с предыдущим, а также происходит лексическая замена негативно-коннотированной номинации *кровопролитие* на менее экспрессивное существительное *violence*.

2.1.3. Смешанные трансформации

Смешанные переводческие трансформации распространены наряду с лексико-семантическими и грамматико-синтаксическими трансформациями. В рамках переводческой обработки табу, наиболее часто реализуются посредством опущения табуированной информации или добавления необходимой информации для точной передачи табуированного смысла. Вместе с тем, часто используются приемы контекстуальной замены, импликации или экспликации в зависимости от контекста высказывания.

Обратимся к примерам использования данных приемов смешанных переводческих трансформаций:

«Это, конечно, не первый и далеко не последний случай появления насыщенных мифологизмами и лишенных здравого смысла псевдо-репортажей, но один из наиболее прекрасных. Это все делается тоже неспроста. Это провокационные вбросы. Они, как показывает практика, имеют целенаправленный характер, хорошо оплачиваются заказчиками. Определить этих заказчиков труда не составляет. Это сегодняшняя реальность, это нужно понимать» (*This is far from being the first – and the last – case of highly far-fetched pseudo reports devoid of common sense, but highly amusing. There is a reason behind all this. Such provocative false stories are targeted at a certain kind of audience, and their authors are paid handsomely by the paymasters. It is not difficult to identify these people. This is today's reality, it should be clear to everyone*) (Брифинг официального представителя МИД России. 2020).

В переводе данного фрагмента брифинга официального представителя МИД России, помимо грамматико-синтаксических трансформаций, реализованных приемами членения и объединения предложений, используется ряд смешанных трансформаций. Так, в первом предложении отрывка сложное предложение, указывающее на дезинформационный характер репортажа CNN *Это, конечно, не первый и далеко не последний*

случай появления насыщенных мифологизмами и лишенных здравого смысла псевдо-репортажей, но один из наипрекраснейших преобразуется в более компактную структуру, сохраняя свою эмоциональную окраску *This is far from being the first – and the last – case of highly far-fetched pseudo reports devoid of common sense, but highly amusing*. Наряду с использованием импликации для придания более конкретной формы высказыванию: *highly far-fetched* (насыщенных мифологизмами), в переводе предложения также используется прием контекстуальной замены для передачи саркастически-окрашенного прилагательного *наипрекраснейших* – *highly amusing*. Следующее предложение, несущее криптолалический оттенок *Это все делается тоже неспроста* заменяется более конкретизирующим, но сохраняющим окраску *There is a reason behind all this*. Словосочетание *целенаправленный характер* заменяется на конкретизирующий глагол *targeted*.

«Почему бы не употребить свою любовь к Кубе и то свое желание вывести эти отношения на новый уровень к этой конкретной ситуации? Заняться «пробиванием» через свои законодательные органы (а мы знаем, как американцы лоббируют те или иные законы, когда надо) снятия этих односторонних санкций в этот конкретный момент. Я понимаю, что бороться с т.н. российскими «троллями» удобнее. Можно пересчитывать их до бесконечности и выделять на это деньги. Но есть конкретная задача для американских лоббистов. Решите ее, спасите людей в регионе, которым вы так любите заниматься. Или это не написано в «доктрине Монро»?» (*Why not show love for Cuba and bring bilateral relations to a new level in this specific situation. Why don't they work for the removal of these unilateral sanctions in their legislative bodies in this situation (and we know how the Americans lobby for their laws when they want to). I understand that it is easier to fight Russian trolls. It is possible to count them endlessly and allocate money for this. But there is a specific task for American lobbyists. Resolve it, help people in the region to which you are paying so much attention. Or is this not written in the Monroe*

Doctrine?) (Брифинг официального представителя МИД России. 2020).

В данном фрагменте представитель МИД РФ комментирует препятствие американского правительства при ввозе гуманитарной помощи на Кубу в связи с действующими американскими санкциями. При переводе второго предложения фрагмента опускается разговорное выражение, имеющее негативную коннотацию в данном контексте *заниматься пробиванием*, и заменяется на *Why don't they work*. Перевод первых двух предложений также осуществляется путем введения анафоры. Во второй части фрагмента опускается дополнение *так называемые* – происходит замена на *Russian trolls*, подчеркивая устоявшийся характер выражения в английском языке. Предложение, насмешливо указывающее на сложные взаимоотношения между США и Кубы: *в регионе, которым вы так любите заниматься* передается более нейтральной конструкцией *the region to which you are paying so much attention*.

«Когда же ставка, которую в западных столицах делали на военную победу террористов в борьбе против законного Правительства Сирии, «не сыграла» и «была бита» в результате успешной операции сирийских ВС на юге страны, та же Оттава при активной поддержке Великобритании энергично подключилась к подготовке операции по эвакуации и спасению псевдоспасателей. Речь шла о переселении своих клиентов-«белокасочников» в Иорданию с последующим расселением их в ряде западных стран» (*Western capitals placed their stakes on terrorists achieving a military victory over the legitimate Syrian Government, but when it did not work out this way, and the events took a different turn on the back of the successful operation carried out by the Syrian Armed Forces in the country's south, it was also Ottawa, with the active backing of the United Kingdom, who engaged in proactive efforts to evacuate and save these would-be rescuers. They wanted to relocate their White Helmets clientele to Jordan, and after that to have them resettled in a number of Western countries*) (Брифинг официального представителя МИД России. 2020).

В переводе данного фрагмента, речь в котором идет о поддержке западными странами террористической группировки в Сирии, используется прием опущения вместе с грамматико-синтаксическими трансформациями, изменяющими порядок следования членов предложения. Так, в первом предложении опускается выражение «не сыграла» и «была бита» (о ставке западных столиц) и заменяется на более нейтральное литературное выражение *it did not work out this way*. Также происходит расширение данного предложения путем использования приема дополнения: *and the events took a different turn on the back of the successful operation carried out by the Syrian Armed Forces* – первая часть выражения добавлена при переводе. Вероятно, использование указанного приема призвано частично компенсировать утраченную ранее информацию. Вместе с тем, перевод лишается разговорного характера оригинала. В последнем предложении фрагмента происходит конкретизация при помощи добавления личного местоимения *they*, указывающего на ранее упомянутые Оттаву и Великобританию вместо русскоязычного выражения общего характера *речь шла о*.

«Расцениваем новые попытки обвинить Россию, приписать мифологические обвинения как неуместное продолжение русофобства, которое «исповедают» определенные политические силы в Вашингтоне» (*We deem these attempts to fabricate such accusations against Russia as further efforts to pursue a misguided anti-Russia practices favoured by certain political circles in the Washington establishment*) (Брифинг официального представителя МИД России. 2020).

В данном фрагменте брифинга официального представителя МИД РФ рассказывается об американских «инсинуациях», о проведении Россией кампании по дезинформации в США в связи с эпидемией коронавируса, с чем категорически не согласна российская сторона. Однако, при переводе данного фрагмента полностью опускается выражение *приписать мифологические обвинения*, однако данное опущение компенсируется

добавлением глагола *to fabricate* (*to fabricate such accusations against Russia*), что позволяет передать смысл высказывания, однако несколько лишает его резкого негативного характера оригинала. Далее, выражение *неуместное продолжение русофобства*, носящее табуированный характер, поскольку на интеркультурном уровне считается недопустимым проявление нетерпимости в адрес других государств и наций, при переводе заменяется на *further efforts to pursue a misguided anti-Russia practices*. Такая контекстуальная замена близкой по смыслу, но не несущей в себе обвинения в разжигании нетерпимости в отношении России конструкцией существенно снижает резкость русскоязычного высказывания. Также производится лексико-семантическая замена саркастически окрашенного в данном контексте глагола *исповедают* на более нейтральный глагол *favoured*, вместе с чем происходит компенсация данной замены путем расширения словосочетания *политические силы (в Вашингтоне)* до выражения *political circles in the Washington establishment*, подчеркивая элитарный характер данных политических сил.

Реже встречается использование приема адекватной замены и метафоризации:

«Полагаем, что в борьбе с терроризмом не может быть места для двойных стандартов, а они, к сожалению, пронизывают политику США» (*We believe there is no room for double standards in countering terrorism but, regrettably, US policy is built on them*) (Брифинг официального представителя МИД России. 2020).

В переводе данного фрагмента переводчик стремится точно передать высказывание, несмотря на противоречивую тему международного терроризма, содержащую табуированную информацию различного рода. Так, при переводе используется прием адекватной замены: выражение (*двойные стандарты*) *пронизывают политику США* заменяется на *US policy is built on them*.

«Его участники отдали на растерзание нацистов суверенное

государство — Чехословакию. На фоне многочисленных упоминаний о «трудной судьбе» Польши - которая, кстати, принимала участие в упомянутом «расчленении» и заключила договор о ненападении с Берлином еще в 1934 г. - подобная избирательность исторической памяти поражает своим цинизмом» (*Its signatories threw a sovereign state, Czechoslovakia, to the Nazi wolves. This selective historical memory is shockingly shameless when it comes to deliberations about the “unprecedented tragedy” of Poland, which, by the way, took part in the dismemberment of Czechoslovakia and signed a non-aggression treaty with Germany in 1934*) (Ответ официального представителя МИД России. 2019).

В переводе данного фрагмента метафоричная конструкция *отдать на растерзание нацистам* заменяется на аналогичную метафору *threw to the Nazi wolves*. В следующем предложении фрагмента помимо грамматико-синтаксической трансформации, изменяющей следование членов предложения, используется прием адекватной замены выражения *трудная судьба Польши* на *the “unprecedented tragedy” of Poland*, являющуюся устоявшимся англоязычным выражением по отношению к событиям Второй мировой войны в Польше. Необходимо отметить, что русскоязычный оригинал не несет в себе такой коннотации, а напротив имеет более пренебрежительный оттенок. Далее существительное *расчленение* переводится с помощью полного эквивалента *dismemberment*; *Берлин* заменяется на генерализирующую номинацию *Германия*, вероятно, подчеркивая всеобщий характер упоминаемого договора. Помимо этого, выражение *поражает своим цинизмом* путем использования приема контекстуальной замены изменяется на более компактную структуру *shockingly shameless*, сохраняющую коннотацию оригинала.

При переводе стенограмм интервью первых лиц государства также происходит определенная переводческая обработка упоминаемой табуированной информации, как правило относящейся к сфере межкультурно-обусловленных табу. Обратимся к фрагменту интервью

Президента Российской Федерации Владимира Путина агентству ТАСС на тему фальсификации истории Второй мировой войны (Интервью ТАСС. 2020):

<p>А.Ванденко: У Вас есть ощущение, что у нас хотят отнять Победу?</p> <p>В.Путин: Нет такого ощущения. Это невозможно, достаточно посчитать. Понимаете, это же недалёкие люди, которые читать-писать не умеют. Несут всякую фигню в Европарламенте по поводу одинаковой ответственности Гитлера и Сталина. Чушь это собачья просто. Надо посмотреть хронологию развития событий начиная с 1918–1919 годов. Как это всё происходило, кто и какие подписывал документы с Гитлером. Кстати говоря, Сталин, как бы к нему ни относиться, он тиран и так далее, но он не запятнал себя прямыми контактами с Гитлером, и нет ни одной подписи Сталин–Гитлер. А вот Гитлер и премьер-министр Великобритании, Гитлер и премьер-министр Франции – есть. Гитлер и руководитель Польши – есть. И они с ним работали, с Гитлером, неоднократно встречались, сдали Чехословакию.</p>	<p><i>Andrei Vandenko: Do you get the feeling that they want to deprive us of this victory?</i></p> <p><i>Vladimir Putin: No, I do not. That is impossible. It would go against common sense. You see, there are some ignorant people who cannot even write or read. They spout all kinds of garbage in the European Parliament about the 'equal' responsibility of Hitler and Stalin. Complete nonsense. You have to look at the chain of events starting around 1918–1919, and at what was going on then, who signed what with Hitler. Incidentally, Stalin, regardless of what anyone thinks of him (that he was a tyrant or whatever), never disgraced himself by having direct or face-to-face contact with Hitler. What is more, not a single document was ever signed by both Stalin and Hitler. In contrast, there are documents signed by both Hitler and the British Prime Minister, Hitler and the Prime Minister of France. And also by both Hitler and the leader of Poland. And they worked with him,</i></p>
--	---

<p>Польша вместе с Гитлером поделила Чехословакию, и, по сути, договорились с ними о вводе войск в Чехословакию. Единственное, что немцы им сказали, Гитлер сказал: только не в один день с нами, не будем друг другу мешать, мы не претендуем на то, на что вы претендуете – на Тешинскую область. Это прямой сговор. Ну прочитайте, всё в документах есть. Я вот из архива поднял это всё и посмотрел, почитал.</p> <p>А.Ванденко: Да-да, читали,слышали.</p> <p>В.Путин: Ну да, конечно. Там всё написано. И потом будут рассказывать, кто там виноват. Вот они и виноваты начиная с 38-го года. Этот так называемый Мюнхенский сговор и был первым шагом к развязыванию Второй мировой войны.</p>	<p><i>with Hitler, held numerous meetings with him, and betrayed Czechoslovakia. Poland carved up Czechoslovakia with Hitler. In fact, they agreed on invading Czechoslovakia. The only thing that Hitler told them was "Do not do it on the same day with us. Let us not get in each other's way. We do not want what you are after, Tesin Region." This was outright collusion. Just read it. Everything is in the documents. I dug them up from the archives. I looked through them and read them.</i></p> <p><i>Andrei Vandenko: Yes, we read and heard about it.</i></p> <p><i>Vladimir Putin: Of course, everything is in there. And after that they tell us who is to blame. They are the ones who are guilty starting from 1938. It was precisely the Munich Betrayal that was the first step to ignite World War II</i></p>
---	--

В данном фрагменте интервью, несмотря на упоминаемую табуированную тематику фашизма, Адольфа Гитлера и его связи с Иосифом Сталиным, а также обвинения лидеров других государств в развязывании Второй мировой войны, при переводе специалисты стремятся сохранить общий тон высказывания, его несколько разговорный характер. Однако перевод некоторых выражений реализуется посредством применения как грамматико-синтаксических трансформаций, приемов объединения

предложений, так и приемами адекватной замены, опущения информации, а также лексико-семантическими заменами. Так, в переводе ответа президента на первый вопрос фрагмента фраза *это невозможно, достаточно посчитать* заменяется двумя простыми предложениями, при этом второе предложение полностью изменено: *That is impossible. It would go against common sense*. Выражение разговорного стиля с использованием сниженной лексики *несут всякую фигню в Европарламенте по поводу одинаковой ответственности Гитлера и Сталина. Чушь это собачья* просто обрабатывается путем использования эквивалентных лексем более формального регистра с сохранением экспрессивности исходной фразы *They spout all kinds of garbage in the European Parliament about the 'equal' responsibility of Hitler and Stalin. Complete nonsense*. Рассказывая о сговоре Польши и нацистской Германии, употребляется фраза *Единственное, что немцы им сказали, Гитлер сказал*, при переводе которой опускается номинация немцы, которая является избыточной в данном предложении; вместе с тем из перевода исчезает обвинение немецкой нации в данном преступлении – *The only thing that Hitler told them*. В переводе последнего фрагмента опускается выражение *так называемый*, что лишает предложения имплицитной личной оценки исторического события.

Рассмотрим фрагмент еще одного интервью Владимира Путина агентству ТАСС о России на международной арене и отношениях с США (Интервью ТАСС. 2020):

А.Ванденко: Вы Трампа назвали Дональдом так по-дружески.	<i>Andrei Vandenko: So you addressed Trump as 'Donald', in a friendly way.</i>
В.Путин: Он меня Владимиром называет, я его Дональдом.	<i>Vladimir Putin: He calls me Vladimir, I call him Donald.</i>
А.Ванденко: Я к тому, что Вы с четырьмя американскими президентами общались. Когда-то Буш в Ваших глазах что-то	<i>Andrei Vandenko: I mean, you have worked with four American presidents. Once Bush saw something in your eyes...</i>

<p>прочитал...</p> <p>В.Путин: Да...</p> <p>А.Ванденко: С Обамой, по-моему, не особо сложилось?</p> <p>В.Путин: Ну...</p> <p>А.Ванденко: С кем Вам из этой четвёрки было наиболее комфортно?</p> <p>В.Путин: Мне сейчас, знаете, трудно сказать. У меня со всеми были на самом деле достаточно конструктивные отношения.</p> <p>А.Ванденко: Но с Обамой что-то не полетело.</p> <p>В.Путин: Ну, полетело, не полетело. У меня были добрые отношения с Бушем...</p> <p>А.Ванденко: Кто-то поссорил?</p> <p>В.Путин: Нет, при чём здесь поссорил. Просто когда человек говорит, что...</p> <p>А.Ванденко: Вы про Барака?</p> <p>В.Путин: Да-да. Он же сказал, что американцы – это особая нация, у них особые права, эксклюзивные, чуть ли не на весь мир. Я с этим не могу согласиться. Господь всех создал одинаковыми, с одинаковыми правами, и поэтому говорить, что у кого-то есть эксклюзив на что-то, мне кажется, абсолютно</p>	<p><i>Vladimir Putin: Yes...</i></p> <p><i>Andrei Vandenko: But things did not go well with Obama, is that correct?</i></p> <p><i>Vladimir Putin: Well...</i></p> <p><i>Andrei Vandenko: Who was it that you felt most at ease with?</i></p> <p><i>Vladimir Putin: It is difficult for me to say now. Indeed, I had fairly constructive relations with each of them.</i></p> <p><i>Andrei Vandenko: But it did not go well with Obama.</i></p> <p><i>Vladimir Putin: Did it or didn't... I had good relations with Bush.</i></p> <p><i>Andrei Vandenko: Did somebody put you at odds with him?</i></p> <p><i>Vladimir Putin: What?</i></p> <p><i>Andrei Vandenko: Did somebody put you at odds with him?</i></p> <p><i>Vladimir Putin: No, it has nothing to do with 'being at odds'. It's just that, when a person says that...</i></p> <p><i>Andrei Vandenko: Do you mean Barack?</i></p> <p><i>Vladimir Putin: Sorry?</i></p> <p><i>Andrei Vandenko: Do you mean Barack?</i></p> <p><i>Vladimir Putin: Yes. He already stated that the US is an exceptional nation, with special, exclusive rights to</i></p>
---	--

<p>неоправданно.</p> <p>А.Ванденко: Если так шкалу выстроить, пятибалльную, чтобы не усложнять, на какой отметке мы сейчас с американцами, в отношениях с американцами?</p> <p>В.Путин: Мне кажется, где-то... Где-то на троечку.</p> <p>А.Ванденко: На троечку? Это неплохо.</p> <p>В.Путин: Да, между двойкой и тройкой. Ближе к тройке всё-таки. Смотрите, мы же всё-таки сотрудничаем в области борьбы с терроризмом. Я реально... Ведь я же позвонил, это я позвонил Трампу со словами благодарности за то, что они передали нам эту информацию.</p>	<p><i>practically the entire the world, I cannot go along with that. God created us all equal and gave us equal rights. So, I think it is absolutely ungrounded to say that some people should have exclusive rights to anything.</i></p> <p><i>Andrei Vandenko: On a scale from one to five, not to make it too complicated, how would you rate Russia's current relationship with the US?</i></p> <p><i>Vladimir Putin: I would give it a three.</i></p> <p><i>Andrei Vandenko: A three? Not bad.</i></p> <p><i>Vladimir Putin: Between a two and a three. More like a three though. Look...</i></p> <p><i>Andrei Vandenko: And how about earlier?</i></p> <p><i>Vladimir Putin: Look, we do cooperate on counter-terrorism. I'm serious... It was actually me who called Trump to thank the US for giving us the information.</i></p>
---	--

Необходимо отметить большое количество вводных фраз в данном фрагменте, выступающих в качестве дискурсивных маркеров, сопровождающихся паузами хезитации, указывающих тем самым на наличие табуированной тематики, что было сохранено на стенограмме и в ее переводе. Так, при ответе на вопрос о взаимоотношениях с Бараком Обамой при переводе используется аналогичное русскоязычному междометие *well* и треточие, указывающие на паузу хезитации, а также вводные конструкции *look...* и *I'm serious...* во второй части фрагмента.

Далее вопрос об отношениях с президентом США развивается интервьюером, который делает вывод о не сложившихся отношениях между двумя лидерами, используя фразу разговорного стиля: *но с Обамой что-то не полетело*, что при переводе заменяется на более нейтральное литературное выражение *but it did not go well with Obama*. В ответе на вопрос продолжает использоваться аналогичная конструкция *did it or didn't*. Перевод также расширен за счет повторов вопрос интервьюера: *Did somebody put you at odds with him?, Do you mean Barack?*, что вместе с ответами, также сопровождающимися вопросительными словами *what?, sorry?*, указывает на нежелание отвечать на данные вопросы, возможную табуированность данных тематик. В переводе вопроса, касающегося оценки отношений между Россией и США: *на какой отметке мы сейчас с американцами, в отношениях с американцами?* местоимение *мы* заменяется на название страны в притяжательном падеже – *Russia's*, а указание на нацию «американцы» заменено на *US*. Также опускается повтор внутри вопроса, что делает используемую структуру более компактной и лишает ее разговорного характера оригинала: *how would you rate Russia's current relationship with the US?*

Таким образом, было отмечено, что переводческие трансформации, используемые при переводе текстов государственных ведомств и первых лиц, направлены на понижение выраженной экспрессивности при максимально приближенной передаче, в том числе, табуированной информации. Чаще всего при переводческой обработке табу в текстах данного типа применяются лексико-семантические трансформации, реализующиеся приемами генерализации, а также смешанные трансформации, необходимые для адекватной замены некоторых высказываний, опущения или добавления отдельных фрагментов. Так передаются самые острые и актуальные темы, как например, применение санкций в отношении Российской Федерации, напряжённые дипломатические отношения между Россией и США, нарушение США

политики невмешательства во внутренние политические дела других государств, обвинения в искажении достоверных фактов и исторических событий.

2.2. Переводческие трансформации и приемы, используемые при передаче табуированной информации с немецкого языка на английский язык

В официальных текстах государственных ведомств Германии, переводимых на английский язык, как правило, преобладают межкультурно-обусловленные табу затрагивающие, в первую очередь, различные аспекты взаимоотношения Германии с другими государствами. Культурно-узуальные табу, которые достаточно частотны в собранном практическом материале, как правило, касаются исторического прошлого страны, в частности роли Германии во Второй мировой войне. Необходимо отметить, что в отличие от текстов российских государственных ведомств, немецкоязычные тексты отличаются более нейтральным характером высказываний, соблюдением политкорректности, преобладанием литературного стиля, а также практически полным отсутствием экспрессивной эмоциональной оценки, что влияет на способы переводческой обработки табуированной информации.

2.2.1. Лексико-семантические трансформации

Анализ эмпирического материала показал, что переводческая обработка табу с немецкого языка на английский язык также обладает спецификой с точки зрения использования переводческих трансформаций. Так, при переводе текстов Министерства иностранных дел Германии на английский язык наиболее часто используются лексические трансформации, реализуемые приемами конкретизации и модуляции, для наиболее точной передачи смысла высказывания, в том числе содержащейся в нем табуированной информации. Реже встречается прием

генерализации, расширяющий высказывание в тексте оригинала.

Рассмотрим несколько примеров, иллюстрирующих данный вывод. Ниже представлены фрагменты официальных заявлений министра иностранных дел Германии Хайко Мааса и их перевод на английский язык, в которых реализован преимущественно прием конкретизации:

«Kein Tag hat unsere jüngere Geschichte tiefer geprägt als der 8. Mai 1945. An diesem Tag schwiegen über den Gräbern von mehr als 40 Millionen Toten in Europa die Waffen. Die Schreckensherrschaft der Nationalsozialisten und der Mord an den Juden Europas fanden ein Ende. Er wurde zum Tag der Befreiung für Millionen Entrechtete und Verfolgte, zum Tag des Gedenkens an die Opfer, zum Sieg über das Unrecht» (*8 May 1945 shaped our recent past more profoundly than any other day. On this day, the arms fell silent over the graves of more than 40 million people in Europe. The brutal Nazi tyranny and the murder of Europe's Jews came to an end. It became a day of liberation for millions of people who had been persecuted and deprived of their rights, a day to commemorate the victims, a day when injustice was vanquished*) (Auswärtiges Amt. Namensbeitrag. 2020).

В данном фрагменте идет речь о праздновании Дня Европы 8 мая 2020 года. При переводе заявления на английский язык сохраняется общий тон высказывания, однако вместо употребляемой на немецком языке номинации *Nationalsozialisten* по отношению к нацистскому режиму при переводе используется более распространенная в англоязычной среде номинация *Nazi*. Также негативно-коннотированное существительное *Toten* заменяется на нейтральную номинацию с эвфемистическим потенциалом *people*, что редуцирует негативную смысловую нагрузку высказывания, однако затем используется приём компенсации посредством существительного: *graves*, дословного эквивалента немецкоязычной номинации *Gräbern*, обладающего семантикой смерти. Словосочетание *die Schreckensherrschaft der Nationalsozialisten* при переводе сужается до *the brutal Nazi tyranny* посредством замены части сложного составного существительного *Herrschaft* с семантикой власти на англоязычный эквивалент *tyranny* с семантикой

насильственной власти. В последнем предложении фрагмента происходит грамматическая замена выражения *zum Sieg über das Unrecht* залоговой конструкцией *a day when injustice was vanquished*. В целом в переводе данного фрагмента необходимо отметить использование грамматических замен, обусловленных различиями двух языков.

В следующем примере используются аналогичные приемы:

«Möglich machte dies erst die oft schmerzhaft, von Rückschlägen geprägte Aufarbeitung der Verbrechen des Nationalsozialismus nach dem Zweiten Weltkrieg» (*Without the efforts after the Second World War to address Nazi crimes – a process that was often painful and marked by setbacks – this would not have been possible*) (Auswärtiges Amt. Namensbeitrag. 2020).

Так, существительное *Aufarbeitung* заменяется семантически близким в данном контексте глаголом *to address*. Происходит типичная для перевода немецкоязычных текстов на английский язык замена словосочетания *der Verbrechen des Nationalsozialismus* на *Nazi crimes*. Помимо лексических трансформаций, в переводе данного фрагмента используются грамматические трансформации, реализованные грамматическими заменами, так конструкция *Möglich machte dies* заменяется более объемной структурой *Without the efforts... this would not have been possible*.

В следующих фрагментах заявлений рассмотрим примеры использования приемов генерализации и модуляции:

«Die Menschen in Polen, im Baltikum und anderen Ländern Mittel-, Ost- und Südosteuropas blicken dagegen voll gemischter Gefühle auf den 8. Mai. Die Freude über den Sieg über den Nationalsozialismus ist für sie mit dem Beginn einer anderen Form von Unfreiheit und Fremdbestimmtheit verbunden – eine Erfahrung, die sie mit vielen Menschen in Ostdeutschland teilen» (*However, people in Poland, the Baltic states and other countries in Central, Eastern and Southeast Europe have very mixed feelings about this date. Their joy about the defeat of the Nazis is tinged with the start of another form of oppression and external domination – an experience they share with many people in East*

Germany) (Auswärtiges Amt. Namensbeitrag. 2020).

В переводе данного фрагмента, посвященного окончанию Второй мировой войны и последовавшими за этим событиями для стран восточной Европы, существительное *Unfreiheit* при переводе конкретизируется при помощи существительного *oppression*, имеющего более ограниченную семантику. При этом следующее существительное в данном предложении *Fremdbestimmtheit* переводится при помощи точного эквивалента *external domination*. В первом предложении фрагмента также используется прием генерализации, точное указание даты в оригинале 8. Mai заменяется на словосочетание с указательным местоимением *this date*.

«Unser Eintreten für ein starkes und geeintes Europa, für die Menschenrechte als universelle Ausprägung menschlicher Würde, für regelgebundene, internationale Kooperation, die Absage an deutsche Sonderwege – all‘ dies speist sich aus dem Wissen um die beispiellosen Verbrechen Deutschlands im 20. Jahrhundert, die im Holocaust ihren monströsesten Ausdruck gefunden haben» (*Our active commitment to a strong and united Europe, to human rights as a universal expression of human dignity and to rules-based international cooperation, as well as our opposition to the idea of Germany ever going it alone, are all informed by the knowledge of the unparalleled crimes perpetrated by Germany in the 20th century, crimes that found their most monstrous expression in the Holocaust*) (Auswärtiges Amt. Namensbeitrag. 2020).

В данном фрагменте, также посвященном событиям Второй мировой войны и роли Германии в ней, при переводе, помимо использования ряда точных англоязычных эквивалентов, используется прием модуляции, так выражение *die Absage an deutsche Sonderwege* заменяется конструкцией со смысловым развитием *as well as our opposition to the idea of Germany ever going it alone*.

«Die vielfachen Drohungen, die in der letzten Woche aus Teheran zu hören waren, nehmen wir nicht auf die leichte Schulter. Auch wenn

die Eskalationsspirale für den Moment gestoppt ist, lehrt uns die Erfahrung mit Iran, dass wir das nicht mit echter Entspannung gleichsetzen sollten. Iran hat jedenfalls offiziell erklärt, seine Reaktion auf die amerikanische Militäroperation sei abgeschlossen. Wir nutzen unsere Gesprächskanäle zu Teheran, um darauf zu drängen, dass es dabei bleibt» (*We are not taking the multiple threats heard from Iran over the past week lightly. Although escalation has been prevented for the time being, our experience with Iran has taught us that we should not equate that with a real easing of the situation. Iran has officially declared that its response to the US military operation has ended. We are using our communication channels with Tehran to insist that this remains the case*) (Auswärtiges Amt. Interview. 2020).

В данном заявлении министра Мааса приводится критика действий Ирана на международной арене. Следует отметить, что открытая критика иностранного государства и его политики может расцениваться как одно из межкультурно-обусловленных табу, с чем может быть связана сдержанность в выражении отношения Германии к происходящим событиям.

В первом предложении фрагмента происходит генерализирующая замена топонима - столицы на топоним-название страны *Teheran – Iran*. Идиоматическая конструкция *nehmen wir nicht auf die leichte Schulter* переводится при помощи эквивалентного устойчивого выражения *We are not taking...lightly*. В предпоследнем предложении фрагмента также происходит конкретизирующая замена прилагательного *amerikanische* на *US (military operation)*.

2.2.2. Грамматико-синтаксические трансформации

При анализе эмпирического материала, с точки зрения применения грамматико-синтаксических трансформаций, было отмечено, что использование данного вида переводческих трансформаций, как правило, сопряжено с применением лексических и смешанных трансформаций.

Следует также отметить, что при переводческой обработке табуированной информации в текстах немецких государственных ведомств специалисты достаточно часто прибегают к реструктурированию высказываний посредством объединения двух предложений в одно и опущения отдельных языковых единиц.

Обратимся к нескольким примерам, взятым из официальных заявлений министерства иностранных дел Германии:

«Wer heute einen Schlusstrich ziehen will unter diesen Teil deutscher Geschichte, der verhöhnt nicht nur die Opfer. Er beraubt deutsche Politik ihrer Glaubwürdigkeit. Denn: Selbstkritik und Selbstbewusstsein bedingen einander. Für kein Land gilt das mehr als für unseres» (*Those who now want to draw a line under this part of German history not only mock the victims, but also rob Germany of its political credibility. Self-criticism and self-confidence are mutually dependent. This applies more to our country than to any other*) (Auswärtiges Amt. Namensbeitrag, 2020).

В переводе данного фрагмента применяется синтаксическая трансформация, реализованная приемом объединения двух первых предложений. Существительное *Selbstbewusstsein* при переводе заменяется на номинацию с более ограниченной семантикой *self-confidence*.

«So zeigt der 8. Mai eines ganz deutlich: Geschichte prägt, wer wir sind, als Menschen, aber auch als Nationen. Umso wichtiger ist Aufrichtigkeit im Umgang mit ihr. Die deutsche Vergangenheit zeigt die Gefahr eines Revisionismus, der rationales Denken durch nationale Mythen ersetzt. Deshalb – und nicht etwa aufgrund vermeintlich moralischer Überlegenheit – sind gerade wir Deutschen gefordert, Stellung zu beziehen, wenn Angegriffene zu Angreifern gemacht werden und Opfer zu Tätern. Der in den letzten Monaten immer wieder unternommene Versuch, Geschichte auf so infame Art umzuschreiben, fordert eine Klarstellung von uns, die angesichts unverrückbarer historischer Tatsachen eigentlich gar nicht nötig sein dürfte: Deutschland allein hat mit dem Angriff auf Polen den Zweiten Weltkrieg entfesselt. Und Deutschland allein trägt

die Verantwortung für das Menschheitsverbrechen des Holocaust. Wer daran Zweifel sät, und andere Völker in eine Täterrolle drängt, der fügt den Opfern Unrecht zu. Der instrumentalisiert Geschichte und spaltet Europa» (*8 May thus shows one thing very clearly, namely that history shapes who we are, both as people and nations, thus making honesty in how we treat the past all the more important. German history demonstrates the danger of a revisionism that replaces rational thinking with national myths. That – and not a supposed moral superiority – is why we Germans in particular are called on to take a stand when those under attack are depicted as the assailants and victims are portrayed as the perpetrators. The repeated attempt in recent months to rewrite history so disgracefully requires us to speak up loud and clear – something that should not actually be necessary in view of the irrefutable historical facts – and to leave no doubt whatsoever that Germany alone unleashed the Second World War by its invasion of Poland and Germany alone is responsible for the crimes against humanity of the Holocaust. Those who sow doubt about this and thrust other countries into the role of perpetrator do injustice to the victims, exploit history for their own ends and divide Europe*) (Auswärtiges Amt. Namensbeitrag. 2020).

В переводе данного фрагмента, посвященного ответственности Германии за развязывание Второй мировой войны, широко применяется прием объединения предложений. Так, первое и второе предложение оригинала объединяются в сложное предложение: *8 May thus shows one thing very clearly, namely that history shapes who we are, both as people and nations, thus making honesty in how we treat the past all the more important*. Аналогичное объединение происходит в четвертом и пятом предложениях оригинала: *The repeated attempt in recent months to rewrite history so disgracefully requires us to speak up loud and clear – something that should not actually be necessary in view of the irrefutable historical facts – and to leave no doubt whatsoever that Germany alone unleashed the Second World War by its invasion of Poland and Germany alone is responsible for the crimes against humanity of the Holocaust*. В приведенном предложении выражение *fordert eine Klarstellung von uns*

расширяется до *requires us to speak up loud and clear* путем использования приема дословной замены. В предпоследнем предложении фрагмента номинация *Völker* заменяется на *countries*, что не несет в себе коннотации, связанной с национальностью. Также в обоих вариантах текста содержится завуалированный намек на тех, кто стремится «переписать» историю и изменить восприятие исторических фактов, однако тексты не содержат прямого упоминания лиц или государств, ответственных за такие поступки.

2.2.3. Смешанные трансформации

Смешанные переводческие трансформации, применяющиеся при переводческой обработке табу в немецкоязычных текстах государственных ведомств на английский язык, часто реализуются путем использования приема метафоризации, что связано с преобладанием литературного стиля данных текстов. Также используется прием экспликации, позволяющий несколько завуалировать табуированную тематику культурно-узуального табу национал-социализма, а также межкультурно-обусловленных табу, связанных с обвинением других государств в военной агрессии. Обратимся к некоторым примерам:

«Die Deutschen zahlten mit diesem Tag den Preis dafür, dass sie den 30. Januar 1933 ermöglicht hatten und sich nicht selbst vom Nationalsozialismus befreien konnten» (*With the dawning of this day, Germans paid the price for allowing Hitler to rise to power on 30 January 1933 and for their inability to free themselves from National Socialism*) (Auswärtiges Amt. Namensbeitrag. 2020).

В данном фрагменте при переводе используется прием метафоризации, так выражение *mit diesem Tag* заменяется на метафоричную конструкцию *with the dawning of this day*. Упоминание даты, известной для немцев – *30. Januar 1933*, при переводе расширяется путем использования экспликации, ввода в контекст имени собственного: (*paid the price*)

for allowing Hitler to rise to power on 30 January 1933, конкретизируя приход Адольфа Гитлера к власти в этот день. Также используется более редкий дословный перевод номинации *Nationalsozialismus – National Socialism*.

«Diese Erfahrung zeigt: Es lassen sich Lehren ziehen aus der Geschichte – zumal aus ihren Katastrophen. Dass von deutschem Boden nie wieder Krieg oder Menschheitsverbrechen ausgehen dürfen, ist heute unverrückbarer Kern deutscher Außenpolitik» (*This experience shows that one can learn from history – not least from its catastrophes. The conviction that never again can war or crimes against humanity be allowed to emanate from German soil is now a sine qua non of German foreign policy*) (Auswärtiges Amt. Namensbeitrag. 2020).

В данном фрагменте метафоричное выражение *unverrückbarer Kern* при переводе заменяется на новое устойчивое выражение *the conviction ... is now a sine qua non*, имеющее в данном контексте более широкое значение.

«Die Bundesregierung verurteilt den heute erfolgten erneuten Test zweier Kurzstreckenraketen durch Nordkorea. Das ist nach dem zuletzt am Samstag erfolgten Raketentest der sechste Abschuss innerhalb weniger Wochen und ein erneuter und eklatanter Verstoß gegen die Verpflichtungen aus einschlägigen Resolutionen des Sicherheitsrates der Vereinten Nationen. Die Bundesregierung fordert Nordkorea auf, das Völkerrecht zu achten, Drohgebärden zu unterlassen und an den Verhandlungstisch zurückzukehren. Der Weg zu einer besseren und sicheren Zukunft für Nordkorea führt nur über die komplette, verifizierbare und irreversible Beendigung seiner ballistischen Raketenprogramme und seiner Programme zur Entwicklung von Massenvernichtungswaffen» (*The Federal Government condemns the new test conducted by North Korea with two short-range ballistic missiles. With its fourth missile test within a very short space of time, today North Korea has once again violated its obligations under relevant resolutions of the United Nations Security Council. We call upon North Korea to refrain from provocations of this kind, to comply with the decisions of the Security Council and to return to the negotiating table. We expect North Korea to undertake concrete and credible steps leading*

to the complete, verifiable and irreversible cessation of its ballistic missile programmes and its programmes to develop weapons of mass destruction) (Auswärtiges Amt. Pressemitteilung. 2020).

В данном фрагменте заявления министра иностранных дел Германии по поводу тестовых запусков Северной Кореей баллистических ракет при переводе существенно изменен первый параграф фрагмента. Так, информация о конкретном промежутке времени, в течение которого Северной Кореей было произведено шесть запусков: *das ist nach dem zuletzt am Samstag erfolgten Raketentest der sechste Abschuss innerhalb weniger Wochen* опускается при переводе, а количество запусков изменяется на четыре: *with its fourth missile test within a very short space of time*. Также опускаются негативно коннотированные прилагательные, описывающее отношение КНДР к резолюциям Совета безопасности ООН: *today North Korea has once again violated its obligations under relevant resolutions of the United Nations Security Council (und ein erneuter und eklatanter Verstoß gegen die Verpflichtungen aus einschlägigen Resolutionen des Sicherheitsrates der Vereinten Nationen)*. Во второй части фрагмента выражение *das Völkerrecht zu achten* путем использования приема экспликации заменяется на более конкретизирующее *to comply with the decisions of the Security Council*, а номинация *Drohgebärden*, напротив заменяется на выражение более общего и нейтрального характера: *provocations of this kind*.

«Erneut sind bei Demonstrationen in Moskau hunderte Teilnehmerinnen und Teilnehmer verhaftet worden. Die Festnahmen standen in keinem Verhältnis zum friedlichen Charakter der Proteste, die sich gegen den Ausschluss unabhängiger Kandidatinnen und Kandidaten von der Stadtduma-Wahl in Moskau richteten. Die wiederholten Eingriffe in das verbürgte Recht auf friedliche Versammlung und freie Meinungsäußerung verstoßen gegen Russlands internationale Verpflichtungen und stellen das Recht auf freie, faire Wahlen nachdrücklich in Frage. Russland muss die Grundrechte seiner Bürgerinnen

und Bürger wirksam schützen» (*Once again, hundreds of people have been arrested at demonstrations in Moscow. The arrests do not reflect the peaceful nature of the protests against the exclusion of independent candidates from the Moscow city elections. The repeated infringements of the guaranteed right to peaceful assembly and freedom of expression are in breach of Russia's international obligations and seriously undermine the right to free and fair elections. Russia must protect its citizens' fundamental rights effectively*) (Auswärtiges Amt. Pressemitteilung. 2020).

В данном официальном заявлении министра иностранных дел Германии по поводу протестов, прошедших в Москве летом 2019 года, при переводе указание на арестованных участников митинга (*Teilnehmerinnen und Teilnehmer*) заменяется на номинацию с более широким значением *people*. Выражение *die Festnahmen standen in keinem Verhältnis zum friedlichen Charakter der Proteste* изменяется при помощи приема импликации: *the arrests do not reflect the peaceful nature of the protests*, что придает высказыванию более нейтральный характер, лишенный оценочности.

«Wir waren in den letzten Tagen im Krisenmodus ganz auf die Frage konzentriert, wie wir einen offenen militärischen Konflikt mit unabsehbaren Folgen verhindern. Klar ist: Iran hat mit seinen Drohungen gegen Israel, seiner Unterstützung für die Hisbollah, mit den Angriffen auf Öleinrichtungen und Tanker und zuletzt den Angriffen gegen die US-Botschaft in Bagdad immer weiter an der Eskalationsspirale gedreht. Die Militäraktion der USA hat aber auch nicht geholfen, Spannungen abzubauen» (*Over the past few days we were in crisis mode and fully focused on the question of how to prevent an open military conflict with unforeseeable consequences. One thing is clear – with its threats against Israel, its support for Hizbollah, its attacks on oil facilities and tankers and most recently the attacks on the US Embassy in Baghdad, Iran has continuously fuelled the escalation spiral. However, the military action taken by the United States has not helped to defuse tensions*) (Auswärtiges Amt. Interview. 2020).

В данном фрагменте заявления по поводу кризиса в Иране, перевод

сохраняет соблюдение политкорректности, что соответствует характеру оригинала. *Выражение den Angriffen gegen die US-Botschaft in Bagdad immer weiter an der Eskalationsspirale gedreht*, изменяется при помощи приема адекватной замены *the attacks on the US Embassy in Baghdad, Iran has continuously fuelled the escalation spiral*, сохраняя коннотацию и подчеркивая опасность событий, происходящих в стране. В последнем предложении фрагмента не раскрывается, какие именно военные действия были предприняты США, вуалируя табуированную информацию, связанную с нарушениями международного права на территории иностранного государства, что сохраняется при переводе *the military action taken by the United States has not helped to defuse tensions*.

«Überall auf der Welt werden derzeit Anstrengungen unternommen, um die COVID-19-Pandemie zu bewältigen. Ganze Länder befinden sich im Lockdown, um die Ausbreitung des Virus einzudämmen. Dabei wird oft vergessen, dass lesbische, schwule, bisexuelle, transgender und intergender Personen in vielen Teilen der Welt von solchen Maßnahmen häufig besonders betroffen sind. Sie haben mit Stigma und Diskriminierung zu kämpfen. Sie werden auch häufiger Opfer von Gewalt» (*All over the world efforts are currently being made to overcome the COVID-19 pandemic. Entire countries are in lockdown to slow down the spread of the virus. It is frequently forgotten that lesbian, gay, bisexual, transgender and intergender persons in many parts of the world are often particularly affected by such measures. They have to face stigma and discrimination. They are also more frequently victims of violence*) (Auswärtiges Amt. Pressemitteilung. 2020).

В данном фрагменте заявления уполномоченного по правам человека министерства иностранных дел Германии, посвященному международному дню борьбы с гомофобией, трансфобией и бифобией, при переводе производится замена глагола *kämpfen* с семантикой борьбы, войны на достаточно нейтральный глагол *to face*, не обладающий подобной семантикой. В целом, перевод выполнен путем использования прямых

англоязычных эквивалентов, несмотря на тему, содержащую табуированную информацию.

Таким образом, применение переводческих трансформаций и приемов, использующихся при переводческой обработке табуированной информации в официальных текстах немецких государственных ведомств, направлено на сохранение общей стилистики и адекватную передачу прагматического потенциала оригинала. При этом наблюдаются две противоположные тенденции: сохранение табу и предпочтение генерализирующих приёмов, реализующих эвфемистический потенциал или, напротив, преобладание конкретизирующих приёмов, сужения значения до импликатур с целью точной передачи табуированных смыслов и заложенного в оригинале подтекста. Было отмечено, что «сокрытие» определенной информации, ее «размытие» в текстах перевода происходит сравнительно реже и может быть обусловлено высокой степенью табуированности отдельных тем на международной арене, таких как открытая критика политики иностранных государств, тематика военного вмешательства и агрессии.

2.3 Специфика актуализации табуированной информации при переводе

Особенности табуированной информации, детерминированной межкультурно-обусловленными и культурно-узуальными табу, функционирующими в официальных текстах государственных ведомств, обусловлены самим типом текста, его жанровой спецификой, а также спецификой проблематики данных текстов, связанной с отношениями между иностранными государствами и их официальными представителями, вопросами международного значения.

Перечень табуированных тем, выделенных благодаря проведённому в рамках настоящего исследования анкетированию, достаточно широк. Актуальный срез, демонстрирующий специфику процесса табуирования

в двух лингвокультурах в сопоставительном аспекте, представлен в приведённой ниже таблице.

Таблица 1. Актуальные темы-табу в американской и немецкой лингвокультуре.

Лингвокультура	Тема-табу	Уровень табуирования	Оценка	Примечание
Американская	Сексуальная девиация, сексуальные извращения, инцест, педофилия	Интракультурный	63% ответов «2», «3»	Табуированная тема
	Эвтаназия		53,4% ответов «2», «3»	Табуированная тема
	Человеческое тело		73,9% ответов «1», «2»	Нежелательная тема
	Религиозные взгляды		58,9% ответов «1», «2»	Нежелательная тема
	Аборты		75,4% ответов «1», «2»	Нежелательная тема
	Серьезные и смертельные заболевания		49,3% ответов «1», «2»	Нежелательная тема
	Сексуальная ориентация		94,5% ответов «0», «1»	Практически не табуирована
	Враждебность по отношению к иммигрантам		78,1% ответов «0» и «1»	Практически не табуирована
	Милитаризм и военное вмешательство на территорию иностранных государств		79,3% ответов «0», «1»	Практически не табуирована
	Сексуальные домогательства		78,1% ответов «0», «1»	Практически не табуирована
	Девиантное поведение: проституция, правонарушения, преступления		69,8% ответов «0», «1»	Практически не табуирована
	Контроль за продажей и применением оружия		87,7% ответов «0», «1»	Практически не табуирована
	Нарушения прав человека		71,2% ответов «0»	Не является табуированной

Критика властей и политического строя		78,1% ответов «0»	Не является табуированной
Демократия		83,6% ответов «0»	Не является табуированной
Семья и дети		77,8% ответов «0»	Не является табуированной
Дискриминация		94,5 % ответов «0»	Не является табуированной, но сама дискриминация является недопустимой, («об этом говорят, но этого не делают»).
Супружеская измена	Приватный	57,6% ответов «2», «3»	Табуированная тема
Судимость и проблемы с законом		60,2% ответов «2», «3»	Табуированная тема
Травмы, изнасилования, детские психологические расстройства		57,5% ответов «2», «3»	Табуированная тема
Сексуальная девиация		55,5% ответов «2», «3»	Табуированная тема
Критика национальных особенностей представителей другой культуры	Интеркультурный	59,1% ответов «2», «3»	Табуированная тема
Высказывание стереотипов о представителях другой страны		60,5% ответов «2», «3»	Табуированная тема
Нарушение прав человека		62% ответов «1», «2»	Нежелательная тема
Военное вмешательство на территорию иностранных государств		55% ответов «1», «2», 12,7% ответов «3»	Нежелательная тема

Немецкая	Сексуальная девиация	Интракультурный	64,8% ответов «2», «3»	Табуированная тема
	Эвтаназия		78,3% ответов «1», «2», «3»	Нежелательная тема
	Человеческое тело		78,5% ответов «1», «2»	Нежелательная тема
	Аборты		68,9% ответов «1», «2»	Нежелательная тема
	Финансовое положение		По 50% ответов «0», «1» и ответов «2», «3».	Противоречивая тема
	Обсуждение проблем, связанных с мигрантами			
	Смерть и похоронные обряды		79,7% ответов «0», «1»	Практически не табуирована
	Религиозные взгляды		83,8% ответов «0», «1»	Практически не табуирована
	Критика власти		95,9% ответов «0», «1»	Практически не табуирована
	Семья и дети		79,5% ответов «0»	Не является табуированной
	Демократия		86,5% ответов «0»	Не является табуированной
	Судимость и проблемы с законом		Приватный	59,4% ответов «2», «3»
	Травмы, изнасилования, детские психологические расстройства	65,8% ответов «2», «3»		Табуированная тема
	Сексуальная девиация	66,2% ответов «1», «2»		Нежелательная тема
	Супружеская измена	73,9% ответов «1», «2»		Нежелательная тема
	Культурная идентичность	41,9% ответов «1», «2»		Нежелательная тема
	Личные психологические проблемы	45-50% ответов «0», «1» и «2», «3»		Противоречивые темы
	Финансовое положение			

	Личная жизнь			
	Внешний вид других людей			
	Развод		91,8% ответов «0», «1»	Практически не табуирована
	Вредные привычки		79,7% ответов «0», «1»	Практически не табуирована
	Стереотипы о представителях другой культуры	Интеркультурный	47,3% ответов «2», «3»	Нежелательная тема
	Обобщения о представителях другой культуры		41,9% ответов «2», «3»	Нежелательная тема
	Критика национальных особенностей представителей другой культуры		48,7% ответов «2», «3» 51, 3% ответов «0», «1»	Противоречивая тема

Однако в результате сбора и анализа практического материала исследования, был выделен лишь ограниченный спектр тем, затрагивающих межкультурно-обусловленные или культурно-узуальные сферы табуирования. Среди них критика иностранных государств и их официальных представителей, военная агрессия в отношении иностранных государств, распространение недостоверной информации, обвинения в фальсификации и манипуляции фактами и общественным мнением, нарушение норм международного права (Таблица 2).

Таблица 2. Актуальные темы-табу в официальных текстах государственных ведомств.

Язык оригинала и перевода официальных текстов государственных ведомств	Актуальные темы-табу в официальных текстах государственных ведомств, %
Русскоязычные тексты и их перевод на английский язык	Военная агрессия по отношению к иностранному государству, 10%
	Внешнее вмешательство в политические процессы иностранного государства, 16,7%
	Критика политики иностранного государства, 23,3%
	Критика официальных лиц иностранного государства, 6,7%
	Обвинения в дезинформации,

	распространении фейковой информации, 30%
	Вторая мировая война и связанные с ней события, 13,3%
Немецкоязычные тексты и их перевод на английский язык	Критика политики иностранного государства, 26,7%
	Военная агрессия по отношению к иностранному государству, 13,3%
	Вторая мировая война и связанные с ней события, 33,3%
	Нарушения норм международного права, 20%
	Нарушения прав человека, 6,7%

Для переводческой обработки данных табуированных контекстов применяются определённые переводческие приёмы и трансформации.

Частотность конкретных переводческих трансформаций и приемов, использующихся для переводческой обработки табу, отражена в таблице 3.

Таблица 3. Частотность применения переводческих трансформаций и приемов.

Язык оригинала и перевода официальных текстов государственных ведомств	Частотность переводческих трансформаций, использующихся при переводческой обработке табу в официальных текстах государственных ведомств, %	Частотность переводческих приемов, использующихся при переводческой обработке табу в официальных текстах, %
Русскоязычные тексты и их перевод на английский язык	Лексико-семантические, 44,4%	Генерализация, 48,3%
		Конкретизация, 34,5%
		Модуляция, 17,2%
	Грамматико-синтаксические, 25,6%	Членение предложений, 26,7%
		Объединение предложений, 40%
		Синтаксическое уподобление, 33,3 %
	Смешанные, 30%	Импликация, 5,1%
		Контекстуальная замена, 10,3%
		Экспликация, 18%
		Опущение, 23%
		Дополнение, 10,3%
		Адекватная замена, 12,8%
	Компенсация, 20,5%	

Немецкоязычные тексты и их перевод на английский язык	Лексико-семантические, 38,6%	Конкретизация, 52,2%
		Генерализация, 34,8%
		Модуляция, 13%
	Грамматико-синтаксические, 15,8%	Членение предложений, 66,7%
		Объединение предложений, 33,3%
	Смешанные, 45,6%	Экспликация, 15%
		Метафоризация, 22,5%
		Импликация, 7,5%
		Адекватная замена, 17,5%
		Дополнение, 10%
Опущение, 15%		
	Компенсация, 12,5%	

Необходимо отметить, что отбор эмпирического материала происходил методом сплошной выборки, в связи с чем перечень актуальных тем-табу в официальных текстах государственных ведомств и их переводах на английский язык не является исчерпывающим. Так, методом сплошной выборки было отобрано 130 текстов брифингов и заявлений официального представителя МИД России и их переводы на английский язык, 75 текстов заявлений, комментариев министра иностранных дел Германии, официальных уполномоченных лиц по ряду вопросов и перевод данных текстов на английский язык за 2018-2020 года. Различие в количестве текстов объясняется сравнительно меньшим объемом немецкоязычных текстов, перевод которых был размещен на официальном сайте Министерства иностранных дел ФРГ.

Таким образом, в официальных текстах государственных ведомств России и их переводе на английский язык преобладает тематика, содержащая табуированную информацию, связанную с обвинением иностранных государств и их представителей в распространении дезинформации, «фейков». При переводе данных текстов преобладает использование лексико-семантических трансформаций, реализующихся преимущественно приемами генерализации. В текстах немецких государственных ведомств и их переводах на английский язык преобладала тематика, связанная

с историческим прошлым Германии, участием во Второй мировой войне. Значительное количество текстов, посвященных данной тематике, может быть обусловлено юбилейной датой окончания Второй мировой войны, празднованием во всём мире Великой победы, что широко освещалось в средствах массовой информации. При переводе данных текстов преобладает использование смешанных и лексико-семантических трансформаций, часто реализующихся противоположными приемами генерализации и конкретизации.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Во второй главе исследования были рассмотрены переводческие трансформации и приемы, использующиеся при переводческой обработке табуированной информации в официальных текстах государственных ведомств и их переводах на английский язык. Были выделены актуальные табуированные тематики, встречающиеся в данном типе текста и проведен количественный анализ с целью выявления наиболее часто применяющихся переводческих трансформаций и приемов. Так, в русскоязычных текстах государственных ведомств и их переводах на английский язык наиболее часто встречается тематика, связанная с обвинением других государств в распространении дезинформации; критика политики, проводимой иностранными государствами. В текстах немецких государственных ведомств и их переводах на английский язык чаще встречается тематика, связанная с событиями Второй мировой войны, а также критикой иностранных государств и их действий.

В результате проведенного исследования был сделан вывод о том, что переводческие трансформации, использующиеся при переводе официальных текстов государственных ведомств с русского языка на английский язык, направлены на понижение экспрессивности текста при максимально приближенной передаче важной, в том числе, табуированной информации. Преобладают лексико-семантические трансформации, реализующиеся приемами генерализации, а также смешанные трансформации, необходимые для адекватной замены некоторых высказываний, опущения отдельных фрагментов или добавления информации в текст перевода. Межкультурно-обусловленные табу, как правило, функционируют в контексте обвинений в адрес иностранных государств и их представителей в распространении дезинформации, обвинений в искажении достоверных фактов и исторических событий.

При переводческой обработке табуированной информации

в официальных текстах немецких государственных ведомств, применение переводческих трансформаций и приемов, реализуется с сохранением стиля и прагматического потенциала оригинала. При этом был сделан вывод о превалировании двух противоположных тенденций: сохранения табу и предпочтение генерализирующих приёмов, реализующих эвфемистический потенциал или, напротив, преобладания конкретизирующих приёмов, сужения значения до импликатур для более точной передачи табуированных смыслов и подтекста оригинала, в рамках обвинения иностранных государств в военной агрессии, вмешательстве в политические процессы других стран.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках проведенного исследования были изучены и систематизированы основные подходы к пониманию табу как феномена языка и культуры, рассмотрена его культурная специфика, выделены актуальные темы-табу в американской и немецкой лингвокультурах; рассмотрена специфика их уровневой организации. Также в рамках исследования были проанализированы имеющиеся классификации переводческих трансформаций и языковых приемов; жанровая и переводческая специфика официальных текстов государственных ведомств. На основе выделенных табуированных тематик в рамках русскоязычных и немецкоязычных официальных текстов государственных ведомств была рассмотрена специфика переводческой обработки табуированной информации, содержащейся в данных текстах и их переводах на английский язык с точки зрения использования переводческих трансформаций и приемов.

Были сделаны выводы об актуальности табу в современном обществе, их культурной детерминированности, поскольку в контексте национальной культуры табу представляет собой многоаспектное явление, заключающееся не только в запрете на определенные коммуникативные действия, употребление отдельных лексем, но и в необходимости избегать в конкретной дискурсивной ситуации определённых высказываний и тем, языковых номинаций и невербальных знаков, что обусловлено прагматической мотивированностью коммуниканта с учётом общепринятых в его лингвокультурном сообществе языковых и конвенциональных запретов, норм, традиций, ценностей и предписаний. Свидетельствуя о сложившихся в рамках определенной лингвокультуры культурных связях между ее членами, табу имеет ряд специфических особенностей. Так, несмотря на ряд соответствий в сферах табуирования в американской и немецкой лингвокультурах, каждая из них обладает определенной спецификой

отношения ее представителей к табуированным явлениям, степенью открытости при обсуждении табуированных тем и номинации табуированных понятий и явлений. В американской культуре табу детерминированы этническим разнообразием населения, следованием идеям политической корректности, недопустимости дискриминации по какому-либо признаку в связи с чем табуированию подвергаются явления, связанные с проявлением расовой, этнической, половой, гендерной дискриминацией и нетерпимостью, упоминанием физических недостатков и психических проблем индивида, обсуждением его сексуальной ориентации и предпочтений.

В немецкой лингвокультуре актуальны проблемы нетолерантности, противоборствующего отношения в рамках одной страны к идеям национализма, антисемитизма и фашизма, к восприятию исторического прошлого государства. Некоторые тематики, бывшие ранее табуированными в рамках обеих лингвокультур, в настоящий момент являются более свободными для обсуждения: секса, интерсексуальности, сексуальных домогательств.

Был также сделан вывод о том, что в процессе межкультурного взаимодействия, табу подвергаются определенной переводческой обработке. Тексты государственных ведомств, являясь медиа-опосредованным продуктом, обладая общественно-политическим характером, функционально направлены на массовую аудиторию путем использования специфических лингвостилистических средств, выражением скрытой оценки, вуалированием информации либо прямой ее подачей с целью усиления воздействия на аудиторию, что сопряжено с упоминанием различных табуированных тематик. К переводу таких текстов, ввиду институционального характера взаимодействия, сохраняются требования цензурирования и соблюдения правил политкорректности. Так, при переводе текстов государственных ведомств и первых лиц с русского языка на английский язык переводческие трансформации направлены на понижение экспрессивности текста

при максимально приближенной передаче табуированной информации. Преобладающим является использование лексико-семантических трансформаций, реализующихся приемами генерализации, смешанных трансформаций, реализующихся приемами адекватной замены, экспликации, компенсации, опущения и добавления для замены некоторых высказываний, опущения отдельных фрагментов или добавления информации в текст перевода. Так происходит переводческая обработка тематик, связанных с применением санкций в отношении Российской Федерации, напряжёнными дипломатическими отношениями между Россией и США, нарушением США политики невмешательства во внутренние политические дела иностранных государств. Преобладающей является тематика, содержащая табуированную информацию, связанную с обвинением иностранных государств и их представителей в распространении дезинформации, обвинения в искажении достоверных фактов и исторических событий. В переводе официальных текстов немецких государственных ведомств преобладает использование смешанных переводческих трансформаций, вместе с тем преобладают две противоположных тенденции: сохранение табу и предпочтение генерализирующих приёмов, реализующих эвфемистический потенциал, и, напротив, преобладание конкретизирующих приёмов, сужения значения до импликатур для более точной передачи табуированных смыслов и подтекста оригинала при передаче тем, связанных с критикой иностранных государств, обвинением в военной агрессии, вмешательстве в политические процессы других государств.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в более подробном изучении переводческих приёмов передачи табуированной информации в официальных текстах государственных ведомств с учётом актуализации списка тем-табу, увеличения количества респондентов при проведении анкетирования представителей двух лингвокультур, расширения практического материала исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Агапова С.Г. Основы межличностной и межкультурной коммуникации: учеб. пособие. Ростов н / Д.: Феникс, 2004. 288 с.
2. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для филолог. и лингвист. фак. Вузов. М.: Академия. 2004. 352 с.
3. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика: учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Союз, 2001. 288 с.
4. Алтунян А.Г. Анализ политических текстов: учеб. пособие. – М.: Университетская книга; Логос, 2006. – 384 с.
5. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. ин. яз. вузов. М.: Академия, 2003. 128 с.
6. Артамонова Ю.Д., Кузнецов В. Г. Герменевтический аспект языка СМИ // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов. М., 2008. С. 99 – 117.
7. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода: уч. Пособие. М: Международные отношения. 1975. 240 с.
8. Баталов Э.Я. Американские ценности в современном мире // Вопросы философии. 1998. Вып. №2. С. 92–95.
9. Баялиева А.М. Табу в межкультурной коммуникации (на материале немецкого и кыргызского языков) // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. LXII междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2016. Вып. 7(62). С. 46–52.
10. Белик Е.В. Перевод как разновидность межкультурной коммуникации // Преподаватель XXI век. 2013. Вып. С. 289-294.
11. Валгина Н.С. Основные проблемы изучения языка

современных СМИ // Язык и стиль современных средств массовой информации: межвузовский сборник научных трудов. М.: МГУП, 2007. С. 7-18.

12. Варбот Ж.Ж. Табу // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 345–346.

13. Волков А.А. Филология и риторика массовой информации // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов. М., 2008. С. 118 – 132.

14. Вундт В., Мюллер М. От слова к вере. Миф и религия. М: Эксмо, 2002. 864с.

15. Газизов Р.А. Коммуникативные табу в немецкой лингвокультуре // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2011. Вып. 51. С. 37– 40.

16. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.

17. Городецкая А. А. Лингвокультурная компетентность личности: учебное пособие. М., 2007. 223 с.

18. Гришаева Л.И. Переводческая деятельность: факторы риска и интертекстуальность // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Вып. 2. С. 70-74.

19. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Культурные табу и их влияние на результат коммуникации: сб. науч. трудов. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2005. 304 с.

20. Гуреева А.А. Социокоммуникативные характеристики языковой личности переводчика (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. Наук: 10.02.19. Волгоград, 2014. 18 с.

21. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации: уч. Пособие. М.: Добросвет, Изд-во КДУ, 2009.

234 с.

22. Де Кастро Ж. Физиология табу (о физиологическом понимании явления табу).// Вопросы философии № 3. Академия наук СССР. Институт философии, 1956. С.192-201

23. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.

24. Денина О.О. Использование переводческих трансформаций для достижения адекватности перевода // Вестник Оренбургского государственного университета номер. Серия: языкознание и литературоведение. Вып. 11(186). 2015. С.186-191

25. Джорджанели К. Эвфемизмы и словесные табу. Тбилиси: «Кавказский Дом», 2005. 120с.

26. Дзенс Н.И., Перевышина В.А., Кошкаров В. А. Теория и практика перевода: учеб. пособие. СПб: Антология, 2007. 560 с.

27. Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж с позиции культурных ценностей // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: языкознание и литературоведение. 2006. Вып. 1. С. 35–42.

28. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). М.: Едиториал УРСС, 2005. 288 с.

29. Добросклонская Т.Г. Теория и методы медиа лингвистики (на материале английского языка). автореф. дис.... д-ра филол. наук. Москва, 2000. 49 с.

30. Добросклонская Т.Г. Язык политического медиадискурса Великобритании и США // Язык СМИ и политика. М., 2012.– 784 с.

31. Должикова С.Н. Особенности проникновения англицизмов в язык масс-медиа // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. Вып. 4. С. 68-69.

32. Дуглас М. Чистота и опасность. Анализ представлений

об осквернении и табу. М.: Канон- Пресс - Кучково поле, 2000. 120с.

33. Ефимов В.С. Практика перевода с немецкого языка на русский: лексические и грамматические проблемы (с привлечением материалов современной периодической печати ФРГ, Австрии и Швейцарии) / под ред. Ю. В. Курносова. М.: Р. Валент, 2009. 190 с.

34. Жаркова Т.И. Табу в межкультурной коммуникации // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Серия: философия, этика, религиоведение. Вып.11 (11). 2013. С. 98-107

35. Замерченко Н.И. Коммуникативные табу в немецкой и русской лингвокультурах // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XLIX междунар. науч.-практ. конф. № 6(49). Новосибирск: СибАК, 2015.

36. Засурский Я.Н. Медиатекст в контексте конвергенции // Язык современной публицистики: сб. статей / состав. Г.Я. Солганик. М., 2007. С. 7 – 12.

37. Землянский Ф.М., Никонов А.И. Картина мира в процессе становления индивидуально-личностного мировоззрения // Вестник ЮУрГУ: Социально-гуманитарные науки. 2010. Вып. 14. С. 121–123.

38. Золотухина-Аболина Е.В. Современная этика: истоки и проблемы: учебник для вузов. Ростов-на-Дону: издательский центр «МарТ», 2000. 442с.

39. Казак М.Ю. Специфика современного медиатекста //Лингвистика речи. Медиастилистика: кол. моногр., посвящ. 80-летию проф. Г.Я. Солганика. Белгород, 2012. С. 320-334.

40. Карабанова О.О. Переводческие трансформации как понятие и явление. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Москва, 2000. 166 с.

41. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166

42. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия: учеб. пособие

к спецкурсу. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена. 1988. 80 с.

43. Кашкин В.Б., Смоленцева Е.М. Этностереотипы и табуированные темы в межкультурной коммуникации (Культурные табу и их влияние на результат коммуникации). Воронеж, 2005. С.246-256

44. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. М.: Гнозис, 2007. 320 с.

45. Колтунова М.В. Конвенции как прагматический фактор делового диалогического общения. М.: Акад. гуманитар. исслед., 2005. 228 с.

46. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр.яз. М.: Высш.шк., 1990.

47. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М., 2005.

48. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдения над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Златоуст, 1999. 319 с.

49. Кострова О.А. Дискурсивные табу в межкультурной научной коммуникации // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации: сб. науч. трудов. Воронеж: ВГУ, 2005. С. 252–262.

50. Кохан О.В. Коммуникативные стереотипы в повседневных практиках (на материале немецкой и русской культур): автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Комсомольск-на-Амуре, 2012. – 16 с.

51. Кочетова Л.А. Английский рекламный дискурс в динамическом аспекте: дисс. .... канд. филол. наук 10.02.19. Волгоград, 2013. 438 с.

52. Куликова Л. В., Попова Я.В. Актуализация табуированных речесмыслов в рекламном дискурсе // Коммуникативные исследования: междун. науч. журнал / под ред. Иссерс О.С. Омск, 2015. 4(6). С. 65-79.

53. Куликова Л.В. Коммуникация. Стилль. Интеркультура: прагмалингвистические и культурно-антропологические подходы к межкультурному общению: учеб. пособие. Красноярск: СФУ, 2011. 268 с.
54. Куликова Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур: монография. Красноярск: РИО КГПУ, 2004. 196 с.
55. Куликова Л.В., Попова Я.В. Табуированные смыслы в дискурсе масс-медиа // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2015. № 2 (043). С. 52-60.
56. Куницына О.М. Детабуизация в немецкой журнальной рекламе: на примере креолизованных рекламных текстов: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2013. 245 с
57. Латышев Л.К. Технология перевода: учеб. пособие для студентов лингвистических вузов и факультетов. М.: Академия, 2005. 320 с.
58. Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: Теория. Практика. Методика преподавания. М.: ИЦ Академия, 2003. 192 с
59. Левицкая Т.Р. Проблемы перевода: учебное пособие. и истории религий. М.: ФАИР, 1998. 352 с.
60. Майданова Л.М. Практическая стилистика жанров СМИ: учеб. пособие. Екатеринбург: Гуманитарный. ун-т, 2006. 336 с.
61. Массалина И.П. Дискурсивные маркеры // Известия Калининградского гос. технич. ун-та. Калининград: КГТУ, 2009. №15. С. 211–217.
62. Мечковская Н.Б. Язык и религия: лекции по филологии и истории религий. М.: ФАИР, 1998. 352 с.
63. Микоян А.С. Проблемы перевода текстов СМИ. Язык средств массовой информации: учеб. пособие для вузов / под ред. М.Н.

Володиной. М., 2008. С. 443–456.

64. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? М.: Готика, 1999. 176 с

65. Найда Ю.А. Наука перевода // Вопросы языкознания. 1970. Вып. 4. С. 3-15.

66. Нелюбин Л.Л, Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней): учебное пособие. 2-е изд. М.: Флинта: МПСИ, 2008. 416 с.

67. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Междунар. отношения, 1978. 202 с.

68. Осипов Д.В. Отражение американских ценностей в популярных фильмах // Гуманитарные исследования. 2010. Вып.1 (33). С. 84–89.

69. Пашкова А.В. Практикум по психологии общения: Упражнения и задачи. М., 2008.

70. Пермякова Т.М. Межкультурная специфика деятельности переводчика // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. Серия: филология. 2009. Т. 1. Вып. 5. С. 240 – 248.

71. Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание: учебное пособие Воронеж. гос. ун-т.-Изд. 2-е, перераб. и доп. 2007. 315 с

72. Попова Я.В. Дискурсивные практики как экспликативные табуированных речесмыслов / Я.В. Попова // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Серия Гуманитарные и общественные науки. СПб., 2012. Вып. 2(148). С. 175–181.

73. Попова Я.В. Коммуникативная обработка табуированных речесмыслов в институциональном дискурсе: дисс. .... канд. филол. наук 10.02.19. Тамбов, 2014. 240 с.

74. Попова Я.В. Коммуникативная обработка табуированных

речесмыслов в институциональных дискурсивных практиках // Казанская наука: Филологические науки. Казань: Казанский Издательский Дом, 2014. Вып. 1. С. 137–141.

75. Попова Я.В. Табу в сфере коммуникативно - языковой актуализации / Язык. Культура. Общество: межвуз. сб. науч. тр.: Вып. II / отв.ред. Л. М. Лемайкина; ГОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарева». Саранск, 2010. С. 51-57.

76. Попова Я.В., Куликова Л.В. Табуированные речесмыслы в дискурсивных практиках институционального общения: монография. - Москва: Гнозис, Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. – 198 с.

77. Прядильникова Н.В. Эвфемизмы в российских СМИ начала XXI века: комплексная характеристика: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 179 с.

78. Псурцев Д.В. Стратегия перевода: пособие по письменному переводу с английского языка на русский для завершающего этапа обучения. М.: Р. Валент, 2013. 188 с

79. Реформатский А.А. Введение в языковедение/ под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.

80. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / дополнения и комментарии Д.И. Ермоловича. 3-е изд. стереотип. М: Р-Валент, 2007. 244 с.

81. Рождественский Ю.В. Теория риторики. М.: Добросвет, 2006.

82. Рутер О.А. Табу в фольклорных поэмах М. Цветаевой (лингвистический аспект): автореф. дисс.... канд. филол. наук: 10.02.01. Ростов-на-Дону, 2007. 28 с.

83. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М.: Восточная литература РАН, 2001. 304с.

84. Рэдклифф-Браун А.Р. Табу // Религия и общество.

Хрестоматия по социологии религии. Сост. Гараджа В.И., Руткувич Е.Д. М.: Аспект Пресс, 1996. 438 с.

85. Савушкина Л.В. Перевод как проблема межкультурной коммуникации: диссертация ... канд. культурологии 24.00.01. Саранск, 2013. 150 с.

86. Салимова Г.Н. К вопросу о классификации тематических табу в различных лингвокультурах // Научный альманах. Серия: филологические науки. 2015. Вып. 2-3(14). С. 407-410.

87. Солганик Г.Я. О закономерностях развития языка газеты в XX веке // Вестник Моск. ун-та. Серия: журналистика. 2002. Вып. 2. С. 39-53.

88. Солганик Г.Я. Стилистика современного русского языка и культура речи: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2002. 256 с.

89. Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиа́текст» // Вестник Московского университета. Серия: журналистика. 2005. Вып. 2. С.7 – 15.

90. Сорокин Ю.А. Проблема перевода с психолингвистической точки зрения //Тетради переводчика. 1984. №. 21. С. 45–51.

91. Стернин И.А. Американское коммуникативное поведение: научное издание / под ред. М. А. Стерниной. Воронеж: ВГУ-МИОН, 2001. 221 с.

92. Стернин И.А. Коммуникативное поведение и национальная культура народа // Вестник ВГУ. Серия: Гуманитарные науки. 1996. Вып. 2. С. 45–64.

93. Стернин И.А. Проблемы описания вежливости как коммуникативной категории // Коммуникативное поведение. Вежливость как коммуникативная категория / науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж, 2003. Вып. 7. С. 22-47.

94. Стрелковский Г.М. Теория и практика военного перевода: немецкий язык: учеб. пособие. М.: Воениздат, 1979. 271 с.
95. Сулейманова Н.К. Специфика профессиональной деятельности переводчика в межкультурной коммуникации // Молодой ученый. 2016. Вып. 21. С. 1022-1027.
96. Сухих С.А. Табу и эволюция сознания // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2005. С. 9–16.
97. Тахтарова С.С. Концепт «toleranz» в немецкой лингвокультуре // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. №1. С. 64-71
98. Токарев С.А. Религии в истории народов мира. М.: Изд-во политической литературы, 1964. 559с.
99. Токарева Н.Д., Пеппард В. Америка. Какая она? М.: Высшая школа, 1998. 334 с.
100. Томахин Г.Д. Перевод как межкультурная коммуникация// Перевод и коммуникация. М.: ИЯ. РАН, 1997. С. 129–137
101. Туганова О.Э. Американское многообразие. Американский характер. Очерки культуры США. М.: Наука, 1991. 384 с.
102. Тульнова М.А. Табу в контексте глобализации // Политическая лингвистика. 2010. №. 4.С.176-180.
103. Фрезер Дж.Дж. Разновидности табу. М.: Золотая ветвь, 1983. С. 188–250.
104. Фрейд З. Тотем и табу. М: Олимп, 1998. 448с.
105. Фрезер Дж. Золотая ветвь. Исследования магии и религии. М.: АСТ, 1998. 784с.
106. Цурикова Л.В. Социально-культурная обусловленность знания и анализ дискурса в межкультурной коммуникации // Вестник ВГУ. 2001. Вып. 2. С. 17–25.
107. Чиронова И.И. Культурная детерминированность

межкультурной коммуникации как переводческая проблема [Электронный ресурс]. // Современные научные исследования и инновации. 2013. Вып. 12 URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/12/29198> (дата обращения 15.11.2019).

108. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – М: Флинта, 2006. – 256 с.

109. Чудинов А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. Вып. 2 (40). С. 53–59

110. Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус. Проблемы. Аспекты. Серия: из лингвистического наследия А. Д. Швейцера. Издание 2-е. М.: Либроком, 2009. 216 с

111. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. - М., Гнозис, 2004

112. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 Волгоград, 2000. 31 с.

113. Шимко Е. А. Особенности перевода в аспекте этнолингвистики [Электронный ресурс]// Современная филология: материалы II Междунар. науч. конф. Уфа: Лето, 2013. С. 115-117. URL <http://bit.ly/35SfJHv> (дата обращения: 19.12.2019).

114. Щиплецова О.П. Речевой этикет и межкультурная коммуникация. [Электронный ресурс]. 2011 // URL: [http://www.pglu.ru/lib/publications/University Reading/2011/IV/uch 2011 IV 000 13.pdf](http://www.pglu.ru/lib/publications/University%20Reading/2011/IV/uch%202011%20IV%2000%2013.pdf). (дата обращения 27.05.2019)

115. Яковлева А.В. Американский образ жизни и американские ценности // Вестник Костромского государственного университета. Серия: философия, этика, религиоведение. 2009. Вып. 4. С. 264–269.

116. Якупова А.В. Американские ценности в рекламном дискурсе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 37. С. 265–266.

117. Abu Fares A. British English And American English: History and Differences // International Journal of Linguistics, Literature and Translation. 2019. Vol. 2 (1). P. 176-187
118. Andersson L.G Fult språk (Ugly language). Stockholm, Sweden: Carlsson, 1985. 245 p.
119. Balle C. Tabus in der Sprache. Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 1990. 205 S.
120. Betz W. Tabu - Wörter und Wandel // Meyers Enzyklopädisches Lexikon. Band 23. 1987. S.141-144.
121. Bussmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart: Kröner, 1990. S. 768.
122. Crystal D. Cursing and swearing // The Cambridge encyclopedia of language. New York: Cambridge University Press, 1992. p.6.
123. Crystal D. Verbal taboos // The Cambridge encyclopedia of language. New York: Cambridge University Press, 1987. p.8.
124. Fraser B. An approach to discourse markers // Journal of Pragmatics. 1990. № 14. P. 383 - 395.
125. Freud S. Totem und Tabu. Hamburg 1956. 200 S
126. Hall E.T., Hall M.R. Understanding Cultural Differences. New York, 1987. 358 p.
127. Hensoldt-Fyda M. Cultural taboo in advertising. Differences in the transmissions of audiovisual advertising in american and hindu market // Social Communication. 2018. Vol. 1. P. 88-100.
128. Hofstede G. Culture and Organization: Software of the Mind. Part II. London: McGraw-Hill, 2010, pp. 53-296.
129. Holder R.W. A dictionary of euphemisms. London: Oxford University Press, 1995. 474 p.
130. Huffstutter J, Craig WD, Schimizzi G, Harshbarger J, Lisse J, Kasle S, et al. A multicenter, randomized, open study to evaluate the impact

of an electronic data capture system on the care of patients with rheumatoid arthritis // *Current Medical Research and Opinion*. 2007. Vol. 23(8). P. 67-79.

131. Jay K., Jay T.B. A Child's Garden of Curses: A Gender, Historical, and Age-Related Evaluation of the Taboo Lexicon // *The American Journal of Psychology*. 2013. Vol. 126 (4). P. 459-475.

132. Jay, K. L., Jay, T. B. Taboo word fluency and knowledge of slurs and general pejoratives: Deconstructing the poverty-of-vocabulary myth // *Language Sciences*. 2015. Vol. 52. P. 251-259.

133. Jay, T. *Why we curse: A neuro-psycho-social theory of speech*. Massachusetts: John Benjamins, 2000. 328 p.

134. Keller R. Worttabu und Tabuwörter // *Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht*. 1987. 60. S. 2–9.

135. Lenkowa A. *Deutsche Lexikologie für pädagogische Hochschulen und Fremdsprachenfakultäten*. JL.: Просвещение, 1970. 294 с.

136. Lesnik-Oberstein K. *The last taboo: women, body hair and feminism* // *The last taboo*. – Manchester University Press, 2013.

137. Ma, V., & Schoeneman, T.J. Individualism Versus Collectivism: A Comparison of Kenyan and American Self-concepts. *Basic and Applied Social Psychology*, 1997. P. 261-273.

138. MacPhee M. Deodorized culture anthropology of smell in America // *Arizona Anthropologist*. 1992. Vol. 8. P. 89-102.

139. *Making America. The Society and Culture of the USA* / Edited by Luther S. Luedtke. Washington DC, 1992. 394 с.

140. Metcalf Allan, Bamhart David. *America in so Many Words. Words that have Shaped America*. New York: Houghton Mifflin Company, 1996. 292 с.

141. Musolff A. Sind Tabus tabu? Zur Verwendung des Wortes Tabu im öffentlichen Sprachgebrauch // *Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht*, 1987. (60). S. 10–18.

142. Naoki ONISHI. The Puritan Origins of American Taboo // The Japanese Journal of American Studies. 1999. No. 10. P. 33–53.
143. Nida E.A., Taber C. The theory and practice of translation. Leiden, 1982,
144. Panasiuk I. Tabu als Aspekt der Fremdheitswiedergabe in der literarischen Übersetzung. -Hauptarbeit, Frankfurt: Francke Verlag, 1998. 47 S.
145. Rosenberg P., Sikström S., Garcia D. The Affective Behavioral Cognitive of Taboo Words in Natural Language: The Relationship Between Taboo Words' Intensity and Frequency // Journal of Language and Social Psychology. 2017. Vol. 36(3). P. 306–320.
146. Schröder H. Tabu // Handbuch Interkulturelle Germanistik. Stuttgart: Metzler, 2003. S. 307–315.
147. Schröder H. Tabuforschung als Aufgabe interkultureller Germanistik // Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache, 1995. Vol. 21. S. 15–35
148. Ullmann S. Semantics. An Introduction to the Science of Meaning. Oxford, 1962.
149. Wagner H. Medien-Tabus und Kommunikationsverbote: Die manipulierbare Wirklichkeit. München: Olzog, 1991. 311 S.
150. Watson D., Clark L.A., Tellegen A. Development and validation of brief measures of positive and negative affect: The PANAS scale // Journal of Personality and Social Psychology. 1988. Vol. 54. P. 1063-1070.
151. Webster S. The History of the Curse: A Comparative Look at the Religious and Social Taboos of Menstruation And the Influence They Have on American Society Today : dis. ... Master of Science. The University of North Carolina at Charlotte [Электронный ресурс] // 2017. P. 49 URL: <http://bit.ly/30v9M28> (дата обращения: 25.10.2019).
152. Wyman K., Emanuel R., Brown X., Dingle N., Lucas V., Perkins A., Turner F., Whittington D., Witherspoon Q. Who has the

“Right” to Use the N-Word? A Survey of Attitudes about the Acceptability of Using the N-Word and its Derivatives // International journal of society, culture & language. 2018. Vol. 4 P. 47-58.

153. Zöllner N. Der Euphemismus im alltäglichen und politischen Sprachgebrauch des Englischen. Frankfurt am Main: Lang, 1997. S.445

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. Tabu. // Duden Deutsches Universalwörterbuch [Электронный ресурс Bibliographisches Institut GmbH, 2018. URL: <http://www.duden.de/> (дата обращения: 05.10.2019).
2. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т Сов. энцикл.; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. (4 т.)
3. Merriam-Webster Dictionary Online [Электронный ресурс]. Merriam-Webster, Incorporated, 2019. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 25.10.2019)
4. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. - Мн.: Книжный Дом. 2003. -1280 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая рос. энцикл., 2002. 709 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой [Электронный ресурс].09.08.2018. // URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/-/asset_publisher/i6t41cq3VWP6/content/id/3316569 (12.04.2020)
2. Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой [Электронный ресурс].15.03.2019 // URL: https://www.mid.ru/brifingi/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/3573250
3. Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой [Электронный ресурс].07.03.2019. // URL: https://www.mid.ru/zh/brifingi/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/3562173
4. Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой [Электронный ресурс].09.04.2020. // URL: https://www.mid.ru/brifingi/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/4097482
5. Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой [Электронный ресурс].14.05.2020 // URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/-/asset_publisher/D2wHaWMCU6Od/content/id/4122532
6. Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой [Электронный ресурс].29.04.2020 // URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/-/asset_publisher/D2wHaWMCU6Od/content/id/4108704
7. Брифинг официального представителя МИД России М.В.Захаровой [Электронный ресурс].08.05.2020. // URL: https://www.mid.ru/diverse/-/asset_publisher/zwI2FuDbhJx9/content/brifing-oficial-nogo-predstavitela-mid-rossii-m-v-zaharovoj-moskva-8-maa-2020-goda
8. Заявление МИД России в связи с попытками в США

переписать историю Победы над нацизмом [Электронный ресурс].10.05.2020. // URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/us/-/asset_publisher/unVXBbj4Z6e8/content/id/4117753

9. Заявление МИД России в связи с событиями в Венесуэле [Электронный ресурс].24.01.2019. // URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/ve/-/asset_publisher/xF355DHtiSes/content/id/3482366

10. Заявление МИД России [Электронный ресурс].05.09.2018.// URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement//asset_publisher/t2GCdmD8RNlr/content/id/3337611

11. О России на международной арене и отношениях с США (интервью ТАСС) [Электронный ресурс].11.03.2020. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/62971>

12. О памяти о Великой Отечественной войне, Сталине и Гитлере (интервью ТАСС) [Электронный ресурс].10.03.2020 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/62963>

13. Ответ официального представителя МИД России М.В. Захаровой на вопрос СМИ относительно нападения на СММ ОБСЕ в Донбассе [Электронный ресурс].20.06.2018. // URL: https://www.mid.ru/press_service/spokesman/answers/-/asset_publisher/OyrhusXGz9Lz/content/id/3266723

14. Ответ официального представителя МИД России М.В.Захаровой на вопрос агентства «РИА Новости» в связи с принятием Европарламентом резолюции «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» [Электронный ресурс].20.09.2019.// URL: https://www.mid.ru/web/guest/evropejskij-souz-es/-/asset_publisher/6OiYovt2s4Yc/content/id/3793247

15. American Community Survey 1-Year Estimates. U.S. Census Fact Finder. American Community Survey [Электронный ресурс]. 2016. // URL: <https://www.countyplanning.us/resources/census->

data/americancommunity-survey/american-community-survey-1-year-supplemental-estimates/ (дата обращения: 11.08. 2019)

16. Appreciating police shouldn't be taboo [Электронный ресурс]. 2019. // URL: <https://dbknews.com/2019/11/06/montgomery-county-police-blue-lives-flag-suicide/> (дата обращения: 27.09. 2019)

17. Auswärtiges Amt zu Berichten über den Test zweier ballistischer Raketen durch Nordkorea. Pressemitteilung [Электронный ресурс].02.03.2020 //URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/raketentest-nordkorea/2312968>

18. Auswärtiges Amt zu Festnahmen in Moskau. Pressemitteilung [Электронный ресурс].04.08.2019 // URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/festnahmen-moskau/2237126>

19. Deutschland und Frankreich: „Für eine Wiederaufnahme des Dialogs jetzt!“ [Электронный ресурс].23.05.2020 // URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-le-drian/2343948>

20. How 'Gun Control' Became a Taboo Phrase [Электронный ресурс]. 2016. // URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2016/01/word-choice-and-gun-culture/423108/> (дата обращения: 23.08. 2019)

21. How to stamp out sexual harassment in the workplace [Электронный ресурс]. 2017. // URL: <https://www.bbc.com/worklife/article/20171103-how-to-stamp-out-sexual-harassment-in-the-workplace> (дата обращения: 06.10. 2019)

22. Iran: „Die Drohungen nehmen wir nicht auf die leichte Schulter“. Interview [Электронный ресурс].13.01.2020. // URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-saarbruecker-zeitung/2292246>

23. Is Looking Your Age Now Taboo? [Электронный ресурс]. 2007. // URL: <https://www.nytimes.com/2007/03/01/fashion/01skin.html> (дата обращения: 28.09. 2019)

24. Kateřina Tučková: "Ich halte nichts von kollektiver Schuld" [Электронный ресурс].2019 // URL: <https://www.dw.com/de/kate%C5%99ina-tu%C4%8Dkov%C3%A1-ich-halte-nichts-von-kollektiver-schuld/a-47965606> (дата обращения: 20.11.2019)

25. Keine Politik ohne Geschichte. Namensbeitrag [Электронный ресурс].07.05.2020 // URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/maas-wirsching-end-second-world-war/2339620>

26. Kendrick Lamar stops white fan using N-word on stage at concert [Электронный ресурс].2018. // URL: <https://www.bbc.com/news/newsbeat-44209141>(дата обращения: 23.08.2019)

27. Like a natural woman: why taboos about discussing the female body are dying [Электронный ресурс]. 2019. // URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2019/jul/20/vagina-dialogues-all-talking-about-womens-bodies-period-miscarriage-menopause> (дата обращения: 30.09.2019)

28. Many in media distort the framing of #MeToo [Электронный ресурс]. 2019. // URL: <https://www.womensmediacenter.com/news-features/many-in-media-distort-the-framing-of-metoo> (дата обращения: 11.11.2019)

29. Menschenrechtsbeauftragte Kofler zum Internationalen Tag gegen Homo, Bi, Inter- und Transphobie. Pressemitteilung [Электронный ресурс].16.05.2020 // URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/mrhhb-internationaler-tag-gegen-homo-bi-inter-und-transphobie/2341228>

30. Obama's Income Inequality Speech [Электронный ресурс] 2011. // URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2011/12/obamas-income-inequality-speech/334664/> (дата обращения: 13.11. 2019)

31. PubMed Central® (PMC) Women at work: Changes in sexual harassment between September 2016 and September 2018 [Электронный ресурс]. 2018. // URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC663>

6712 (дата обращения: 11.10. 2019)

32. Respectful Disability Language: Here's What's Up! [Электронный ресурс]. 2006. // URL: http://www.aucd.org/docs/add/s_a_summits/Language%20Doc.pdf (дата обращения: 27.09. 2019)

33. Schwangerschaftsabbruch: Ein Tabu und seine Folgen [Электронный ресурс]. 2018. // URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/schwangerschaftsabbruch-ein-tabu-und-seine-folgen.3720.de.html?dram:article_id=430044 (дата обращения: 05.11. 2019)

34. Tabu Abtreibung [Электронный ресурс]. 2012 // URL: <https://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2012-07/abtreibung-tabu> (дата обращения: 12.11. 2019)

35. The war in Ukraine must end [Электронный ресурс]. 2019 // URL: <https://nationalinterest.org/feature/war-ukraine-must-end-99022> (дата обращения: 20.11.2019)

36. Toleranz in Deutschland: Auf den ersten Blick hoch [Электронный ресурс]. 2018 // URL: <https://mag.dbna.com/leben/toleranz-in-deutschland-auf-den-ersten-blick-hoch-9998> (дата обращения: 11.11. 2019)

37. Trump retweeted Pelosi muslim garb white house made it worse [Электронный ресурс] 2020. // URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/01/13/trump-retweeted-pelosi-muslim-garb-white-house-made-it-worse/> (дата обращения: 25.01.2020)

38. Was der Streit um ein Denkmal über Russlands Politik verrät [Электронный ресурс]. 2019. // URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article203764452/Prag-Was-der-Streit-um-ein-Denkmal-ueber-Russlands-Politik-verraet.html> (дата обращения: 25.11.2019)

39. Was Europa aus der Corona Krise lernen kann [Электронный ресурс]. 12.04.2020 // URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-welt-corona/2332252>

40. What Are Some American Taboos? [Электронный ресурс]. 2018. // URL: <https://classroom.synonym.com/what-are-some-american-taboos-12078887.html> (дата обращения: 05.10. 2019)

41. Wieso das dritte Geschlecht einen Namen braucht [Электронный ресурс]. 2017. // URL: <https://www.srf.ch/news/international/intersexuelle-menschen-wieso-das-dritte-geschlecht-einen-namen-braucht> (дата обращения: 04.11. 2019)

Анкета для представителей американской и немецкой лингвокультур

This questionnaire contains topics that are considered taboo in many cultures. Could you please contribute to the research of taboos and choose topics that you consider as taboo?

Please note that several topics may be similar in different categories. The questionnaire is absolutely anonymous. The only purpose of the questionnaire is to collect relevant information for further analysis in the master's thesis.

* **Обязательно**

Your age *

Мой ответ

Your occupation *

- PhD student
- Undergraduate student
- Postgraduate student
- PhD
- School student
- Employee
- Другое:

Your country of residence *

Мой ответ

This questionnaire contains topics that are considered taboo in many cultures. Could you please contribute to the research of taboos and choose topics that you consider as taboo?

* **Обязательно**

Which topics are taboo specifically in the country where you live?

Please rank taboo topic on a scale from 0 to 3, when 0 is free discussed topic, 1 - used to be a taboo, but nowadays is not, 2 - is rarely brought up, but still happens, 3 - is not acceptable to discuss and such things do not happen (absolutely taboo).

Human rights violation

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Discrimination of any kind (sex, gender, age, etc.)

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Sexual harassment

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Sexual deviation (pedophilia, incest, etc.)

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Sexual orientation

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Deviant behavior (offenses, crimes, etc.)

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Severe, grave diseases

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Death and funeral rites

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Abortion

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Euthanasia

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Religious views and beliefs

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Human body (sounds, smells, liquids of the body, names for body parts, etc.)

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Criticism of the authorities and political system

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Militarism (military intervention to other states)

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Migration and minorities (intolerance and hostility towards immigrants and minorities)

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Democracy

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Gun control

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Family, children, marriage

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Financial situation

0 1 2 3

Free discussed topic

Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Please add more taboo topics, if not mentioned *

Мой ответ

Страница 2 из 4

Назад

Далее

Никогда не используйте формы Google для передачи паролей.

Компания Google не имеет никакого отношения к этому контенту. [Сообщение о нарушении](#) - [Условия использования](#) - [Политика конфиденциальности](#)

Google Формы

This questionnaire contains topics that are considered taboo in many cultures. Could you please contribute to the research of taboos and choose topics that you consider as taboo?

* **Обязательно**

Which topics do you personally feel as taboo?

Please rank taboo topic on a scale from 0 to 3, when 0 is free discussed topic, 1 - used to be a taboo, but nowadays is not, 2 - is rarely brought up, but still happens, 3 - is not acceptable to discuss and such things do not happen (absolutely taboo)

Appearance (comments on the looks of other people)

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Private life (romantic relationships, amount of partners, etc.)

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Personal troubles (unemployment, loneliness, fertility problems, etc.)

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Career (professional achievements, career aspirations, etc.)

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Criminal record

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Bad habits

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Divorce

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Financial situation

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Personal trauma (rape, childhood traumas, etc.)

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Marital infidelity, betrayal of close ones

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Psychological problems (issues with anxiety, fears, phobias, OCD, etc.)

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Cultural identity

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Human rights violations

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Discriminations of any kind (sex, gender, age, etc.)

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Sexual harassment

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Sexual deviation (pedophilia, incest, etc.)

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Sexual orientation

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Deviant behavior (offenses, crimes, prostitution, etc.)

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Severe, grave diseases

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Death and funeral rites

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Abortion

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Euthanasia

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Religious views and beliefs

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Human body (sounds, smells, liquids of the body, names for body parts)

0 1 2 3

Free discussed topic   Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Criticism of the authorities and political system

0 1 2 3

Free discussed topic   Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Militarism (military intervention to other states)

0 1 2 3

Free discussed topic   Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Migration and minorities (intolerance and hostility towards immigrants and minorities)

0 1 2 3

Free discussed topic   Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Democracy

0 1 2 3

Free discussed topic   Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Gun control

0 1 2 3

Free discussed topic   Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Family, children, marriage

0 1 2 3

Free discussed topic   Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Please add more taboo topics, if not mentioned *

Мой ответ

Страница 3 из 4

Назад

Далее

Никогда не используйте формы Google для передачи паролей.

Компания Google не имеет никакого отношения к этому контенту. [Сообщение о нарушении](#) - [Условия использования](#) - [Политика конфиденциальности](#)

Google Формы

This questionnaire contains topics that are considered taboo in many cultures. Could you please contribute to the research of taboos and choose topics that you consider as taboo?

* **Обязательно**

What topics are considered taboo in the country where you live while communicating with foreigners?

Please rank taboo topic on a scale from 0 to 3, when 0 is free discussed topic, 1 - used to be a taboo, but nowadays is not, 2 - is rarely brought up, but still happens, 3 - is not acceptable to discuss and such things do not happen (absolutely taboo)

Any kind of comparison between countries

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Criticism of politicians and authorities of other country and their political system

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Generalizations about the country where you live

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Generalizations about other countries

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Violations of the international law

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Criticism of cultural differences (customs, traditions, views, clothing, accent, etc.)

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Stereotyping about other culture and its representatives

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Religious views and beliefs

	0	1	2	3	
Free discussed topic	☐	☐	☐	☐	Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Militarism and war (military interference to other states)

0 1 2 3

Free discussed topic

Not acceptable to discuss and absolutely taboo

Please add more taboo topics, if not mentioned *

Мой ответ

Страница 4 из 4

Назад

Отправить

Никогда не используйте формы Google для передачи паролей.

Компания Google не имеет никакого отношения к этому контенту. [Сообщение о нарушении](#) - [Условия использования](#) - [Политика конфиденциальности](#)

Google Формы

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
 О.В. Магировская/
23 июня 2020 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
**ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ТАБУ В ПРОЦЕССЕ
МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

45.04.02 Лингвистика
45.04.02.01. Межкультурная коммуникация и перевод

Магистрант

Д.Д. Батарило

Научный руководитель

канд. филол. наук, доц.
Я.В. Попова

Красноярск 2020